

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ

Системы

Научного

Объяснительного

Знания —

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

г. Чернигов, 1995 г.

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ

Системы

Научного

Объяснительного

Знания —

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

г. Чернигов, 1995 г.

ОТ АВТОРА

Если вы интересуетесь прогрессом научного познания в областях философии, физики, химии, биологии, психологии, логики, общей теории познания и др;

если вы интересуетесь вопросами создания новой научной объяснительной картины мира и формирования новой идеологии;

если вы хотите ознакомиться с новой, существенно более эвристичной и прогрессотворной СНОЗ или изучить ее, овладеть и пользоваться ею, дающей существенно обновленную и неопровержимо истинную фундаментальную научно-объяснительную, мировоззренческую базу для примирительно-объединительного и прогрессотворно-созидательного синтеза религиозной, естественно-научной, диалектико-идеалистической, диалектико-материалистической и прочих идеологий;

если вы желаете так исчерпывающе и истинно, как это возможно вообще, познать то, из чего, как и почему изначально и потом в своем глубинно-донном фундаменте все в реальности получается, опричинивается, обуславливается, развивается и направляется в своем развитии, существует и оживляется, — познать обще-существенные фундаментальные элементарно-структурные и причинно-следственные механизмы зачатия, изменения и развития неживых или и оживления, поведения и развития соответствующих вещественных образований, получить лучшие возможности для мысленного моделирования и выяснения возможности их преобразований, сохранений, приспособлений и последствий этого;

то приобретите эту и ей предшествующие части текста «Прологи новой СНОЗ» и приступайте к изучению новой СНОЗ, внимательно и вдумчиво читая последовательно, часть за частью, начиная с первой части.

О возможности приобретения этих книг читайте в конце текста этой книги.

(С) Г. И. НЕВОЛЬКО

5—7707—0657—0.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является шестой (и последней) частью текста «Прологи новой системы научного объяснительного знания», которым, вместе с текстом «Логи новой системы научного объяснительного знания», излагаются основания и основы новой СНОЗ, общая характеристика которой дается в предисловиях первой и второй частей «Прологов...».

Для достижения верного и достаточно полного понимания смыслового содержания этой (шестой) книги «Прологов...» необходимо внимательное, напряженное и неторопливое прочтение всех уже изданных предшествующих частей «Прологов...» с достижением верного и достаточно полного понимания основного смыслового содержания их. Ибо то основное смыслологическое содержание, из которого и получается новая СНОЗ и соответствующие вопросы и части которого содержатся в каждой из частей этих текстов, выводится из содержания им предшествующих частей (книг) этих текстов.

Выходом этой книги (шестой части) завершается издание текста «Прологи новой СНОЗ», после чего будет издаваться текст «Логи новой СНОЗ», которым осуществляется дальнейшее развитие процесса изложения оснований и основ новой СНОЗ,—подробнее, вглубь до дна исчерпывающе, основного, наиболее важного. «Логи...» будут издаваться также по частям, отдельными книжками, по мере того, как автор будет собирать необходимые и достаточные для этого деньги. Но завершение издания «Прологов...» является важным этапом в деле продвижения новой СНОЗ в общественное умознание человечества, в осуществлении чего многими личностями оказывалась ценная и важная (а кое-кем на некоторых участках и этапах и решающая) помощь, за что они заслуживают публичных государственных и общественных вознаграждений, благословений, прославлений и увековечиваний в памяти грядущей глобальной истории человечества. О чем я, как автор новой СНОЗ, и ходатайствую перед человечеством. О персоналиях и о их вкладах в это трудное и чрезвычайно важное дело будет опубликовано позже.

Г Л А В А 1

§ 1. Продолжение выяснений процессов, результатов и путей дальнейшего прогресса познания

Для объединения реальных элементов в систему нужны соответствующие условия в количественном и качественном составе и во взаиморасположениях и взаимосоприкосновениях их и в их окружающей и пропитывающей среде. А для объединения мышлением смысловых элементов в какую-нибудь систему модельного знания нужны соответствующие мыслительные усилия, приводящие эти элементы в соответствующие взаиморасположения, взаимосоприкосновения и последующие взаимосостояния, взаимодействия и взаимопереходы в целостности смыслового содержания модель-представления. Но сами эти смысловые элементы, умосознание черпает из себя же; т. е. в результате процесса мышления умосознание извлекает их из памяти и вводит их в область проявлений умосозерцающегося содержания представлений или исключает их оттуда или изменяет, или заменяет и прочим всевозможным образом обрабатывает их. Сложное модель-представление получается или в результате извлечения его из памяти в готовом виде, или в результате логического формирования его творческим мышлением, или в результате логического формирования его при помощи осмысленного приема таких символ-структур, строями которых управляется и облегчается его формирование.

При познавательном мышлении следует иметь в виду, что есть элементы предмета познания, которые соответствующей структурой взаимоотнопричинивания, взаимообуславливания и взаимообъединения образуют его целостность, есть структура взаиморасположений и взаимоотнопричинивания и взаимобмена между этими элементами и есть среда, окружающая и пропитывающая сложное образование из этих элементов и структуры. Это то, что мы познаем, что мы должны отличать от того, чем мы познаем, чем мы отображаем. А познаем, отображаем мы представлениями и модель-представлениями, образующимися в нашем умосознании в результате мысленной обработки смыслового содержания, в котором в соответствии с предметом познания должны быть и есть смысловые элементы и смысловые (отображательные) структуры между ними и есть умосознанием и процессом мышления образующаяся смысловая среда, окружающая, пропитывающая и обуславливающая сложное образование из смысловых элементов, отображающее собой предмет познания. Отображательные

свойства смыслового содержания, способность идеальности (структуры-ничто) к отчуждению и распространению через иные элементы, к фиксации и сохранению среди других или иных элементов, способность умознания к извлечению из памяти и к творческому формированию всевозможных смысловых образований и к умозрительному прослеживанию последственных изменений и развития этих смыслологических образований позволяют человеку истинно отображать, познавать предметы познания. Для этого необходимо добиваться максимально возможного соответствия между познающим и его отображающим. Хотя уровень сложности и форма очертаний границ-ничто тех реальных элементов умознания, на множестве которых и которыми проявляются смысловые элементы и процессы мышления, чаще являются совершенно иными по сравнению с этими смысловыми элементами или из них образующегося сложного смыслового содержания (подобно тому, как форма очертаний краев и оттенков тучи чаще бывает иной, чем форма ее составляющих элементов тумана). Если в ощущении и восприятии нам дано идеальное предмета познания посредством его элементов, воздействующих на наши органы чувств, или элементов канала связи, передающего отображения, воздействующие на наши органы чувств, то в представлении, если оно истинное, идеальное предмета познания дано посредством структуры субъективных смысловых элементов. Но последние также в конце концов образуются, состоят и реализуются из всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего реальности объективной и субъективной.

Для хорошего, достаточно полного, отчетливо-ясного и истинного отображения структуры элементов предмета познания и структуры элементов тех реалий, которыми он окружен, глубоко и повсюду пропитан, соопричинивается и обуславливается, в умознании должна быть умозрительная структура смысловых элементов представления, отображающая этот предмет, и умозрительная структура смысловых элементов, отображающих окружающее, пропитывающее, соопричинивающее и обуславливающее этот предмет. Кроме этого, должна быть логика мышления принуждающая и приводящая обе эти смысловые структуры и изменения в них к соответствию с соответствующим в предмете и в его окружении.

Логика мышления (формы, приемы, подходы; направленность, продолжительность и напряженность усилий; широта и глубина

охвата, проникновения и влияния и пр.) умосознания, извлекающего из памяти, выясняющего, обрабатывающего и прослеживающего в процессе мышления смысловое содержание, должна быть такой, чтобы принудить смысловые элементы к такому взаимоповедению, к таким взаимооструктурированию, объединению и организации в систему модельного знания и к такому проявлению, поведению и развитию модели в окружающей и пропитывающей ее смысловой среде, чтоб все это соответствовало элементам, структуре и свойствам предмета познания, взятого как в целостности, так и в плане внутреннего состава, устройства и работы эту целостность образующей структуры элементов с учетом взаимодействия и взаимовлияния со структурно-элементными условиями ее окружающей и пропитывающей среды. И насколько это соответствие будет достигаться глубоко, подробно и точно, настолько же глубоко, подробно и точно будет достигаться соответствие проявлений логики мышления с проявлениями тех реальных условий, которые обуславливают собой познаваемое существование структуры элементов предмета познания. «Так называемая объективная диалектика, — написал Ф. Энгельс, — царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга либо в более высокие формы»¹⁾. В. И. Ленин много раз высказывал идею, что логические формы и законы есть отражение объективного мира, т. е. отражение того, что познается. И поэтому, если имеется истинное и глубоко подробное элементарно-структурное и причинно-следственное знание о предмете познания и истинная логика его познания методом логического вывода последствий из исходных элементов знания, то тогда из чувственно данной структуры элементов предмета и из знания этого предмета и логики вывода этого знания можно получить знание о тех исторических условиях, которые обуславливали собой зачатие, развитие и нынешнее состояние предмета познания, нынешний вид структуры которого фиксируется в архитектонике восприятий. А если известны исторические условия, сопровождавшие появление и развитие предмета познания до такого-то его состояния, и истинное глубоко структурное знание об этом предмете, то можно получить знание о том, как следует мыслить, чтоб истинно познавать этот

1) Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1952 г., с. 166.

и подобные предметы, в том числе и возможные их будущие состояния при соответствующих дальнейших условиях. Т. е. из знания предмета, его зачавшей и обусловившей развитие среды и логики мышления можно находить, познавать интересующий нас член по истинному знанию остальных. Восприятийно данный вид структуры предмета при этом играет роль ориентира, опорного пункта, чувствами заснятым кадром, соответствие которому можно найти и в серии рядоположенных текущих и сменяющих друг друга видов структур смысло-представления, выводящихся из исходных элементов знания, и удостовериться, что выводящееся знание дает объяснения восприятийным данным. Словом, если исходные элементы знания истинны, если истинная и логика выведения выводного знания и если мы в результате выведения получаем такую структуру смыслового содержания представлений, понятий или мысленных моделей, какую чувственно можем наблюдать, то все знание, безошибочно выведенное из начал, будет истинным. Следовательно, можно истинно познать и те реальные вещи, которые находятся не только не в умознании познающего, но и за пределами чувствам доступных уровней сложности. Но для этого необходимо истинно познать всеобщие исходные начала бытия и наименьшие элементы сущего и логику, методологию выведения из них всего нас интересующего, что будет раскрыто в первой части «Логов...».

II

Познающий может по своему усмотрению выбирать предмет своего познания: предметы реальности и их элементы и реальные действия и взаимодействия их или над ними; смысловые элементы представлений или модель-представлений, которым субъект придает или которые берут на себя функцию отображения (тем, что субъект выясняет в смысловом содержании форму структуры-нечто и структуры-ничто, соотносит их к соответствующему предмету познания и испытывает наличие соответствия), и мысленные действия над смысловыми элементами. Но субъект может взять для мысленного исследования и только то, что он сам примысливает смысловому элементу, хотя примысливающееся к смысловому элементу и не имеет соответствия в том, для отображения чего предназначается этот смысловой элемент. Некоторые из таких примыслов затем берут уже как общепризнанное и достоверное, якобы, и потом уже с ним согласуют структуру сложного представления. От этого мышление получает богатый ис-

точник заблуждений, что проявляется не только в мышлении отдельного индивида, но проникает и в систему общественного знания и познания и унаследуется потомками.

В математике, например, берут понятие точки и определяют его смысл как объект, не имеющий измерений, а затем рассматривают всевозможные движения такой точки в системе координат по разным формулам математики. Т. е. уговариваются и других уговаривают мыслить такой какой-то мысленный элемент, который не есть нечто, который не имеет никакой протяженности, а значит это и мыслить не должны посредством какого-нибудь протяженного антиощущения, только и могущего отобразить собой протяженность материального прообраза. Такое понятие и мыслить-то невозможно! Что же это за объект, в котором нет никакой протяженности, нет измерений? Ничто? Но ничто может быть лишь как граница-прерыв или граница-переход между каким-то нечто, обязательно протяженным, ибо в противном случае оно не есть нечто, и иным нечто и не может быть в окружении одного и того же нечто. А в математике нынче точкой оперируют как каким-то нечто, а определяют ее как ничто, не имеющее измерений. Где же логика? Да и зачем мыслить такую идею, для которой в реальности нет и быть не может ничего соответствующего? Если есть отображательная необходимость мыслить точку как ничто, так и следует ее мыслить так, а не подменять такой смысл другим, который и мыслить-то отчетливо и правильно невозможно. А если есть отображательная (а не развлекательная) необходимость мыслить точку как нечто, то так ее и нужно мыслить, не путая одно с другим. Раз «никто не знает толком, что тут движется, — следовательно, заключает идеалистический философ, — можно надуть философски необразованных людей соблазнительно «экономным» предположением: давайте мыслить движение без материи...». ¹⁾ Сущность математики в ее свободе, говорил Г. Кантор. В свободе от чего? От материи? или от истинности? или от того и другого? В ходе развития математики потому, отчасти, и оказалось, что ее основания менее надежны, чем надстройка, как это признает У. В. Куайн. ²⁾ «Не математика ли сильнее всех других наук в наши дни склоняет некоторые умы к прагматизму, к той софистике прагматизма, каковой является научный агностицизм? Действительно, именно в математике мы

1) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 300.

2) У. В. Куайн. «Основания математики», сб. «Математика и современный мир». Изд. «Мир», 1967 г., стр. 108.

чувствуем себя наиболее далекими от конкретного и реального, наиболее близкими к произвольной игре формулами и символами, такой абстрактной, что она кажется пустой...». (Абель Рей, «Современная философия», Париж, 1908 г.), — выписано и подчеркнуто В. И. Лениным.¹⁾ В каком смысле и ради чего, интересно, многие нынешние наукословы отстаивают мнение, что где нет математики, там нет, де, и науки?

«Воистину безграничен произвол умозрения, если он пользуется названием вещи, не придавая, однако, никакого значения понятию, которое с этим названием связано... Философия не должна возвращаться к представлениям, которые всеобщее употребление или злоупотребление связывает с названием, но она должна проникнуть в природу вещи, по отношению к которой названия являются только знаками».²⁾

Познающему, если он желает избежать ошибок, следует внимательнее и осторожнее быть при познании движений и действий, т. к. при этом мышление может отделить мысль движения от мысли о движущемся объекте и мыслить его самостоятельно, может составить понятие о действии или движении вообще, смысл которого не связан с реализатором, носителем этих действий или движений, тогда как в реальной действительности такого разрыва не может быть: движения без его материального реализатора или производителя и носителя нет и быть не может. А мыслить движение вообще можно потому, что смысл, связанный со словом «движение», вызывается из памяти в представление одним и тем же словом «движение», а отображать собой он может и любое движение любого вспоминающегося объекта, и движение мыслительных процессов, предназначенных для приведения в движение какого-нибудь смыслового элемента, из-за чего создается возможность подмены одного другим, прымысла и отрыва смысла о движении от смысла того, что при этом движется. Здесь имеется источник ошибок. Вспомните Оствальда и его идеи энергетизма, построенные на устранении из мышления представлений о материи и подмене ее движением, энергией без материи. В реальности есть и могут быть только материально-идеальные объекты, элементы, вещи и пр. в новом смысле терминов материально-го и идеального; и если что-то и как-то движется, проявляется, то реализатором и носителем этого является какое-то материаль-

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 478.

2). Л. Фейербах. Соч., Госиздат М.—П., 1923 г., т. 1, стр. 107—108.

ное нечто. Нет и быть не может движения без его материального производителя и носителя. Следовательно и смысл понятия движение нельзя мыслить только как движение без движущегося; он должен мыслиться лишь как нечто как-то движущееся.

В качестве возражения могут сказать: понятие «движение» ведь есть? И оно работает в системе понятий, несмотря на то, что его мыслят отдельно от носителя движения, мыслят как движение вообще?! Так в том-то и дело, что есть возможность в мышлении формировать такие понятия и рассматривать их затем в отрыве от смысла, отображающего собой носителя движения, без которого никакого движения не бывает. В том-то и дело, что возможность делать какие угодно комбинации из слов, возможность самостоятельного употребления слов, несмотря на то, может ли самостоятельно существовать реалья, отображающаяся в связанном с этим словом смысле, возможность употреблять слова в сочетании с другими не зависимо от того, что отображающиеся в смыслах этих слов реальности и не могут так сочетаться, так связываться; — эта возможность, если ее не устранить приведением к соответствию отображательных смыслов с отображающимися в них реальностями, и приводит мышление к ошибочным или запутанным результатам. Ведь одни слова вызывают у нас смысло-представления о предметах, своей материей реализующих свои свойства, движения; а другие — о свойствах, движениях. И поэтому словосочетания должны быть такими, чтоб формирующиеся при их помощи представления были истинными. Если мыслят какое-то действие, то необходимо мыслить при этом и то нечто, которое так-то действует. И если мы хотим истинно познать, то необходимо руководствоваться логическим правилом запрета мыслить движения, свойства и всякие проявления без их реализующих нечто; и нельзя мыслить существование чего-нибудь (какого-то нечто) без его движений или каких-то проявлений.

Любые реальности, предметы познания отображаются, познаются смысловым содержанием наших представлений, элементы которого есть протяженности антиощущений с границами-ничто отличия от иначе антиощущающихся протяженностей. И поэтому движения познающихся реалий можно отобразить соответствующими движениями соответствующих смысловых элементов. Смысл слов, употребляющихся в серьезных познавательных общениях, должен быть отчетливо и адекватно уяснен и определен.

«Попытка мыслить движение без материи протаскивает мысль, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм». ¹⁾

III

В современной логике широко применяется абстракция: «результат мысленного отвлечения тех или иных определенных свойств от множества свойств исследуемого конкретного предмета». ²⁾ Конечно, мышление способно абстрагировать, но следует делать это лишь там и так, где и что не запутывает, не затрудняет, а облегчает выяснение и познание какого-то вопроса. Если отвлекают свойство от того, чему оно свойственно, и мыслят его отдельно как самостоятельную сущность, или если отвлекают одно свойство от других, в то время как оно в реальности не может существовать без этих других, то совершенно очевидно, что здесь вовлекаются в ошибку, которая приводит затем к последующим заблуждениям. Отвлекать можно и следует смысл мысли (идеи) от предмета познания; но сам смысл мысли, будучи отвлеченным от предмета, должен мыслиться в таком отображательном содержании, каков есть отображающийся в нем предмет (или его элемент, часть или какая-то его сторона). И если в смысловом содержании мысли (идеи) отображается не все содержание предмета, а лишь какая-то часть или сторона его, то и относить такую мысль следует не ко всему предмету, а лишь к тому, что в ней отображается. Такая мысль должна быть лишь каким-то элементом, шагом в знании и познании, которое завершается формированием мысленной модели целостности этого предмета. Завершив восхождение от данного в восприятии чувственно-конкретного к представлению, содержащему в себе соответствие с чем-то тем, что есть общее между всеми конкретными единичными предметами, познание затем отвлекается от чувствами воспринимаемой реальности и продолжает процесс познания уже посредством отвлеченного мышления. И при этом мышление должно брать смысловые элементы в таких взаимосвязях, взаиморасположениях, взаимопереходах, взаимодействиях, и взаимозависимостях, как это есть между соответствующими элементами в предмете познания. Выражаясь словами Ф. Энгельса: «Нельзя конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем». ³⁾

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 284.

2). Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971 г., стр. 11.

3). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 370—371.

Итак, отрываясь, отвлекаясь от чувственного восприятия предмета познания субъект затем использует запомненные результаты, последствия этих восприятий и получает возможность оперировать ими в умознании как смысловым содержанием представления, уже отвлеченного от реального предмета познания, получает возможность преобразовывать и формировать представления со всевозможным смысловым (отображательным) содержанием. Благодаря отвлечению от чувственных восприятий мышление субъекта получает возможность из исходных смысловых элементов и состояний опытного знания выводить новое знание; затем субъект может вновь обращаться к чувственным восприятиям чувственности доступного, возвращаться от отвлеченного смыслового содержания к чувственно-конкретным восприятиям предмета познания и установлением соответствия или несоответствия подтверждать, уточнять или опровергать результаты отвлеченного смыслового конструирования мышлением. А затем это более уточненное и развитое смысловое содержание он опять может использовать для дальнейшего развития его путем отвлеченного мышления и т. д.

Л. Фейербах писал, что «только созерцание вещей и существ в их объективной действительности освобождает человека совсем и совершенно от всяких предрассудков». ¹⁾ Но это лишь одна сторона. Другая же состоит в том, что чувственное созерцание скрывает собой мышление и заслоняет его возможности познавать то, что чувственности не доступно. Движение от чувственно-конкретного через абстрактно-мысленное к воспроизведению конкретного смыслового содержания посредством мышления и возвращение к чувственно-конкретному восприятию восприятийных данных в практике—вот путь познания. Или, по Ленину, от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него к практике. Человек, пытающийся познавать лишь методом абстрактного (т. е. отвлеченного) мышления, не подчиняя при этом ход и результат мышления цели достижения соответствия вымышленного с восприятийными данными чувственности доступного, не может найти опоры, ориентира и критерия истинности в мысленных движениях и в получаемых результатах мысленного вывода; такой человек «хочет постигнуть самую вещь, но лишь в мысли о вещи, хочет быть вне мышления, но не выходя за пределы самого мышления». ²⁾

1) Л. Фейербах. Соч., Госполитиздат, М.—П., 1923 г., стр. 65.

2) Л. Фейербах. Там же, стр. 118.

Произвольная активность и инициативность мыслительной деятельности, возможности свободного придумывания или примысливания всевозможных смысловых элементов и их свойств, проявлений, действий, взаимозависимостей и пр. и легкость, с которой это иногда можно делать, обуславливают возможность и источник вплетения ошибочных идей в конструируемую мышлением структуру смысловых элементов модельно или системно-мировоззренчески организующегося знания.

Отделяя мысленное исследование объектов от их наблюдения и вовлекая в содержание этих исследований и данные измерительных приборов, и примыслы антропогенного, приборогенного и конвенционального происхождения, человеческое познание допускало развитие несоответствия между смыслами понятий, слагающихся соответствующими структурами материального и идеального смысловых элементов, единственно которыми только и можно и должно отображать предметы познания, и познающимися реалиями, которые также состоят в конце-концов из материального и идеального своих элементов, соответственно взаимооструктуренных. В процессе познания, конечно, можно и нужно отвлекаться от непосредственных восприятий познающихся реалий — после того, как восприятия данные этим субъектом уже получены в достатке и его мышление может их использовать, — т. к. восприятия же тормозят, подавляют и даже исключают творческое познавательное мышление. Но нельзя отвлекаться от смыслологической правильности творческого познавательного мышления, от истинности отвлеченно и творчески формирующегося смыслового содержания представлений, предназначенных для истинного отображения соответствующего предмета познания. Необходимо производить такие мысленные действия со смысловыми элементами, реальные прообразы которых возможны с теми реальными элементами, для отображения которых применяются эти смысловые конструкции. В противном случае результат реального взаимооструктурирования элементов предмета познания в его целостность будет отличаться от результата мысленного выведения из исходных смысловых элементов, даже если они сами по себе и будут истинными. Вследствие этого человек будет ошибаться в своих предвидениях и вынужден будет ситуации текущих условий разрешать вслепую и раньше, чем он достаточно точно познает эту ситуацию, возможные ее решения и последствия реализации выбранного решения из возможных.

Вот что говорят о состоянии нынешней физики. Ю. И. Кулаков: «Но «золотой век» физики кончился. Уравнения квантовой механики, теории относительности и квантовой электродинамики, по-видимому, исчерпали себя. Становится все более очевидным, что построение последовательной теории элементарных частиц возможно лишь на базе новых физических принципов, нового формализма, новой физической картины мира». ¹⁾

«Сегодня, — пишет Ричард Фейнман, — наши физические законы, законы физики — множество разрозненных частей и обрывков, плохо сочетающихся друг с другом. Физика еще не превратилась в единую конструкцию, где каждая часть — на своем месте. Пока что мы имеем множество деталей, которые трудно пригнать друг к другу». ²⁾

Вот пример из арифметики. Берут число (пусть число 1); смысл понятия «число» не определяют, а полагают настолько простым, что пояснить его можно предметным показом, хотя «...число, — как верно отметил Р. Декарт, — рассматриваемое вообще, а не в отношении к каким-либо сотворенным вещам, подобно всем прочим общим понятиям, известным под названием универсалий, не существует вне нашего мышления». ³⁾ Даже в «Основах теории чисел» (И. М. Виноградов. Изд. «Наука», М., 1972 г., учебник для государственных университетов) нет определения или какого-нибудь уяснения понятия числа; оно берется как само собой разумеющееся. Условливаются об арифметическом действии над числами (пусть деление). Берут второе число (пусть число 2), производят мысленное конвенциональное действие деления $1 : 2$ и получают, де, $1/2$, (или 0,5), т. е. половину единицы. Между исходными числами, связанными действием деления, и результатом после деления ставят знак равенства; тем самым говорят, что то, что слева от знака равенства, равно тому, что находится справа от него: $1 : 2 = 1/2$ (или 0,5). Значит до деления была целая единица, а в результате деления записывают только ее половину? А где же вторая половина? Ведь после реального и честного действия деления любого одного реального предмета

1). Ю. И. Кулаков. Статья. «Структура и единая физическая картина мира». Ж. «Вопросы философии». № 2, 1975 г., стр. 18.

2). Ричард Фейнман: «Характер физических законов». М., «Мир», 1968 г стр. 18.

3). «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 251.

на две реальные части мы всегда обнаруживаем и, можем чувственно удостовериться на примере деления яблока, что получим не одну половинку, а две половинки или части, хотя в соответствующих случаях и не равноценных!

Или, например, говорят, что если единицу умножить на нуль, то в результате будет нуль ($1 \cdot 0 = 0$). А что нужно или можно реально сделать с каким-нибудь одним реальным предметом, чтобы результатом такого действия был нуль?! Разве только не брать никакого объекта?! Но в приведенном примере единица то взята?! Может быть можно реальный объект растереть в порошок? Но порошок то останется, а это же не нуль?! Да и речь идет не о делении, а об умножении?! Разве можно чувственно воспринять или как-то понять существование количества без всякого нечего?! А математики свободнейшим образом оперируют идеей количества, связанного не с тем смыслом, которым отображаются предметы, а только со знаками и словами, и жонглируют ими как хотят; благо, что знаки способствуют этому тем, что они воспринимаются и вспоминаются, их можно считать и прочее. И происходит переход от отображения предмета познания к субъективному произведению невнятных наукообразных слов, знаков, понятий, формул и пр., формирующихся из неправомερных абстракций (отрывов, отвлечений) и путаницы, подмены или неразличения предметов познания, отображающего их смыслового содержания представлений или понятий и символических структур. Многие ученые признают, что в самой математике проявляется кризис ее оснований, и что математические методы недостаточны для решения разнообразных проблем, как внутриматематических, так и связанных со всевозможными приложениями математики.

А в традиционной и математической логике смысл конъюнкции, например, определяют как такую связку двух высказываний «... в новое, сложное высказывание, которое истинно тогда и только тогда, когда каждое из исходных высказываний истинно, и ложно, когда по крайней мере одно из исходных высказываний ложно». ¹⁾ Но такой смысл конъюнкции очень многозначен. Им можно связывать и истинные суждения о двух предметах, находящихся далеко друг от друга и ни в какое взаимодействие и связь друг с другом не вступающие, и истинные суждения о двух предметах, действительно связанных взаимодействием или взаимосоприкосновением. Ведь реальные предметы вступают во взаимодействие

1). Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971 г., стр. 229.

и приводят к образованию чего-то нового, более или менее сложного, не потому только, что каждый из них где-то есть и есть каким-то, а лишь в результате наличия какой-то необходимой и достаточной реальной взаимосвязи. А смысл вышеприведенного определения конъюнкции этого и не отображает, не различает, что служит источником ложных выводов и заблуждений. Ведь таким смыслом конъюнкции простые понятия и суждения связываются в сложные, а в действительности этого смысла, в котором фиксируется лишь факт наличия элементов, где угодно и как угодно размещенных, недостаточно для самообъединения простых элементов в сложное образование из этих простых элементов.

И в «Философской энциклопедии» математика определяется как: «...наука о формах и отношениях, взятых в отвлечении от их содержания». ¹⁾ «Форма, отвлеченная от содержания, выступает как самостоятельный объект, так что непосредственно предметом математики оказываются: числа, а не совокупности предметов, геометрические фигуры, а не реальные тела и т. п. ...Математика... абсолютизирует свои абстракции... Поэтому в математике не работают, например, о том, что не только практически невозможно абсолютно точное измерение, но что и не существует абсолютно точных значений реальных величин. За некоторыми пределами уточнения количественные измерения влекут качественные, и данная величина теряет смысл...». ²⁾

Утверждается, например, что $5 + 7 = 12$. Но пять чего? Семь чего? Двенадцать чего? Ведь пятерок и семерок самых по себе нигде же нет?! — если иметь в виду не знаки их, а их смыслами отображающиеся реалии. Это может быть или 5 кг чего-то, или 7 метров чего-то, или 5 яблок, или 7 деревьев и т. д. А если 5 кг. неизвестно чего сложить с семью метрами тоже неизвестно чего, то чего и сколько будет в результате? А если сложить в одно место одну головку капусты и одну козу, а потом добавить туда и одного волка, то когда, чего и сколько будет в результате? А если 1 кг пороха, плюс одну горящую спичку туда, то что будет? Сколько будет?

«Эпоху в развитии математики составила теория множеств К. Кантора, опирающаяся на понятие актуально бесконечного.

1) См. «Философская энциклопедия», М., 1964 г. т. 3, стр. 329, статья «Математика», А. Александрова.

2). Там же, стр. 329.

Именно воцарение в математике этой концепции, давшей единый метод обоснования и развития содержания почти всех математических теорий, привело к кризису — самому серьезному за всю историю развития математического знания и, по мнению некоторых математиков, до сих пор не преодоленному. Самой глубокой причиной этого кризиса (парадоксы теории множеств) послужило неограниченное применение в теории Кантора одной формы бесконечного, «пропасть» между бытием и становлением». ¹⁾ «...Раскрытие более глубокой сущности интересующих нас объектов, проникновение в тайны фундамента организации материи связано с разработкой способов разрешения антиномий и парадоксов в основах научного знания и выявлением форм, отображающих неизмеримо более сложные структуры диалектических противоречий». ²⁾

Этими особенностями такой математики и вызываются и обуславливаются отклонения смыслологических результатов, выводящихся из ее оснований, от соответствия (от фактической истинности) с теми реалиями, для познания, для отображения или объяснения, исчисления, прогнозирования которых и предназначаются эти математико-смыслологические результаты. Ошибки или неинтерпретируемость и бесполезность результатов математики, отвлекающей от смыслового содержания своих фундаментальных понятий и формализованных исчислений или от истинности этого смыслового содержания, получают, например, и от того, что оперируют абстрактными понятиями совершенно пустого пространства, т. е. пространства без материи, которого без материи в реальной действительности нет и быть не может.

Выводы математики считаются логически истинными, если и т. к. приняты те ее основания, из которых они выводятся. Но в том-то и дело, что основания ее не имеют фактической истинности. Ведь, например, фундаментальные для математики представления неограниченно продолжаемой прямой, неограниченной делимости линии, представление того, что любая геометрическая фигура или любое число счета рассматриваются как множества точек, каждая из которых не имеет ни длины, ни ширины, ни толщины, т. е. не имеет никакой протяженности, для математики являются фундаментальными основаниями. А эта же математика является фундаментальной и методологической наукой для дру-

1) В. Л. Алтухов. «О характере познавательного движения в глубь объекта». См. ж. «Вопросы философии», № 11, 1982 г., с. 36.

2) Там же, стр. 42.

гих наук. Более того, среди ученых культивируется мнение, что математизация любого знания есть признак научности, неопровержимости и т. п. А эта ж математика внедряется в умознание людей с первых классов школы и в вузах, и в высшей школе. А таких реалий, для истинного отображения которых эти и другие подобные и фундаментальные для математики представления или понятия и предназначаются, в реальной действительности как раз и нет. Ведь любое нечто реальности имеет свою протяженность, составляющуюся, образующуюся его материальным нечто, а идеальное ничто само по себе быть и мыслиться не может, а может быть и мыслиться лишь как граница между каким-то нечто и иным нечто. Поэтому и многие результаты абстрактных выведений из таких оснований хотя и являются логико-математически истинными, но фактически многие из них или все они кое в чем, а некоторые во многом или и во всем, не истинные.

Следовательно, в фундаментальных науках нынешней старой СНОЗ нет отчетливо ясных, незыблемых и несомненно истинных фундаментальных, исходных понятий, чем и обуславливаются ее эклектизм, эмпиризм, ограниченность и, говоря общее, гносеологический кризис. В методологии и в тех понятиях, которые в нынешней старой СНОЗ берутся за фундаментальные (за неимением лучших), заложена непознаваемость, т. к. отрицается наличие в реальной действительности конца, дна при погружении познания вглубь; многие придерживаются принципа, что мир хотя и познается, но никогда не будет познан до конца или окончательно, т. к., де, во вселенной нигде нет конца; смыслы исходных понятий (например, масса, энергия, время, пространство, координата и пр.), сняты из макромира, неясны и тавтологичны. А попытки выразить неясное на языке математики, на языке формализованных знаковых исчислений и формул приводят к еще большей неясности и к запутыванию вопросов, решение которых возможно осуществить лишь в смысловой сфере, истинно отображающей собой предмет познания. Сущность метода формализации в том и состоит, чтоб высвободить мышление от утомительной работы по прослеживанию и выяснению смыслового содержания слов или знаков. «Ленин считает одной из гносеологических причин, — писал Тодор Павлов, — или корней, физического идеализма то, что у некоторых физиков математика перестала играть роль вспомогательного, хотя и исключительно важного метода. Математические изложения и исследования у них превращаются, так сказать, в самоцель, отрываются от объективно-реальных фи-

зических явлений. Они перестают видеть за математическими символами и формулами объективно-реальные предметы и явления, что в конечном итоге обуславливает переход некоторых физиков, химиков, биологов и т. д. на позиции физического идеализма». ¹⁾

Сам формализованный аппарат математики и некоторых отделов логики и физики, как и других наук, разрабатывают для того, чтоб проводить исчисления и пр. операции не выясняя и не проследивая умозрительно смыслового содержания, чтоб оторвать мышление от смысла, отображающего собой предмет познания. Но разве к этому нужно стремиться? Разве об этом необходимо заботиться? — Если мы хотим развивать разум и способности человека с убедительной истинностью познавать предмет познания?! Ведь наоборот же! Т. к. именно смысловое содержание отображает предметы познания, то и нужно развивать у человека способности получать, выяснять и развивать смысловое содержание своих представлений и понятий, нужно, чтоб его мышление и обрабатывало его и вырабатывало бы в себе методологию и логику получения истинного знания. Ведь суть процесса мышления в том и состоит, что им выясняются и обрабатываются те смысловые структуры, которые извлекаются умознанием из памяти. А следовательно и мышление, и логика, и методология, и умность человека будут или не будут развиваться от того, будет он упражнять свой ум в этом или не будет. «Ничто не может возместить того, — пишет донецкий учитель В. Шаталов, — что упущено в самой главной сфере, где человек должен быть труженником, — в сфере мысли».

Мыслительские способности ума развиваются и совершенствуются благодаря принудительным упражнениям в напряженных, утомительных и продолжительных размышлениях именно в смысловой сфере знания, а не благодаря подмены этого заучиванием бессмысленных текстов или решениями задачек формализованными методами и средствами ЭВМ. В «Литературной газете» № 38. 21 сентября 1977 г. профессор В. Лавров пишет. «Не способствуют воспитанию творческой увлеченности и многие действующие в вузах (точнее, в технических вузах, хорошо мне знакомых) учебные планы и программы. Изложение фактического материала буквально во всех курсах естественнонаучного и технического цикла — формально-математическое. В них констатируются физические законы и соотношения, записанные математическими симво-

1). Годор Павлов. Избр. философ. произведения. М., 1961 г., т. 1, с. 485.

лами, в лучшем случае дается какое-то объяснение «физического смысла», а затем следуют выводы и расчеты. Физико-философская сущность изучаемых явлений, как правило, остается невыясненной. Такое обучение ориентируется в основном на запоминание, а не на глубокое понимание сути явления и вскрытие его внутренней динамики».

«В последнее время можно встретить, например, так называемые экономико-математические работы, — пишет академик Л. Понтрягин, — насыщенные сложной математической символикой, но не содержащие ни одного конкретного, численного примера, — непонятные, недоступные и фактически ненужные экономистам, а с точки зрения математиков — представляющие ничтожную ценность, либо вообще не обладающие ею. В последнее время опасными становятся математические спекуляции в теоретической физике и в технических науках. Дело доходит до того, что серьезная работа в области техники может быть ошельмована на том основании, что в ней нет математических обоснований, хотя всем может быть ясна практическая пригодность исследования». ¹⁾ Последнее предложение этой цитаты говорит уже и о том, что математика используется не только для перестройки мышления у учащихся мировоззрения, как это отмечал и В. И. Ленин: «Материя исчезает, остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантовская идея: разум предписывает законы природе». ²⁾, но она используется и непосредственно для политико-идеологической борьбы, для выдвижения препятствий научно-техническому прогрессу и людям, вносящим в него свой вклад. Т. е. не только философия, но и форма деятельности в математике, в экономике, в физике и в других науках может использоваться и используется политиками для опознавания и улавливания в свой лагерь тех, кто согласен за соответствующую мзду или вследствие своих антипрогрессотворных убеждений и эгоистических выгод не улучшать, а ухудшать общественнозначимые, политикозначимые дела, действовать по принципу: чем хуже, тем лучше, — для того, чтоб потом свалить за это вину на своего политикосидеологического противника. Именно по «присущности или неприсущности» этого философы, увлеченные сами каким-либо политико-идеологическим лагерем и улавливающие других, «могут судить, опираясь на категории и положения философии», как об этом замаскировано говорит философ, цитирующийся в указанной статье журнала «Коммунист». И если

1) Л. Понтрягин. «О математике и качестве ее преподавания», Ж. «Коммунист», № 14, 1980 г., стр. 103—104.

2) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 326.

выдвиженцы оппозиционного лагеря убедятся, что вот эта-то личность согласна ухудшать общественнозначимые дела и уже кое-что сделала в этом направлении, то ее можно и нужно при возможности всячески выдвигать на влиятельные посты и возвеличивать, чтоб в итоге получить, например, такой результат: осуществление мероприятия по «усовершенствованию» школьной математики не улучшили, а ухудшили положение, сделали шаг назад (см. указанный журнал «Коммунист», стр. 104—105). Это и есть то «идеальное», которое некоторые философы определяют и развивают как специфическую форму деятельности — как форму борьбы оппозиционеров против находящейся у власти группировки, несмотря на то, что это вредит прогрессу людей, их сообществ, человечества и прогрессу познания.

Совершенно правы Л. Понтрягин и другие, считающие, что изучение математики должно, наряду с прочим, способствовать «развитию логического мышления и пространственного воображения» (там же, стр. 110). «На примере сегодняшнего преподавания математики можно видеть, как неправильная постановка умственного воспитания, перегрузка памяти формальной информацией вместо активного включения работы мысли (причем как раз в ту пору, когда подросток еще только учится мыслить и рассуждать) приводят к обеднению умственной деятельности школьника, задерживают развитие его способностей, лишают его понимания реальной основы обобщений, делают косноязычной речь и обедненным воображение» — там же, стр. 111, послесловие редакции журнала «Коммунист» к указанной статье.

V

Мышление, к сожалению, может заблуждаться—и еще как! —каждый это знает. Оно может принимать произволом своим вымышленные свойства и взаимоотношения смысловых элементов за самостоятельные сущности, оторванные от тех смысловых элементов, которым они свойственны и которые благодаря им взаимоотноштриваются; т. к. и сама мысль может быть предметом познания, то мышление может отождествлять мысль с предметом, отображающимся в ней, что является ошибкой. Некритическое принятие идей с детства; накопление и удерживание предубеждений; свойства памяти удерживать запомненное и сохранять его неизменным, противясь изменениям и обновлениям; предпочтение мыслить извлеченными из памяти знаниями без творческого раз-

вития и приспособления его к более глубокому, подробному и точному соответствию с познающей реальностью; предрасположенность человека уклоняться от продолжительных, глубоких и напряженных размышлений, вызывающих мозговое утомление, и предпочитать менее утомительные формы познания; несовершенство языка (неясность, многосмысленность или бессмысленность терминов), — все эти источники заблуждений отмечал и Р. Декарт. Непознанность всеобщего глубинно-фундаментального начала реальной действительности, генерирующего и обуславливающего существование и развитие всего сущего; поспешный прием тех идей, которые благоприятствуют склонностям и личным интересам, односторонность и непроявление снисхождения и внимания к противоположным точкам зрения и сторонам, тенденция к отбору того, что уже признано или что достаточно хорошо согласуется с уже признанным; большая поддаваемость доводам в пользу желательных идей, чем нежелательных, — все это также может приводить и приводит к ошибкам.

Люди забывают, что то, что как-то трактуется, еще не есть поэтому истинно и исчерпывающе познанное, и стремясь расширить свои познания, в большинстве случаев обращают свое внимание и мышление на то, что еще не имеет никаких объяснений, а не на то, что им было преподнесено еще в школе как уже познанное и, как таковое, в какой-то мере их удовлетворившее. На веру принимают люди общепринятую логику познания и занимаясь научными исследованиями руководствуются ею и ревностно сохраняют ее неизменность. Но нужно же заботиться не только о развитии знания об объективной реальности, но и о развитии знания о знании и о познании, о развитии гносеологии и логики. По традиции, под влиянием памяти и общественного мнения, убеждаемый другими и под влиянием кажущихся строгостей, стройностей и наукообразности идей человек скорее устремляется по ветвистому дереву науки к его веткам и отросткам до конца на этом пути, надеясь там найти ответы на осаждающие его вопросы, а не к корням, не к той почве начальных и основоположных понятий, которой взращено все это дерево этой науки. Все спешат перейти от хоть как-то трактуемого к познанию еще непознанного, спешат влезть на вершину дерева и оттуда посмотреть окрест, не убедившись в надежности его устоев, и не хватает ни времени, ни терпения, ни желания, ни достаточной настойчивости, чтоб остановиться и сосредоточиться на уточнении и углублении познания уже как-то трактуемого. Опыт пока-

зывает, что нужно затратить энергию, чтобы доказать, что в примере $1 \cdot 0 = 0$ есть проблема, есть пища для размышлений при попытке найти ему соответствие в реальном мире. И доказать это удастся быстрее тому, кто в большей степени обладает способностью самостоятельно исследовать, а не тому, кто сильнее верит в непогрешимость усвоенного знания. А в научном познании «Иногда полезнее не знать, что сделано до тебя, чтобы не сбиться на проторенный путь, ведущий в тупик», — говорил академик А. М. Будкер (см. «Литературная газета» за 10.12.86 г., стр. 13). И догматами и догматиками тормозился прогресс научного познания. Сомнение — катализатор и двигатель научного прогресса до тех пор, пока истинность знания еще не достигла своего предела.

Верно писал Гегель, что: «В арифметике числа берутся как нечто лишенное понятия, как нечто такое, что помимо своего равенства или неравенства, т. е. помимо своего совершенно внешнего отношения, не имеет никакого значения, — берутся как нечто такое, что ни само по себе, ни в своих отношениях не есть мысль... Дабы эти мертвые кости логики оживились духом и получили, таким образом, содержимое и содержание, ее методом должен быть тот, который единственно только и способен сделать ее чистой наукой. В том состоянии, в котором она находится, нет даже предчувствия научного метода. Она имеет, можно сказать, форму опытной науки... Спиноза, Вольф и другие впали в соблазн применить этот метод также и к философии и сделать внешнее движение лишенного понятия количества движением понятия, что само по себе противоречиво». ¹⁾ Но если бы Гегель, заботясь о чистой науке и о ее методе, имел при этом в виду истинность научного знания и дающий это метод познания! Однако в словах: «что единственно только и может быть истинным методом философской науки», он ведь имеет в виду свой метод расщепления понятий на фиктивные противоположности ради познания понятиями самих себя.

Человеческое познание начинало свое зарождение и развитие из формирования представлений об арифметическом счете, о решениях геометрических, математических и строительных задач, а затем перешло к употреблению этих идей и при познании всего прочего, к распространению этих идей и методологии и в других науках. Но в конце концов мы приходим к обнаружению того, что эти представления, идеи и методология ограничены и

1). Гегель. «Наука логики». М., 1970 г., т. 1, стр. 106—107.

построенная на них старая СНОЗ приходит к гносеологическому кризису.

Известный успех математики объясняется частично и тем, что она, в отличие от физики и других наук, начинается из простейших и немногих элементов математического знания и производит вывод сложного математического знания из них и структуры действий над ними и с ними, что в ней господствует метод движения мышления от простого к сложному (а не наоборот, как в физике), к чему и предрасположен процесс мышления, — и тем, что математика в познании своего предмета занимается конструированием понятий, в отличие от гуманитарных наук, которые познают, отображают посредством уже имеющихся понятий. Конечно «...неверно, будто в чистой математике разум имеет дело только с ...продуктами собственного творчества и воображения». ¹⁾ Речь идет о том, что наряду с тем, что математике удастся многое отображать в некоторой (а кое-что и в полной) степени истинно. Но она далеко еще не достигла того соответствия с реальной действительностью, которое может быть достигнуто человеческим познанием посредством новой СНОЗ.

Совершенно правы Г. П. Щедровицкий и В. Я. Дубровский в вопросе о том, «что в настоящее время не существует математических средств, адекватных структурным представлениям системных объектов». ²⁾ Имея в виду нынешнее математическое знание, все больше запутывающееся в своей сложности и отвлеченности от смысла и еще больше от истинного смысла и нуждающееся в существенном очищении и обновлении, важно отметить следующую мысль А. Эйнштейна: «Самые фундаментальные идеи науки по существу своему просты и, как правило, могут быть выражены языком, понятным каждому». ³⁾

Ведь движение точки в пространстве исследуют и выражают математическими формулами, включающими в себя и переменные значения осей систем координат, на самом деле в реальной действительности, а не в знании, не существующие, — как прослеживание результата субъективно-произвольного изменения расстояний между точкой и началом и осями системы координат, а не как прослеживание самодвижения ее. Т. е. вместо того, чтобы следить за движением точки и исследовать и познавать возмож-

1). Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», М., 1953 г., стр. 36.

2) Журнал «Вопросы философии», № 1, 1968 г., стр. 146.

3) А. Эйнштейн, Л. Инфельд. «Эволюция физики». Изд. «Наука», М., 1965. г., стр. 27.

ности и возможные особенности проявления этого движения, вытекающие из рассмотрения взаимодействия элементарно-структурного и причинно-следственного истинного смыслового содержания точки и ее окружающей среды, мышление произвольно приписывает точке такое-то движение, не заботясь о выяснении того, обуславливается ли такое движение сущностью самой точки и окружающими ее условиями, а заботясь о выполнении тех условий, которые налагаются заданным уравнением, формулой, обобщенно выражающим форму линии движения (траектории). Отвлекаются от уяснения, от познания и прослеживания как раз того, от чего, почему и как осуществляется именно такое-то движение предмета познания, чем оно порождается, опричинивается и обуславливается. А та опора мышлению, которая могла бы направлять его на более глубокое, подробное и истинное познание элементарно-структурных и причинно-следственных механизмов, вызывающих, осуществляющих и обуславливающих движение предмета, обозначающегося точкой, теряется как из-за здесь охарактеризованного, так и вследствие неразличения, путаницы, и незнания сути и различия нечего и ничто, вследствие непознания истинной сущности материального и идеального в любом предмете познания, их онтологической и гносеологической роли, их сути и роли в субъективной и в объективной реальности, в том, что мы познаем, и в том, чем мы познаем. Задача же наук состоит не только в том и ценны они не только тем, что вырабатывается аппарат описания движения тела или «материальной точки», как-то: система координат, формулы, выражающие форму траектории движения тел, и пр. Задача наук состоит главным образом в том, чтобы вскрыть суть, строение и причины движения движущегося в такой-то среде по такой-то траектории и с прочими особенностями и предсказать возможности иных движений и состояний с учетом возможных изменений среды и самого этого тела. Математические формулы хороши тем, что позволяют мышлению отвлечься от смысла и производить расчеты без него. Но этим же они и плохи, т. е. только смысловое содержание понятий и есть знание, отображающее любые предметы познания. И прослеживание его и выведение из него последствий только и дает возможность для развития знания отвлеченным от предмета способом и знания о чувственным восприятиям недоступном, т. е. в мышлении, не воспринимаемая предмет познания или его отображений непосредственно или в это время. Математика должна уточнить, очистить и обновить свои основания. Она должна перейти на метод смыслового мышления и приспособиться к обобщенно-

му и формализованному выведению и выражению смысловых моделей и их поведений в заданных условиях. И тогда успехи ее станут еще более поразительны. Да и сольется она с философией и со всеми основными объяснительными науками в единую и всеобщую науку СНОЗ.

Свободная воля проявлений разума способна разорвать в том или ином пункте цепь имманентных следований последующего из предшествующего и произвольно примыслить следствие, не вытекающее из исходной структуры элементов смыслового содержания. Наши исследовательские, творческо-познавательные способности и возможности в очень сильной степени зависят от того, какая СНОЗ заложена в наше умознание, какие фундаментальные понятия и логику мышления мы изучили, освоили и используем, какой смыслологикой оструктурен наш разум. Поэтому для истинного познания необходима соответствующая дисциплина мышления. Нужно обуздать его порывы и произвол, приводящие к ошибкам. Его нужно подчинять приемам, правилам и законам логики, гносеологии, смыслологии, приводящим к истинным результатам. Разум должен очиститься от неистинных смыслов и бессмыслиц, настолько созреть и развиться, науправляться и возвыситься, чтоб подчинять свои проявления истинно познанным и ведущим к истинным результатам приемам, правилам и порядкам мышления. Свобода разума достигается через осознание и учитывание необходимостей, ведущих к истинному познанию вопросов, подобно тому, как и свобода личности в обществе достигается подчинением к благу ведущим необходимым и повелениям. В нынешней логике выведение считается логически правильным, если оно является естественным аподиктическим следствием из исходных понятий и правил выведения, если даже эти понятия и правила выведения являются произвольно принятыми, что позволяет конструировать и такие системы и выведения, которым или нет соответствия в реальной действительности, или их трудно найти и установить, или это соответствие весьма неполное, приблизительное, одностороннее и пр. Но чтобы результаты выведения были истинными, необходимо, чтобы были истинными и исходные понятия и правила выведения, что достигается тем, что исходные смысловые элементы должны истинно отображать исходные элементы предмета познания и его среды, а структура смысловых элементов должна истинно отображать структуру элементов предмета познания и его среды.

Необходимо различать и не смешивать: реальный предмет познания и окружающие и пропитывающие его реальные условия среды; во-вторых, смысловое содержание мыслей, отображающих предмет познания и его среду; в-третьих, реальные органы и процессы мышления с элементами субъективной реальности, структурами своих множеств берущие на себя функции формирования смыслового содержания и отображения познающего. И во всем этом мышление умосознания должно руководствоваться логикой, соответствующей взаимодействиям среды и предмета, должно выяснять и прослеживать взаимодействие структуры элементов смыслового содержания, отображающего предмет познания, и смыслового содержания, отображающего условия среды, окружающей и пропитывающей предмет познания, добываясь соответствия их взаимодействия со взаимодействием между собой реальной структуры элементов предмета познания и среды. И в результате всего этого истинно выводить развитие истинного знания о развитии предмета познания. Ясно, что возможность для этого будет создана после того, как будут окончательно раскрыты истинные состав и смыслы тех всеобщих начал бытия и наименьших элементов сущего, из которых все начинается, состоит, развивается и обуславливается и в которые все разлагается.

§ 2. Об усугублении гносеологического кризиса нынешней старой СНОЗ истощением возможностей использования экспериментальных средств для познания глубинного.

Телевидение, кино, радио и печать часто и обстоятельно информируют: и про технические средства научных исследований (различные микроскопы, пузырьковые камеры, многокилометровые ускорители заряженных частиц, протонные синхротроны, оптические телескопы и радиотелескопы и прочие инструменты и приборы современных средств экспериментального естествознания), применяющиеся ныне учеными для познания микромира, космических, биологических и физических объектов; и про многочисленные коллективы ученых и обслуживающего персонала, образующих собой целые города; и про колоссальные финансовые и энергетические затраты на некоторые научные исследования; и про ныне господствующие методологические предрассудки научного познания с некоторой переоценкой эмпирически-экспериментальных средств и методов, — все это, наряду с прочим, весьма надежно приводит людей, в том числе и ученых, в такое замешательство и к такому мнению, часто переходящему в убеждение, что они не верят в свои мыслительно-

познавательные способности и в то, что важные научные открытия в наше время можно совершить и без вышеперечисленных технических средств. Т. е. односторонняя всеохватывающая пропаганда технической оснащенности, роли и успехов экспериментальных методов и средств научного познания при отсутствии должного внимания в этой пропаганде к исследованиям средствами отвлеченного умозрительного мышления и при отсутствии истинного знания того, как, чем, из чего и какими усилиями и формами деятельности достигают люди новых знаний, особенно в фундаментальных областях наук и в период интенсивного их развития, в период революционного переформирования оснований и логического стиля мышления в существенно новое более прогрессивное состояние, приводит к ошибочной переоценке роли и возможностей форм экспериментальных исследований над ролью и возможностями отвлеченного умозрительно-творческого мышления в деле обеспечения дальнейшего прогресса научного познания.

Дело дошло до того, что некоторые ученые категорически утверждают через средства массовой информации, что без дальнейшего развития средств экспериментального исследования немислим, де, дальнейший прогресс в научном познании сути и структуры строения веществ, космоса и живого. И это утверждается без гносеологических доказательств и вопреки многовековой исторической практике, подтверждающей то, что усиление при помощи приборов решающей (различающей) способности человеческих чувственных восприятий не ведет к познанию сути и глубинного элементарно-структурного и причинно-следственного механизма строения и работы, проявлений чувственно наблюдающихся элементов и ими образующегося сложного.

Модель атома так запутали, что никто толком не может объяснить суть того, из чего в конце-концов состоит атом и как устроен механизм объединения и работы этого состава. «Вот парадокс: чем глубже человек проникает в микромир, чем меньше сам изучаемый объект, тем все больше, все грандиознее становятся сооружения для исследований. Когда-то настольный микроскоп открыл людям таинственный мир живых клеток... Сегодня мирные орудия физиков для изучения микроскопических ядерных превращений имеют индустриальный характер»,—пишет спец. корр. В. Голованов в статье «Ракета в микромир» (газ. «Труд» за 11 ноября 1977 г.). И далее он пишет: «С помощью все более мощных ускорителей,

которые привели к революционным изменениям в физике, ученые стали открывать все новые и новые частицы разных видов. Они получили общее название—адроны и лептоны. Сегодня их насчитывается уже около двухсот—больше, чем элементов в таблице Менделеева. Ясно, что ни о какой «элементарности» частиц не может быть и речи. Но если не эти частицы, то что же является элементарной первоосновой материи? Что представляют собой ничтожно малые кирпичики мироздания, из которых состоят частицы и все сущее вокруг? Есть ли такие кирпичики?» «Должны существовать, предположили физики-теоретики, несколько фундаментальных частиц, из которых (в различной комбинации) состояли бы все частицы, все адроны,—сказал корреспонденту Голованову специалист по квантовой теории поля доктор наук Б. А. Арбузов. —Эти частицы были названы «кварками»... Этой гипотезе уже 14 лет, но, несмотря на усиленные поиски, ни одного кварка обнаружить пока так и не удалось. Для этого, по-видимому, нужны более мощные ускорители, на которых разгоняемые частицы получают энергию в тысячи миллиардов электрон-вольт. При взаимодействии таких частиц с мишенью, возможно, удастся получить таинственные кварки...»

Вот и разрабатывают ученые проекты гигантских ускорителей заряженных частиц, руководствуясь лишь предположениями о возможности обнаружить гипотетические кварки. Но уже многие говорят, что кварков вообще-то возможно и нет, что «неисключено, что они представляют собой именно теоретические, идеализированные образы физической картины мира элементарных частиц,... кварки могут и не существовать в качестве отдельных частиц (как не существуют самостоятельно материальные точки)...¹⁾ А что же можно ожидать дальше, если для познания и кварков и еще более мелких частиц (если таковые есть), если для познания сути наименьших элементов сущего и механизмов их строения, если для познания фундамента, оснований, тех первоначал или первокирпичиков, из которых все состоит, начинается и развивается и в которые все разлагается,—если для познания всего этого делать ставку главным образом на технические средства и методологию экспериментальных исследований да восприятийных наблюдений? Кончатся же не только понятия, смыслы которых снимаются с уровня сложности, доступных для экспериментирования, отображения и различения чувственными восприятиями, до возможного предела усиленных всевозможными техническими средствами, но кончатся

1). Б. Я. Пахомов. «В. И. Ленин и становление физической картины мира». Ж. «Вопросы философии», №4, 1980 г., стр. 125.

же и все те наисовершеннейшие и наимогущественнейшие приборы, инструменты, сооружения и пр., которыми пытаются докопаться и познать все вглубь до дна! Да и смысловое содержание понятия «кварк» снято же с макромира и обусловлено попытками согласовать, подогнать его к логико-понятийному аппарату нынешней физики: «У кварков должны быть особые свойства. Но самое любопытное—дробный заряд. У протона заряд плюс единица, у электрона—минус единица. У кварка—плюс две трети и минус одна треть», — говорит Б. А. Арбузов в той же корреспонденции В. Голованова. А что такое заряд? Заряд—это свойство частиц испытывать определенные воздействия окружающего их? Но именно суть, элементарно-структурный и причинно-следственный механизм этого свойства мы и хотим познать! А нам подсовывают другое название того, что мы хотим познать, и выдают это за объяснение! А чем? Как? И почему осуществляется притяжение и отталкивание, объясняющиеся зарядом? А что такое сила заряда? Величина, являющаяся мерой того воздействия на данную частицу, которое она испытывает от чего-то другого? Теперь, как видите, неизвестное уже объясняют мерой неизвестного! Суть, состав и структура элементов кварка оказываются столь же непонятными и неизвестными, как это же и у электрона, размазанного теперь в поле волновой функции вероятностей нахождения того, о чем мы не знаем ничего. Нам предлагают измерительное знание, не раскрывающее сути познающегося, фиксирующее результат измерения какого-нибудь взаимоотношения, взаимодействия этого объекта с другим,—вместо того, чтобы дать ясное, убедительное, исчерпывающее и истинное, выводящееся из абсолютно истинных начал объяснительное знание объекта: суть того, из чего состоит частица, например, как она устроена и работает, чем окружена и пронизывается или пропитывается, как зарождается и развивается и как может это делать. Ведь именно все это нужно познать для окончательного познания микромира вглубь и всего того, что из этого следует. А т. к. реалии микромира не познаны исчерпывающе и истинно, то нет возможности и объяснить все из них получающееся и ими обуславливающееся. А смыслы и состав фундаментальных понятий нынешней старой СНОЗ неясны, запутаны, тавтологичны, сняты с объектов макромира и сами нуждаются в выведении из всеобщих глубинных начал микромира. И от усиления техническими средствами различающей способности органов чувственных восприятий все эти вопросы не познаются. Т. к. от дальнейшего продвижения вглубь микромира различаемости наблюдающегося через всевоз-

можные микроскопы трудности объяснений и познания всего наблюдающегося возрастают: и от того, что кончатся объяснительные способности тех понятий, логики, идей и моделей, которые сняты с макромира и все еще используются в нынешней физике (за незнанием лучших, которые даются новой СНОЗ); и от того, что усиливается влияние приборов на процесс взаимодействия между органами восприятий и объектом, восприятиями исследующимся через эти приборы; и от того, что в конце концов кончатся, потеряют чувствительность и различающую способность и все те инструменты и приборы, все те сверхмощные и сверхчувствительные самые современные и самые совершенные микроскопы, при помощи которых и через которые человек чувственными восприятиями наблюдает объекты микромира. Ведь при дальнейшем продвижении наблюдаемости вглубь строения вещества неизбежно будет встречена область элементов и процессов тех уровней сложности, которые уже не будут столь сильно воздействовать на прибор и через прибор на органы восприятий человека, чтоб это воздействие замечалось и различалось. А добиться восприимчивой наблюдаемости тех исходных начал бытия и наименьших элементов сущего, из которых все изначально образуется, состоит, развивается и обустраивается и в которые все разлагается, в принципе невозможно. Ибо наименьший элемент сущего в единственном числе не в состоянии вызвать те последствия, которые могли бы без искажений дойти к наблюдателю через все приборы (усилители, умножители, ускорители, замедлители и пр.), т. к. и среда, и все приборы, и органы чувств человека в конце концов состоят из таких же начал и элементов и могут быть познаны и объяснены выведением из них. К тому же, всякое усиление чего-то сопровождается ослаблением чего-то иного в этом же процессе, от чего информация искажается. Следовательно, существует граница, за которой инструмент ученого начинает оказывать такое влияние на объект исследования (и даже может его разрушить или сильно изменить), что это влияние, не схватывающееся и не учитывающееся методологией исследования, приводит исследователя в заблуждения и к трудностям объяснения, непреодолимым в логике понятий нынешней старой СНОЗ. «Уже высказывается идея о принципиальной ненаблюдаемости изолированного кварка.»¹⁾ «Мы, например, построили крупнейшие в мире оптические и радиотелескопы и не сделали ни одного открытия высшего класса в астрономии. Несмотря на наличие мощнейших ускорите-

1). В. С. Готт. «Материальное единство мира и единство научного знания». Ж. «Вопросы философии» № 12, 1977 г., стр. 31.

лей: нами не завоевана ни одна вершина в физике элементарных частиц. Это перечисление можно, к сожалению, продлить и далее. В чем же дело?..» ¹⁾

Из всего несомненно неизбежно следует, что продвижение экспериментально-опытного, эмпирического, чувственно-восприятийного познания вглубь микромира приведет к исчерпанию наблюдаемости реалий микромира и к необходимости продолжения познания глубинных реалий микромира методологией отвлеченного мышления, как это и делают уже при помощи понятий электрона, кварка, кванта и пр., но безуспешно, т. к. эти понятия противоречивы, неясны и сняты с макромира, не отображающие и не объясняющие все те глубинные реалии, из которых образуются и которыми проявляются те явления, скорее описанием, а не объяснением которых занимается физика. Лишь после того, как будут окончательно раскрыты абсолютно истинные смыслы и состав всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего, познанных отвлеченным мышлением, умознание каждого получит возможности умозрительно вывести из них все получающееся. И тогда можно будет понять и все то, что замечают, фиксируют, различают и как-то отображают приборы и наши органы восприятийного наблюдения, достижения чего и излагаются в «Логах...» Ведь наблюдаемостью, какого-то сложного элемента и его поведений не достигается познание того, из чего он состоит, как устроен, работает и развивается, что его окружает, пронизает и пропитывает, как чем и почему он сохраняет единство и целостность своего состава, как он взаимодействует с окружающим глубинным, ведет себя и развивается в нем. Познание этого не достигается и от того, что какой-то объект в космосе или в микромире, ранее наблюдавшийся как сплошное пятно, от усиления и усовершенствования технических средств наблюдения стал наблюдаться как несколько пятен. Ведь у нас нет недостатка в данных наблюдений целостных элементов вещества тех уровней сложности, которые доступны чувственным восприятиям (при помощи и без помощи всяких технических средств), а мы всеравно не знаем именно того, что больше всего нас интересует и что больше всего необходимо знать. Мы знаем очень точно как вращается Земля и вокруг своей оси и вокруг Солнца, но из этого мы не можем еще познать первопричины сохранения этих вращений и возможности и последствия измене-

1). В. Гольдинский и Ю. Осыпян. «Почему отстаем? Заметки о фундаментальной науке». См. «Правда», 05. IV. 89 г.

ний этого. Нам нужно не только описательное знание или измерительное, не только знание того, как расположены и как происходит разворачивание наблюдающихся морфологических картин (видений, пятен) роста какого-то объекта (живой клетки, например); а очень важно и нужно объяснительное знание, смыслологически закономерно выводящееся из исчерпывающе и истинно познанных глубинных реалий микромира, т. к. в конце концов только из них все образуется, развивается и обуславливается и в них все разлагается.

Из всего следует, что гносеологический кризис нынешней старой СНОЗ обусловлен исчерпанием объяснительной эвристичности ее фундаментального логико-понятийного аппарата, различающей способности органов чувственных восприятий и технических средств и методологии экспериментально-эмпирического естествознания. Дальнейшее продвижение познания вглубь строения вещества может быть обеспечено благодаря уточнениям, обновлениям и дальнейшему развитию форм и логики понятий отвлеченного познавательного мышления. «Трудности, существующие в современной теоретической физике, многие выдающиеся ученые объясняют неразработанностью понятийного аппарата этой науки». ¹⁾ «Развитие физики элементарных частиц показывает, сколь важное значение для развития науки имеет философский анализ ее понятийного аппарата». «Создание новых физических и космических теорий, построение научной картины мира связаны не только с данными опыта, но и с образованием ряда понятий» — там же. И Эйнштейн писал, что нет ни одного понятия, относительно которого он был бы уверен, что оно останется незыблемым, и что он неуверен, что находится на правильном пути вообще. Нынче почти общепризнанным считается необходимость отказа от некоторых идей без отказа от истинных результатов познания и необходимость коренной перестройки фундамента основных объяснительно-прогностических наук (физики, логики, философии, биологии и пр.), т. е. всей нынешней старой СНОЗ — ради обеспечения дальнейшего прогресса научного познания.

«Трудность заключается в том, что современный физик не имеет другого языка, кроме языка частиц. И похоже, что этот язык плохо подходит для описания процессов, происходящих внутри элементарных частиц, в самых их глубинах... Современная квантовая

1). В. С. Готт, Там же. стр. 32.

теория является чем-то вроде слесарного инструмента, которым, за неимением другого, мы пытаемся оперировать в деликатном часовом механизме частиц... Однако все же ясно, что нам нужны новые физические понятия, и, естественно, новый язык, лучше подходящий к внутренней природе частиц, нежели тот, которым мы сейчас располагаем. Каким бы ни казался сложным и многообразным мир микрочастиц, может быть, нам все же не хватает всего только двух-трех слов, чтобы выразить физическую идею, необходимую для полного понимания явлений микромира».¹⁾

Да, не хватает нескольких новых фундаментальных понятий! Некоторые из них частично уже раскрыты, а остальные и эти некоторые окончательно будут раскрыты в первой и второй частях «Логов...»

«Имеется огромное количество фундаментальных проблем и в естествознании и в социальных науках, которые очень далеки от решения, а в процессе их решения наверняка возникнет еще большее количество новых, более глубоких проблем. Приведем несколько примеров таких неразрешенных в настоящее время проблем в области естественных Наук:

—единая теория гравитации и релятивистской квантовой механики;

—теория элементарных частиц;

—теория, объясняющая численные значения фундаментальных физических постоянных: скорости света, постоянной Планка, гравитационной постоянной, заряда и массы электрона и протона (или объясняющая значение их безмерных комбинаций);

—вопрос о конечности или бесконечном многообразии фундаментальных законов для микромира;

—теория, объясняющая, что было в начале и до начала наблюдаемого расширения Вселенной;

—теория, объясняющая численные значения скорости и ускорения расширения Вселенной, ее среднюю плотность и энергию;

—теория показывающая, что происходит внутри черной дыры для падающего в нее наблюдателя;

—односвязно ли космическое пространство? Если нет, то есть ли, кроме наблюдаемых микро-и макромира, еще и другие миры?

—конечно ли количество фундаментальных законов в макромире?

1). Д. И. Блохинцев. «Структура элементарных частиц». Ежегодник «Наука и человечество» 1962 г., стр. 306—307.

- теория происхождения жизни на Земле и формы возникновения жизни в других областях Вселенной;
- теория деятельности мозга человека и животных».¹⁾

Не найдя способов построения новой теории, превосходящей в эвристическом, объяснительном и прогностическом отношениях нынешнюю парадигму, многие физики уже обращаются к более общей гносеологической проблематике. Революция в системе научного знания — «это такое преобразование теоретического содержания этой науки, когда ломаются ее установившиеся основания (совокупность принципов и основных понятий) и сопряженные с ними характер методов познания и стиль мышления».²⁾

Уже накопилось так много и таких результатов научного познания и трудностей познания реальной действительности вглубь, что благодаря уточнению, переосмысливанию, обновлению логики мышления и ее использованию, благодаря использованию результатов хода познавательного мышления от предварительного и поверхностного знания сложного к познанию его составляющих простых элементов и структур (этот ход от сложного к простому до сих пор был основным) оказалось возможным мысленно открыть или истинно отгадать смысловое содержание, которым истинно и вглубь исчерпывающе отображалось бы то, какие должны быть те начала бытия и наименьшие элементы сущего, из состава и смыслового содержания которых можно мысленно смыслологически истинно выводить все получающиеся из них в соответствующих условиях и истинно объясняющее все нас интересующее,—можно отвлеченным мышлением познавать все то и так исчерпывающе и истинно, как это возможно вообще. И ход познавательного мышления от сложного и макромирного к простому и микромирному меняется на ход от знания самого изначального, глубинного и донного, наименьшего и всеобщего к знанию всего сложного, из него получающегося и в него разлагающегося. Познанием этой тайны и созданием новой СНОЗ, фундаментирующей на абсолютно истинном знании всех глубинно-донных начал бытия и наименьших элементов сущего, генерирующих и обуславливающих собой существование, образование и развитие из них всяко сущего, и разрешается эпохальная тема и проблема всемирной истории, и решает-

1). Н. С. Кардашев «О стратегии поиска внеземных цивилизаций». Ж. «Вопросы философии» № 12, 1977 г., стр. 49.

2). М. Э. Омеляновский. «Победа Октября и революция в естествознании», Ж. «Вопросы философии» № 10, 1977 г., с. 89.

ся извечная проблема вглубь до дна исчерпывающего, вселенски наивысшего и истинного познания реальной действительности, для решения которой до пределов напрягали свои умы талантливейшие мыслители человечества за всю его предшествующую историю. Именно этот ход и способ познавательного мышления наиболее соответствует естественному ходу самообразования и саморазвития всего сущего из своих глубинных начал и элементов, благодаря чему и разрешаются проблемы информационного взрыва и повышения эвристичности и интересности и легкости обучения, познания и мышления, — конечно, после изучения и овладения новой СНОЗ, окончательное раскрытие которой в моем исполнении будет в «Логиках...» Но проявите, глубокоуважаемый читатель, еще терпение и труд и прочтите до конца эту шестую и последнюю часть «Прологов...»;—чтоб узнать о том и убедиться в том, что всеобщие фундаментальные глубинно-донные начала бытия и наименьшие элементы сущего все же можно и должно познать логически и фактически истинно отвлеченным умозрительным мышлением;—чтоб поупражнять и подготовить свой ум к погружению до дна вглубь микромира;—чтоб очиститься от некоторых ошибочных, неистинных или недостаточно истинных представлений, мнений и гносеологических идей и вооружиться новыми, более истинностворческими;—чтоб и о прочем важном узнать.

§ 3. Ассоциативные и причинно-следственные связи.

Объективизация знания и о прочем.

I

Признание некоторого итогового следствия и убежденность в его логической истинности формируются у человека не только в результате того, что он может представить себе смысловое содержание этого следствия, но и тем, что ход выведения этого следствия внимательно умозрительно прослеживался, в ходе чего шаг за шагом достигалось отчетливое и убедительное выяснение полной предобусловленности получаемости последующего смыслового содержания из предшествующего, в результате чего умосознание удостоверялось в том и принуждается к признанию того, что итоговое следствие получилось предобусловленным результатом существования и развития исходного смыслового содержания, результатом взаимопредобуславливания, взаимопредопределения возможностей реализации свойств соответствующих элементов и структур исходного смыслового содержания. Умосознание с убежденностью переходит к следствию от исходного состояния знания,

если смысловые элементы последнего в соответствии со своими исходными свойствами образуют это следствие как результат мысленного прослеживания самополучной реализации наличия и существования этих смысловых элементов, взятых в таких-то количествах, свойствах и условиях взаиморасположения. И если такого смыслового результата невозможно получить из исходных начал в соответствии с их исходными свойствами и способностями к взаимопроявлениям и объединениям, то доказательство такого результата из этих начал не будет убедительным, не будет смыслологически истинным, будет сомнительным, или ошибочным, или ложным. Причем, это следование результата из исходного вовсе не должно быть получено установлением ассоциативной связи и рядоположенности результатов чувственных восприятий. То, что такое-то запомненное следовало за таким-то запомненным, вовсе не есть основание для умозаключения о развитии последующего из предыдущего, а может дать основание только для умозаключения о том, что и после чего воспринималось или мыслилось. Соединение двух идей может быть следствием ассоциативной связи и рядоположенности чувственных восприятий в памяти, что следует отличать от связей смысловых элементов знания, произведенных мысленным выводением следствия из структуры смысловых элементов исходного знания. Логическая необходимость следования не должна быть результатом привычки наблюдения или вспоминания смысла следствия всегда или чаще после смысла ему предшествующего, а должна быть результатом охарактеризованной выводимости; ибо причиной, производящей развитие той реалии, которая отображается в смысловом содержании следствия, не обязательно есть то, что воспринималось, вспоминалось или мыслилось субъектом. Такой причиной является все то в реальном предмете познания, что порождает, производит, составляет, образует, генерирует собой его последующие состояния и результаты.

По мнению Аристотеля человек знает что-то, если он знает причину, в силу которой данная вещь есть. «Поэтому ...необходимо, чтобы и доказывающая наука основывалась на положениях истинных, первичных, непосредственных, более известных и предшествующих (доказываемому) и на причинах, (в силу которых выводятся) заключение. Ибо такими будут и начала, свойственные тому, что доказывается». ¹⁾ Замечательная трактовка до-

1). «Антология мир. философии», М., 1969 г., т. 1, с. 435.

казательства! Имманентно выводную связь, с необходимостью ведущей разум к признанию последующего, следует отличать от того постоянного соединения нескольких идей, которое обусловлено всевозможными иными причинами. В противном случае мышление с имманентно выводимых связей соскальзывает на связи наблюдения, воспоминания и мышления, т.е. на закрепленные опытом связи, от чего часто и впадает в заблуждение. Пример: человек ищет причину своей неудачи и не находит ее, но вспомнив, что перед этим кошка перебежала ему дорогу, умозаключает ошибочно, конечно, что причиной его неудачи есть это событие с кошкой. Иногда его умышленно ведут по этому пути, делая подмену на сей раз не смыслового содержания понятия (или наряду с этим), а подмену смысла порядка и правил вывода.

Юм втолковывает нам, что понятие причинности есть результат привычки ума; а основанием умозаключений есть вытекающая исключительно из опыта и так понимаемая причинность, — есть предположение, что будущее будет соответствовать такому прошедшему, какое ранее наблюдалось в схожем. «Лишь после длинного ряда определенным образом направленных однородных опытов, — пишет Юм, — мы достигаем твердой уверенности и отсутствия сомнений относительно какого-либо единичного факта. Но разве существует такой процесс рассуждения, — спрашивает он, — посредством которого из единичного примера делали бы вывод, столь отличный от того вывода, которые делают из сотни примеров, совсем не отличающихся от данного?.. Я сам не могу найти, не могу вообразить такого рассуждения...».¹⁾ Конечно, ум может переходить от предшествующего состояния знания к последующему, основываясь только на опыте без имманентного вывода его. И такой переход может вести к истинным результатам, если опыт точно фиксирует собой связь порождающего с порожденным, опричиннивающего с опричинниваемым. Но часто причиной изменений состояния предметов являются не только (или не столько) изменение в тех окружающих обстоятельствах, которые чувственно воспринимаются и ассоциативно связываются в опыте с изменениями предметов, но и (или сколько) изменения в глубине самого предмета и вокруг него на недоступных для чувственности уровнях сложности элементов и структур, составляющих его и его окружение. Поэтому таким познанием, когда выводы производят основываясь только на повторяемости в данных эмпирического опыта, самое существенное внутреннего механизма

1). Давид Юм. Соч. в 2-х томах. М., 1965 г. т. 2, стр. 39.

предмета познанием и не схватывается. То в следствии, что присоединяется к необходимым и достаточным основаниям его получения как выведенное из имманентных свойств исходных смысловых элементов глубинных уровней сложности, не участвует основанием в переходе мышления к следствию лишь тогда, когда субъект сознательно или бессознательно не промышляет его. Люди эмпирического мышления ограничиваются описанием последовательностей наблюдений и выведением причин видимым изменениям только из изменений видимого, что обуславливает большие эвристические потери или ошибки. А мышление формой моделирования, выведением модель-представлений из всеобщих начал бытия и элементов сущего и из всех обстоятельств, складывающихся из этих начал и элементов и последующих образований из них, позволяет легко избавиться от этих потерь или ошибок. Умознание, добывающееся самостоятельного произведения истинного знания, должно так работать и управлять мышлением, чтобы предоставить возможность умонаглядно мыслящемуся смысловому содержанию исходного знания как бы свободно, самополучно производить из себя последующие состояния и, при этом, вовремя замечать новое в результатах и в обстоятельствах и учитывать его в последующем выведении. И если к убедительно установленной истинности начал выведения и логической непротиворечивости хода выведения присоединяется еще и то, что в ходе этого выведения мы приходим в конце концов к получению моделей таких уровней сложности, прообразы которых оказываются доступными восприятиям, и если устанавливается и фактическая истинность таких выведенных результатов, если архитоника чувственных восприятий соответствует формам структур-ничто смыслового содержания выведенных представлений (чем и примиряется разум и чувственное созерцание), то какое же тогда возражение можно выдвинуть против содержания таких начал и правил выведения? Ведь чувства не возражают, разум также начинал выведение с убежденностью в истинности начал, шел в логическом согласии с самополучаемостью из этих начал и пришел к конечному фактически истинному результату с такой же убежденностью!?

Такие-то мышлением обеспечивающиеся взаимосвязанность и взаимоследование смысловых элементов не есть причина соответствующей взаимосвязи или взаимоследования в них отображающихся реалей, а лишь отображают собой эту причину. И поэтому истинный ответ на то, почему это нечто следует и следует именно за этим другим нечто, истинно отвечает и на вопрос о том, что такое причина такого следования этого нечто.

Идеи, в которых так или иначе отображается или может отображаться предмет познания, в умосознании возникают лишь тогда, когда из памяти извлекается какой-нибудь смысловой элемент, когда он проявляется в ясности субъекта как представление, как протяженность антиощущения с идеальной границей-ничто в месте отличия его от иного антиощущения, и когда этот элемент мышлением мыслится как как-то проявляющийся или не проявляющийся по отношению к его окружающему.

Из всего следует, что для получения новых истинных результатов и убежденности в логической истинности этих результатов мысленного вывода необходимо не отвлекаться от смыслового содержания понятий, на что уговаривают ревнители бессмысленных абстракций, и на что сознательно идут математики, а нужно руководствоваться таким логическим правилом: умозрительно промывать самополучно неизбежные последствия взаимодействий всех исходных смысловых элементов в соответствии с (вытекающих из) изначально выясненными или мышлением заложенными в них смысловыми свойствами. И роль ничто при этом чрезвычайно важна: ведь ничто появляется, есть и исчезает там, где появляется, есть и исчезает различие между этим нечто и иным, его окружающим; оно же следствие различения одного нечто от другого (саморазличения их или различения их познающим, их представляющим, их мыслящим разумом); а раз оно есть следствием этого, то разум, безошибочно следящий за ним и за им разграничивающимся, прерывающимся, и наводится на выявление и выяснение следствий, и ведется (идет) вслед за следствиями, и просматривает куда идут следствия, и сам идет вслед за этими следствиями.

Реальность развивается до образования в ней объективной реальности и субъективной реальности, способной отображать в себе и объективную и субъективную реальность. В ходе существования, развития и совершенствования субъективной реальности в ней образуются идеи, верно или неверно отображающие предмет познания. И вывести хоть какую-нибудь первую идею из реальности можно проследив мысленно все то, что делается в реальности, порождающей в себе из своих начал объективную и субъективную реальности, живые образования из неживых и какую-нибудь первую идею в образовании, развившемся до способности производить в себе идеи и отображать ими окружающее или и себя. Для выведения же последующих истинных идей необходимо взять понятия, своим смысловым содержанием истинно отображающие исходный состав, и состояние реальности, и так мысленно выводить из них

получающиеся новые смысловые содержания, чтоб истинно отобразить все те последующие образования и состояния реальных, взятых для такого познания, которые и являются следствием ее самополучного развития из своих начал, — чтоб мысль стала истинной не только для себя (стала не только логически непротиворечивой), но и для всей противоположности, т. е. чтоб получила подтверждение в результатах чувственных восприятий на соответствующих уровнях и срезах. Руководствоваться при этом нужно следующим логическим положением: истинность идеи (представлений) может быть доказана или в результате установления их фактической истинности (т. е. в результате установления соответствия между элементами и структурами элементов смыслового содержания и восприятийных данных) или логически непротиворечивой выводимостью из них таких производных идей, которые подтверждаются фактически.

Если же целью доказательства является не доказательство истинности тезиса, а только убеждение другого и приведение его к принятию идеи с таким содержанием, какое оно мыслится у доказывающего, как это утверждал и Л. Фейербах, то для этого достаточно будет изобрести приемлемые для этого исходные положения и без заметных противоречий вывести из них доказываемый тезис.

А начинать выведение знания о реальности из понятий, содержание которых снято восприятиями из чувственности доступных уровней сложности, это значило бы начинать выведение знания о реальности не из ее действительных начал, а из середины, и выводить опираясь на непонятное знание того, что должно быть выведено из начал и объяснено и понято в ходе и в результате этого выведения. В отличие от Гегеля, который отказался от начала, беря за начало идею бытия без всяких ее определений и обещая определить ее в результате выведения, Фейербах отказывается от понятия начала тем, что призывает непосредственно обращаться к созерцаемой действительности как к началу и выводить из нее знание о ней. Но знание о реальности невозможно чувственными восприятиями выловить непосредственно в ней, ибо она непосредственно дается нам только чувственностью замечающимся и различающимся. А она (чувственность) между умосознанием и тем в реальности, что чувствами воспринимается. Знание не выходит из сферы умосознания и не входит в него из реальности, а образуется в нем. Для перехода реальности в знание о реальности она

должна получить отображение на материале субъективной реальности в виде смысловых элементов, которые берут на себя соответствие и должны вестись мышлением в соответствии с им соотносимой и в них отображающейся реальностью. А если пытаться выводить реальную действительность из идеи, как это делают идеалисты, то это значило бы пытаться вывести реальность из знания о ней, вывести и получить деньги, например, из знания о них. Но из знания можно вывести только знание, которое может быть либо истинным, либо ложным, или ошибочным — в зависимости от наличия и меры соответствия между ним и той реальностью, для отображения которой оно предназначается.

В результате реального взаимодействия объективной и субъективной реальности реальность должна произвести отображения себя в субъективной реальности, благодаря ее чувствительности, которая берет затем эти отображения в форме смысловых элементов знания, уясняет, преобразует и выводит из исходного знания последующее; а если познается реальность в развитии из начал, то и выведение должно идти из знания о началах реальности к знанию последующих результатов ее развития, к познанию и субъективной реальности и к познанию себя. К тому же следует иметь в виду, что: «Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу».¹⁾ А практика — это деятельные движения людей (усиленные и продолженные или утонченные орудиями труда, машинами), руководствующихся представлениями и восприятиями.

Гегель не в том неправ, что он берет за начало своего учения понятие, а в том, что сначала он берет понятие без предшествующих обоснований, выведений, выяснений и определений его, без получения выведением из исходных несомненно истинных смыслов и положений сути того в понятии, чем оно отображает предмет познания, и без выяснения отображательных пригодностей и возможностей этого, и что в ходе развертывания изложения он ложно определяет смысл термина «понятие».

Из того принципа истиннистской гносеологии, что не реальная действительность соотнобразывается с ее отображающими идеями (если речь идет о познании, а не о преобразовании), а эти идеи

1). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

должны соотноситься с той реальной действительностью, которую желают истинно познать, отобразить, и из того, что эти идеи извлекаются из памяти или творчески формируются из вспоминающегося и не выходят из своего обиталища (из умосознания) следует, что знание о знании следует вывести из знания о том, из чего развивается (и следовательно объективно самовыводится) познающее и его знание, что на предварительном уровне нами и проделано в предшествующих частях «Прологов...», а на исчерпывающе глубоком уровне будет изложено в «Логиках...».

II

В литературе обсуждается вопрос о так называемой «объективизации» знания и логики познания. Ясно, что выход знания из субъективной реальности в объективную невозможен — знание всегда находится в умосознании субъекта и выйти оттуда, не перестав быть знанием, оно не может. Стало быть и «объективизацию» знания и познания следует понимать не как выход их из и за пределы умосознания субъекта. Ее следует уяснять, разве только, как проблему получения субъектом истинного знания о реальной действительности. Умосознание человека, осуществляющее функции планирования и управления трудовой деятельностью, должно обладать знанием объект-объектных отношений, — отношений орудия труда к предмету труда, — должно обладать знанием естественных свойств тех природных материалов, которые он превращает в орудия и в предметы труда, т. к. последние не могут действовать и взаимодействовать неестественным или противоестественным образом. Поэтому важно знать не только то, как предмет воздействует на субъект и взаимодействует с познающим его умосознанием, но и то, как предметы взаимодействуют между собой в плоскости объект-объектных отношений без относительно к умосознанию, онтологически. Вопрос здесь состоит в том, может ли познавательный процесс выявить истинное знание объект-объектных отношений, очистив его от тех возмущений (ошибок, помех, шумов), которые привносятся субъектом вследствие творческой активности и влияния познавательного процесса на мыслящееся; и как это влияет на характер субъективных проявлений познавательных усилий. Ведь процесс отображения предмета познания на самом деле протекает между предметом познания и знанием познающего, часто с предварительным или последующим отвлечением от этого реального предмета познания или выведением знания из знания и о невидимом, с

проявлением со стороны субъекта творческой познавательной активности. А целью познания являются реальные предметно-предметные отношения. Если процесс формирования знания оградить от тех субъективных влияний мышления на него, которым оно образуется, преобразуется и формируется, то этим оно было бы сведено только к форме извлеченных представлений, без всякой субъективной обработки извлекающихся из памяти как запомненное чувственных восприятий. Никаких новых идей человек в таком случае не производил бы, а был бы способен лишь к воспоминанию чувственно воспринимавшегося. А т. к. мы хотим познать логику мышления, производящего истинное и более полное и развитое знание в результате творческой обработки вспоминающихся смысловых структур, то мышлению необходимо запретить мыслить только такие смысловые элементы, каким нет соответствия в реальном предмете познания, и запретить мышлению мыслить такие смысловые отношения, действия и взаимодействия (такие смысловые структуры) между смысловыми элементами знания об этом предмете познания, которых не было, нет и быть не может между соответствующими элементами этого предмета познания. Нужно не только развивать и проявлять произвольную свободу творческого мышления, но и сдерживать, дисциплинировать его, подчинять его верной логике с тем, чтоб оно мыслило только такое смысловое содержание и так, какому и как в познающей реальности есть соответствующее. Нужно очистить знание и правила мышления от тех субъективных привнесений, которым нет соответствия в реальной действительности, и закрыть возможности делать такие привнесения. Нужно научиться мыслить такое смысловое содержание и так его мыслить, чтоб в реальности ему было соответствующее. Это и можно делать, взяв за смысловые элементы протяженности антиощущений с границами-ничто между ними в местах взаиморазличения, и мыслить их так, чтоб истинно отображать предмет познания. И тогда такое мышление не будет испытывать труда, чтобы познавать какой-то предмет; для этого ему необходимо и достаточно будет точно взять все смысловые элементы, необходимые и достаточные для истинного отображения всего того, из чего предмет составляется и развивается, и мысленно моделировать, умозрительно просматривать получающуюся внутреннюю структуру и выводить знание о внешних свойствах этого предмета; а при мысленном размещении такого модель-представления в соответствующую мысленную среду можно выводить всевозможные варианты поведения его в окружающей среде.

Глубина, подробность и истинность такого знания достигается глубиной, подробностью и степенью соответствия между той исходной структурой тех элементов смыслового содержания, с которых начинается выведение производного знания, и той исходной структурой тех элементов предмета познания, с которых он начинает свое становление и развитие. Система смыслового содержания может вскрывать, отображать лишь ту меру соответствия с реальным предметом познания, которая изначально заложена в ее структурных и элементных началах, и может экстенсивно раскрывать эту меру познания, лишь в том аспекте, лишь в том срезе, который предопределен и задается ее началами.

Для интенсификации познания, для увеличения степени вышеохарактеризованного соответствия и глубины познания реального мира необходимо уточнять то в исходных смысловых элементах и в смысловых структурах между ними, что существенно для более истинного, более глубокого и более подробного отображения предмета познания, и изменять это в направлении приведения их к возможно полному соответствию с соответствующими реальностями предмета познания. В результате такого процесса приведения к максимально возможному по глубине, по подробностям и по точности соответствию смыслового содержания мысли и реального в предмете познания и разрешаются проблемы взаимоотношения нынешних формальной и диалектической логик, рассудочного и разумного мышления и проблема создания новой СНОЗ. Те противоречия или различия между нынешними формальной и диалектической логикой, вокруг которых в последнее время идет оживленная полемика, будут разрешены изменением, развитием, усовершенствованием формальной логики (в том числе и символической) и диалектической в вышеуказанном направлении. И если в реальной действительности существуют противоположности и противоречия, то они должны соответствующим образом воспроизводиться в смысловом содержании мыслей. Этим и будет реализовано непротиворечивое отображение в мыслях и выражение в словах противоречий и противоположностей реального. Отображение предметов в смысловом содержании мыслей должно осуществляться при соблюдении закона недопустимости противоречия между этим предметом и этими мыслями; противоречия действительности в научном смысловом содержании должны отображаться прежде всего истинно, как противоречия, т. е. так, как они есть в действительности. Нельзя допускать противоречия между смыслом и тем, что в нем отображается, и следует всячески

добиваться, чтобы в смысловом содержании все было так, как и в отображающемся в нем предмете. Если между какими-то элементами, реалиями предмета есть реальное противоречие, то и в смысловом содержании должно быть такое же противоречие между соответствующими элементами его.

Но более полно сущность мышления может быть познана лишь тогда, когда оно будет получено как результат умозрительного рассмотрения или вывода из всеобщих исходных незыблемо истинных смысловых элементов и возможных структур между ними, в соответствии с тем, как отображающиеся в них реальные всеобщие начала бытия и элементы сущего породили собой такой специфический естественный и реальный процесс человеческого существования, который мы знаем. А поэтому, чтобы получить мышление результатом такого вывода, следует вновь начинать с уяснения реальности и ее начал, и по мере получения выводением нового знания о мыслящем субъекте, о его органе мышления и о процессах их жизнедеятельности, по мере получения знания о соответствующей природной и социальной среде уяснять и уточнять гносеологию и логику.

III

Так понимающаяся «объективизация» характера мышления достигается не тем, что человек не может или не должен применять свой творческий произвол в процессе познания, а тем, чтобы мыслить смысл таким и мысленно принуждать его к такому поведению в поле умонаглядного рассмотрения, каким является соответствующий ему предмет познания. При этом, приводя смысловые элементы знания и их структуру все к более точному соответствию с реальными элементами и структурой предмета познания, он и будет вынужден проявлять такие усилия и приемы своего мышления, которые все более точно будут отображать проявления той среды, которая обуславливает такости существования предмета познания с так познанными его элементами и структурой. И логика мышления, структура и формы тех проявлений и усилий умосознания, которые дают истинные результаты, будут определяться, в конце концов, познающей реальной действительностью, т. к. оно, стремясь к истинности, вынуждено руководствоваться не каким угодно произволом субъекта, а лишь тем, который ведет к вышеуказанному соответствию, ведет к истинности получаемых результатов познания. Мышление, нацеленное на получение истинного знания, должно истинно познать исходные смысловые

элементы знания и истинно познать структуру их возможных проявлений в строго определенных условиях. И затем разумным и к истинным результатам ведущим произволом и напором мышления можно выводить из них последующие состояния модельного знания о предмете познания, не производя, при этом, таких произвольных изменений и переделок в ходе и для хода выведения знания, которые нарушали бы, изменяли бы естественный ход саморазвития этого знания в соответствии с изначально взятым содержанием его смысловых элементов и структуры, которые давали бы какой-то примысел, искажение или надрыв, нарушающие порядок имманентного самоследования. Появление нового содержания в каждом последующем состоянии знания после каждого предшествующего шага выведения должно быть не результатом примысла, а только необходимо следующим результатом изменений и образований из предшествующих содержания и состояния этого же знания и условий его выведения. И все, что будет выведением получаться в логически правильном мышлении из знания всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего, то и в реальности может получаться.

Варьированием же условий можно выявлять и проследживать познающиеся возможности познающего. Выбором из всех возможных мыслительных произволий только тех произвольных приемов и усилий мышления, которые дают именно истинное знание, и осуществляется создание прерогативы, благоприятие для закрепления и повторения именно для таких субъективных познавательных усилий субъективного умосознания и рогатки, подавление, отсеивание для не таковых. А руководствуясь и управляясь истинным знанием, детерминирующимся таким образом в конце концов предметом познания, мы и приводим себя и свое поведение (производство и употребление орудий, средств труда и предметов потребления) к наилучшему согласию с природой, — не допуская ошибочных действий и поведения мы уменьшаем препятствия на пути своей и общественной жизни, уменьшаем меру хаоса и увеличиваем меру согласованности, уменьшаем меру энтропии и увеличиваем меру негэнтропии, вносимых субъектом в объективную среду и в свой организм, сводя их к оптимальному соотношению, необходимому и достаточному для истинного человеческого и истинно справедливого счастья.

«Природа противится только фантастической свободе, но разумной свободе она не противоречит», ¹⁾ — писал Л. Фейербах, упо-

1). Л. Фейербах. Соч., Госиздат, 1923 г., т. 1, стр. 42.

миная в связи с этим основное положение стоиков: жить соответственно с природой.

Речь здесь идет не о выработке какого-то строго формализованного аппарата, позволяющего мышлению оторваться от смыслового содержания представлений, хотя эта возможность и не исключается, а о процессе формирования смыслового содержания последующих представлений из предшествующих, дающем убежденность и истинность. И ведущие к этому средства все хороши: или это самостоятельное творческое мышление, или это мышление при помощи общения с другими любым языком, или это выведение посредством формализованной знаковой системы. Мышление должно приспособливаться к истинности, а не наоборот, т. е. не истинность к мышлению. Лишь истинно познающее познание ведет к «объективизации» мышления в здесь разъясняющемся смысле, а не наоборот, как это пытаются проводить объективные идеалисты. И смысл этой «объективизации» состоит не в том, что субъект не должен проявлять в ходе познания активности и творческого произвола, а в том, что проявляя таковы усилия своего творческого произвола он должен мыслить так, как необходимо для получения истинного знания, а не как попало, не как ему хочется. «Объективизацию» знания следует понимать разве только в смысле доведения его до предельно-возможной истинности во всех отношениях, ибо тогда и по этой причине оно может быть таким же у этого субъекта и у другого. И насколько истинность знания ближе к абсолютной, настолько оно и становится абсолютно одинаковым у всех субъектов, так познавших, так мыслящих и к тому же предмету и так же соотносящих его. А поэтому и настолько же оно «объективируется», т. к. такое же самое знание может находиться во мне и у другого, и даже у любого инопланетянина, т. е. в объективной по отношению ко мне реальности. Ведь феномен знания реально существует в субъективной реальности, которая для другого субъекта является объективной.

Именно познание моделированием и организация знания в модели, саморазвивающиеся из одних в другие, позволяет выявить истинное знание об отношениях вещей к вещам и освободиться от вмешивающихся туда субъект-субъектных отношений. Ведь выведение нового знания из предшествующего состояния и условий и отображает отношения такого-то состояния предмета к другим предметам и к последующим своим состояниям. Этим и достига-

ется освобождение и очищение от смешивания двух плоскостей отношений: субъект-объектные и объект-объектные отношения. Мысленное моделирование же смыслового содержания позволяет освободиться и от тех примыслов и путаницы, которые вносятся приборами и введением систем отсчета, т. к. поведение знания о предмете рассматривается относительно знания об окружающей его среде. Приборы при этом выступают лишь как спецустройства, предназначенные для создания или контроля и наблюдения соответствующих условий среды. Система же отсчета должна мыслиться при этом лишь такой и так, какое и как есть что-то соответствующее и соответствующее ей в предмете познания и в окружающих его условиях.

Бор включил в состав физической реальности измерительные приборы, т. к. описание явлений той логико-понятийной системой, которой он (и все другие и по ныне) пользовался, осуществляется понятиями, снятыми в результате измерительных операций с макроскопического мира, от чего в смысл понятий включено только то, что можно как-то измерить (скорость, путь, масса, длина и пр.). Но измерение включает в себя и элемент исследования, и субъект, и измерительный прибор. Прибор в теоретико-познавательном смысле есть объект, опосредствующий процесс взаимодействия предметов внешнего мира с органами чувств. Приборы влияют на исследующийся элемент, создавая вокруг него (своим материалом, формой, колебаниями своих элементов и выходом их в окружающую среду и прочим) соответствующие условия, не зная, чего субъект и не может учесть эти влияния и безошибочно познать исследующийся элемент. Отсюда примесь к смыслу, предназначенному для отображения элемента исследования, того, что ему не присуще, что привносится без ведома субъекта прибором или субъектом и что запутывает процесс и результат такого познания. Вопреки идее Бора поведение элементарных микрообъектов можно и нужно отличать и отграничивать от их взаимодействия с прибором, но лишь в результате познания до дна в микромир и прибора, и всего прочего, в том числе и того, чем и как человек познает и может познавать. В новой СНОЗ это и достигается. В результате правильного расчленения реального предмета на элементы, а потом этих элементов на субэлементы и т. д., в результате истинного познания его элементов до дна вглубь, в результате уяснения сути всего того общего в элементах знания и в элементах реальной действительности, ими отображающихся (=протяженность нечто и форма ничто), в результате истинного

познания исходных начал бытия и наименьших элементов сущего и познания глубинных (донных) механизмов объединения исходных элементов в более сложные и еще в более сложные и т. д. и познания организации их в новых целостностях разум все может исчерпывающе и истинно познать, в том числе и себя — познать умозрительно и свободным творческим мышлением, руководствуясь логикой, ведущей к вымысливанию истинных знаний, — познать вопреки утверждению агностиков — ревнителей непознанного — что то у человека, чем он познает окружающий его мир, настолько макроскопично и приспособлено лишь к чувствам доступному, что якобы делает невозможным выработать понятия, адекватные миру атомных и субатомных уровней сложности.

§ 4. Еще к вопросу об активности субъекта в процессе познания

I

История развития философской и гносеологической мысли свидетельствует, что вопрос о роли мышления в познании и в практической деятельности человека решался по разному. Возможности человеческого мышления то возносились до головокружительных высот все творящего самосознания или объективного духа, созерцающего свою сущность как свою противоположность, которая в виде образа созерцания извлекается человеком из самого себя как из ночи-хранительницы духа и ставится как предмет перед своим духом, являющимся частью или представителем объективного духа, то низводились до пассивного созерцания человеком внешней природы без выяснения активного момента познавательной и производительно-преобразующей деятельности человека, без выяснения сущности и возможностей субъективной активности. Наилучшее решение этой проблемы должно состоять не в том, чтобы эклектически соединять эти крайности и находить середину между ними. Оно должно состоять в том, чтобы вскрыть действительную суть и роль умосознания и мышления, их устройство, работу и возможности.

Роль активности умосознания в процессе познавательного мышления очень важна. Но истинность результатов произвольного конструирования активничающего умосознания должна проверяться и устанавливаться в ходе сопоставления их с чувственно-восприимчивыми данными соответствующих реальных предметов познания и что те исходные смысловые элементы знания, из ко-

торых мышление творит, выводит, формирует новое, должны истинно отображать соответствующие элементы и структуры реального предмета познания.

Познание реальности обуславливается, с одной стороны, процессом реального взаимодействия реального тела познающего субъекта с реальным предметом познания в условиях реальной природной и социальной среды, в результате чего у человека накапливается эмпирический опыт, и, с другой стороны, процессом мышления, которым умосознание целесообразным произволом организует и реорганизует эмпирическое знание в более развитые и совершенные состояния и формы и соотносит для отображения иных сторон, участков или уровней сложности предмета познания. Преувеличение роли одной стороны и недооценка или уменьшение роли другой стороны (по сравнению с действительной их ролью) недопустимы, если мы желаем полнее и безошибочнее выяснить истинное взаимоотношение субъективного и объективного, если мы желаем выяснить истинную сущность и возможности активной роли субъективного и мысленного и если мы желаем, чтоб активная, деятельная, творческая сторона человеческого мышления прогрессотворно развивалась, исчерпывающе использовалась и вела к такому исчерпывающему и истинному познанию реальной действительности, какое возможно вообще. Практика прогресса научного познания дает нам достаточно убедительных примеров, показывающих недостаточность пассивно воспринятых отображений и унаследованных от предков понятий и важную роль активности человеческого умосознания в процессе познания, показывающих, что лишь тот достигает вершин или истинных новаций в научном познании, кто проявляет активность, проницательность и упорство в мышлении, кто более продолжительно творчески, напряженно и гибко размышляет, превращая непонятное в понятное, кто всесторонне развивает логику своего мышления и доводит ее до такого удачливого состояния, благодаря которому появляется возможность производить новое истинное знание самостоятельно.

II

В результате процесса взаимодействия чувствующегося и чувствующего, в результате восприятия реализуются выявление и выяснение восприятийных отображений восприятием исследуемого предмета, воспринимание их и вхождение в субъект, про-

хождение их через сознание субъекта и фиксация их в его памяти. А мышлением реализуется преобразование, обработка, формирование новых образов из извлекающихся из памяти. И если восприятийные данные не обманывают их воспринимающего субъекта в том, что если есть так-то чувствующееся, то оно есть вследствие наличия чего-то иного по сравнению с его чувствующим, т. е. оно есть чувственным отображением объективного, то образы, творчески формирующиеся мышлением, могут иметь и могут и не иметь себе точно или хоть как-то соответствующих объективных реаллий. И из того, что знание о мире изменяется и развивается умосознанием человека, не следует, что умосознание творит мир по своему усмотрению, что мир и все в нем есть результат опредмечивания наших мыслей и якобы есть продукт нашего сознания, т. к. знание опредмечивается в том смысле, что человек восприятийно находит или практикой производит в реальном мире те и такие реальные сочетания реальных элементов, образы которых истинно отображают наличности или возможности этого. И в результате практической деятельности, обработкой реального материала человек может предметить некоторые сформировавшиеся у него образы, если они и материал окажутся пригодными для этого. Объективная реальность, продукты человеческой деятельности, материалы, людьми обрабатывающиеся, перовеществляют и фиксируют собой формы смыслового содержания человеческих представлений, идей.

Человеку незачем заботиться об обеспечении своего существования в прошлом, т. к. прошлое уже прожито, и об обеспечении своего существования в настоящее время, т. к. в это время он уже существует, живет так, как это обусловилось предшествующими обстоятельствами и поведением; ему нужно заботиться о лучшем обеспечении своего лучшего будущего существования, которое будет обуславливаться теперешними и будущими состояниями, поведением его организма и окружающих условий реальности. И поэтому он должен управлять свое поведение знанием о будущих состояниях и последствиях своего организма и окружающей среды. Потому-то человек и должен устремлять свой разум к познанию будущего, опираясь на знания прошлого и настоящего, на знания о причинах и последствиях неприятностей и неудач, о возможностях и последствиях их устранения, на знания о сущности человеческого благопрогресса и счастья и о путях и средствах достижения и ускорения благопрогресса.

Новизна знания достигается как новизной состава, форм, размеров и организации (взаимоструктуры) смысловых элементов, так и новизной соотношения его к иному предмету познания (например, представления о вращении планет вокруг солнца применялись для отображения структуры элементов атома и пользовались этим, пока не выяснили несоответствий и недостаточности этих представлений). Но ни мышление, ни идеи не могут существовать иначе, как не теми реальными элементами, которые образуют собой органы, процессы и результаты мышления; и опредмечивающая идеи практика не может создавать тот реальный исходный материал, из которого формируется, на котором закрепляется структура-ничто идей и предметов, а лишь преобразует структуры элементов соответствующих уровней сложности, состоящих, образующихся и развивающихся из всеобщих исходных начал бытия и элементов сущего.

Моделирование является такой формой мышления, в ходе которой наилучшим образом реализуется активная функция мыслящего субъекта в процессе познания реальной действительности, т. к. в ходе моделирования и при помощи модели появляется возможность раскрыть внутреннюю структуру предметов и явлений и так как осуществляется это в ходе конструирования и реконструирования мысленной модели до сопоставления и в ходе сопоставления с предметом познания. Моделирование есть форма научного мышления. Оно позволяет исследовать моделируемый объект посредством модели, а затем хранить знание, фиксированное в модели и при необходимости экстраполировать его на класс подобных предметов и совершенствовать саму мысленную модель.

III

Полемическое рассуждение по поводу суждений А. М. Коршунова и А. Ф. Полторацкого.¹⁾

«Субъективный образ не может быть взят отдельно от объекта отражения и сопоставлен с ним. Субъективный образ вообще не накладывается на объект: он носит не материальный характер». (стр. 235). Какой вздор! Разве мы не можем мыслить образ предмета отдельно от самого предмета? И разве грибник не испытывает радость, когда его представление гриба накладывается на найденный им реальный гриб?! О чем же вы пишете? Не о тождестве ли отображающего и отображающегося? Разве образы не снимаются с предметов и не мыслятся затем отдельно от них?

1). «Методологические проблемы современной науки». Коллектив авторов МГУ, 1970 г., стр. 232—271.

Разве вы не можете вспомнить образа В. И. Ленина и его рассуждения по этому вопросу, например, в его работе «Материализм и эмпириокритицизм» (см. Полн. собр. соч. т. 18, стр. 83)? А упомянутые авторы далее отмечают, «что принцип изоморфизма по существу не учитывает активность системы отражения. Влияние прошлого опыта на формирующийся у субъекта образ исключает однозначную жесткую связь образа с объектом отражения» (там же, стр. 235). Зачем здесь пристегивают однозначную жесткую связь с объектом отражения? Не для того ли, чтоб быть последовательными в неразрывности образов и прообразов? А разве активность субъекта в процессе познания несовместима с изоморфностью соответствия его знания и предмета познания? Напротив, чем больше активности и чем правильнее эта активность, тем соответствие знания и познаваемого будет глубже, подробнее и точнее! «Но если одного изоморфизма недостаточно для характеристики особенностей образа, — пишут упомянутые авторы, — то в чем же состоит особенность адекватности?». И после некоторых рассуждений заключают, что «адекватность есть воспроизведение в образе предметных параметров, качественно-количественных особенностей, отражение значения объекта в деятельности человека» (там же, стр. 237). Вот и пришли к тому, что адекватность (= какая-то форма и мера соответствия, совпадения, схожести, подобия) образа есть не соответствие его с прообразом, а «воспроизведение в образе предметных параметров. ...отражение значения объекта в деятельности человека». Значит истинность образа определяется не соответствием его с прообразом, а полезностью, значением объекта в деятельности человека? И активность субъекта в познании состоит не в том, что в процессе познания он может и должен приводить образ к соответствию с прообразом всяковозможными проявлениями своей субъективности по отношению к знанию и к предмету, а в том, что он воспроизводит в образе предметные параметры, качественно-количественные особенности? Не освобождают ли этим образ от истинности? И не выходят ли на путь свободного (от истинности) творчества идей, а в них и через них и «предметных параметров»? Не наводят ли на принятие прагматического толкования истинности?

Далее А. М. Коршунов и А. Ф. Полторацкий пишут: «Основой адекватности субъективных образов является практическая деятельность человека, в ходе которой осуществляется соотношение отражения с внешними для субъекта предметами» (там же, стр. 237). Опять дело, видите ли, не в соответствии образа с предметом, а в практической деятельности, которую можно повернуть

и так и этак. А вот что они пишут в параграфе: «3. Активность субъективного образа». Не обращая внимания на те ошибки, которые обусловлены неправильным пониманием материального и идеального, мы читаем: «Объективная реальность воспроизводится в сознании творчески, как нечто изменяемое человеком» (там же, стр. 243): Как это? Объективная реальность воспроизводится в сознании, а не ее образ? Далее: «Прежде чем что-то сделать практически, человек творит это же идеально». (Это излюбленный аргумент увлекающих в идеализм). А всегда ли и во всем ли это так? Разве перед спотыканием человек тоже творит идеально то, о что спотыкается, и последствия спотыкания? Читаем далее: «Активность субъективных образов в отношении материальной деятельности проявляется в их тесной связи с потребностями и целью, выступающих в качестве мощных побудительных мотивов деятельности человека». Как это, как это? Речь идет об активности образов, а не об активности субъекта, выявляющего и формирующего в себе образы? Но разве образы могут существовать вне и не по отношению к активно сущему сознанию субъекта? И разве активничают не по отношению к ним и не ими, а только они? И разве необходимость целеполагания коренится только в общественных потребностях, а в индивидуальных потребностях она не коренится? Разве не в потребностях индивидов коренятся общественные потребности, а наоборот? Разве общественное целеполагание не должно вытекать из разумных и справедливых целей индивидов, а должно навязывать индивидам чуждые и даже регрессотворные им цели? Общественное управление и управляющее меньшинство для обеспечения справедливого приращения истинных благ большинству людей или усиление гнета и эксплуатации большинства людей ради прихотей и роскоши управляющего или угнетающего их меньшинства?

Последующее рассуждение о целеполагании, проводимое названными авторами, лишь запутывает суть дела. Задача истинного познания состоит не в том, чтобы установить, что «образ выражает некоторое отношение субъекта к внешнему миру...» (стр. 248) и всячески обосновывать неустранимость этого, а в том, чтобы очистить образ от всех и всяких субъективных привнесений и довести его до такого содержания, которым он истинно отображал бы предмет и окружение, влияющее на этот предмет. Но не об этом заботятся названные авторы. И поэтому активность сознания они видят не в том, чтобы посредством его глубже и точнее уяснять предмет и знание о нем формировать более истинное,

очищая его от неверных и менее точных представлений прошлого познания, а «в том, что субъект каждый раз отражая предметы, вовлекает в этот процесс опыт прошлого познания». А если этот опыт ошибочен? И далес они ведут вот к чему: «Осмысливая внешние события, человек тем самым использует при отражении предметов не только свой личный, но весь общественный опыт. Поэтому объект выступает для субъекта через посредство тех логических категорий, которые являются аккумуляцией знаний, накопленных человечеством на протяжении всей истории познания» (стр. 249). Как это, как это, как это? Значит никакого нового знания сознание не черпает из результатов творческой активности данного субъекта, а только из опыта прошлого познания, из истории познания? Разве раньше знали больше? Или глубже? Или вернее? Откуда же тогда и почему мы имеем научно-технический прогресс, а не регресс? Кроме этого, объект, значит, «выступает для субъекта через посредство тех логических категорий, которые являются аккумуляцией знаний... всей истории познания»? Как это? Объект является субъекту через категории? Может уже имеющееся в обществе знание об этом объекте формируется у данного субъекта через строй логических категорий? Или сам объект выходит к нему через посредство категорий? Если все обнажить, то получается вот какая система: исторический строй категорий движет собой развитие общества; общество движет личностью, которая получает объект через посредство логических категорий; личность «каждый раз отражая предмет, вовлекает в этот процесс опыт прошлого познания». Исторический идеализм в одежде материалистической терминологии или как это назвать? Заблуждение по неведению или с умыслом?

Понятно, что люди, изучающие идеи, идущие из исторического прошлого, подводятся под их влияние, от чего идеи прошлого находят людей, руководствующихся этими идеями прошлого, и события прошлого в соответствующей мере могут предобуславливать события теперешние и будущие. Но вопрос в том, когда, кому, в каких случаях, в каких условиях и какие идеи прошлого и ради чего следует выбирать и руководствоваться ими, вопрос в том, можно ли, кому, когда, в каких случаях, в каких условиях и ради чего можно и следует какие-то идеи прошлого отбрасывать, от влияния каких-то идей избавляться? А какими идеями следует руководствоваться в замен отброшенным? Где их брать? Только из прошлой истории или можно и следует творческим мышлением

развивать идеи, переформировывать и формировать совершенно новые идеи и системы идей? Ясно, что надо повсюду искать, выбирать, вырабатывать и всячески изменять, развивать, обновлять и совершенствовать идеи, чтоб они истинней отображали реальную действительность и вели руководствующихся ими к благопрогрессу.

О том, кому выгодна здесь разоблачающаяся философия, можно судить по тому, какие следствия, какие объяснения из нее можно получить, в чем можно убеждать людей, опираясь на нее. Можно, например, провести такое «объяснение»: историческое развитие понятий приводит к разворачиванию их в нынешнее научное знание, которым управляют люди и их практика. И это разворачивание исторически начиналось и шло и в системе понятий, начинающейся из понятия «бог» или (позднее) из понятия «идея», без объяснения и определения их смысла и без доказательства истинности смысла этих исходных понятий, и в системе понятий, начинающейся из понятия «природа» или (позднее) из понятия «материя». По содержанию ответа на такие, например, вопросы: из чего все начинается, что главное, что первичное и что вторичное и пр., можно разведать, узнать то, к какому политико-идеологическому лагерю больше склонен или пригоден, принадлежать человек, отвечающий на этот вопрос в соответствующих условиях, — отвечающий не вследствие своих познаний, а из соображений, приспособления к актуальной политико-идеологической ситуации. И если не акцентировать внимания на эвристических, объяснительных и прогностических преимуществах этих монистических систем, если и не заботиться о достижении указанных преимуществ и если по возможности удастся помешать развитию преимуществ мировоззренческой объяснительной системы враждебного идеологического лагеря, и если, при всем этом, удастся убедить человека в том, что истина есть то, что выгодно этому человеку, то тогда можно предлагать такому человеку выбор того лагеря из противоборствующих, выбрав который он может получать и все те выгоды, которые он уже получает, и плюс еще дополнительные выгоды, дающиеся ему за соответствующие услуги другому идеологическому лагерю. В результате такая философия, которую особенно стараются культивировать среди молодежи (студенческой и аспирантской), оказывается пригодной не для истиннейшего и исчерпывающего познания мира, не для познавательного раскрытия и объяснения истинно наиболее прогрессотворных для людей целей, путей, форм и средств жизнедеятельности и структур строения и развития общественного строя и наведения

людей на это путем доказательств и убеждений, а лишь для заманивания людей (пряником и кнутом, подкупом и угрозами) в свою группировку, для разъединения людей на заидеологизированные и враждующие между собой политические группировки, для конфронтации, для разжигания борьбы между ними — ради захвата власти над всеми, — захвата вожаками одной из конкурирующих и борющихся между собой амбициозных, экстремистских группировок.

§ 5. Данные чувственных восприятий, мышление, познание нечувствующегося и чувствам недоступного глубинного и пр.

Стремясь найти для себя точку опоры, человеческий ум обращается к чувственности, посредством которой удостоверяется в фактическом существовании объективной реальности, какой она проявляется по отношению к субъективному и в субъективном, что затем обуславливает предрасположенность ума к самоограничиванию своей роли и к преувеличению роли чувственности в познании, если он при этом не познает и не развивает свои способности к творческому отвлеченному умозрительному мышлению. Данные чувственных восприятий дают нам отображения вещей, зафиксированные архитоникой ощущений. Из того, что онтогенез познавательных способностей субъекта начинается из ощущений, вовсе не следует, что формы чувственного познания и должны быть основными и решающими во всем и всегда. Напротив, ведь те формы, с которых познание лишь начинает свое развитие, не могут быть ни единственными, ни наиболее совершенными; иначе не было бы необходимости познанию и развиваться. Верно, что не получив хоть какого-либо чувственного восприятия, субъект не может что-нибудь мыслить, т.к. умосознание может извлечь в представление и мыслить только то, что зафиксировано в памяти как последствия деструктуризации восприятий. Но несмотря на это неправ Юм, утверждающий, что «мы не можем мыслить что-либо, чего предварительно не воспринимали с помощью внешних чувств или же внутреннего чувства». ¹⁾ Мы не можем мыслить представление до всякого, любого восприятия; но после получения хоть какого-то восприятия мы можем извлечь из памяти запомнившиеся последствия этого восприятия (т.е. антиощущения и границы-ничто между ними) и мыслить их без творческой обработки или мысленно обрабатывать их и мысленно соотносить их для предположительного отображения ими и других предметов, которых еще и не воспринимали.

1). Д. Юм. Соч. в 2-х томах. М., 1965 г., т. 2, стр. 63.

В восприятийно-чувственных данных (архитоникой ощущений в восприятийной информации) отображаются взаиморазмеры, формы и свойства только внешних поверхностей предмета познания, взаиморасположения разных участков их между собой в этом предмете — и только тех поверхностей, которые составляют элементами, чувственности этого органа этого субъекта доступных уровней сложности. В чувственных данных не отображается истинная сущность и смысл тех глубинных и более дробных начал, причин, элементов и структур, из которых происходит чувствами видимое, — не отображается процесс самопроизрастания или имманентного самообразования и развития чувствами воспринимającego (видимого) из невидимого. Это можно познать и познается разумом, не отрывающимся от чувственности и не пренебрегающим ею. Как только мы отвергаем разум как источник познания, так остаются лишь одни совершенно непонятные для нас внешние проявления в нашей чувственности лишь того реального, что является итоговым результатом сущностей, количеств и форм существования начал и глубинного. Или же, если мы хотим что-то объяснить, то вынуждены внутреннее и глубинное уподоблять видимому внешнему (например, применение планетарной модели к объяснению строения атома), для объяснения невидимого вынуждены применять видимые «механизмы», которые, однако, в свою очередь остаются для нас непонятными и необъясненными. Вот куда заводит Гольбаха односторонняя переоценка чувств: «Те тела или существа, которые не могут воздействовать на наши органы ни непосредственно, т. е. сами по себе, ни опосредовано, т. е. через другие тела, не существуют для нас, ибо не в состоянии воздействовать на нас и, следовательно, доставлять нам идеи и не могут стать предметом нашего познания и суждения. Познать какой-нибудь предмет — значит почувствовать его; почувствовать его — значит испытать его воздействие». ¹⁾ Но как может чувствующее испытать и почувствовать такой малый и единственный элемент, которых нужно множество, чтоб некоторым образом (некоторым строем) упорядоченное воздействие их на чувствующее вызвало в нем чувствуюемость? Ведь чувствующие образования сами являются структурными сочетаниями элементов низших уровней сложности, состоящих в конце-концов из тех же всеобщих начал бытия и элементов сущего, что и ими чувствующееся, которые или беспрепятственно проникают их, или субъективируются, или наводят хаос и лишь множеством своего на-

1). Антология мировой философии. М., 1970 г., т. 2, стр. 672.

личия или отсутствия и особенностями структур могут вызвать ощущение или антиощущение в организме субъекта. Ясно, что одними чувствами, без творческого мышления, невозможно познать суть и состав элементов, механизм строения и работы того, что называют, например, электроном, и тем более того, из чего он состоит.

Ведь если в познании реальной действительности мы будем ограничиваться лишь организацией чувствам доступного и неуомозрительного опыта, лишь выявлением общего в восприятийной чувствительности доступном, будем уверять себя и других в невозможности глубже и истиннее познать, или в ненужности, или в нецелесообразности так познавать то, что находится за пределами восприятийной чувствительности доступного, то, ясно же, это будет субъективистское ограничение познавательных способностей человечества и научно-познавательных усилий мыслителей-познавателей! Невозможно же познать чувственным восприятием недоступное, если не применять для этого формы отвлеченного, умозрительного познания, смыслологического моделирования и пр., которые ведь уже относительно успешно применяются, например, в области познания микромира. Модели атомов и их составляющих элементов — это же результаты умозрительного мышления, опирающегося на и использующего данные восприятий чувственности доступного; хотя эти результаты кое-в-чем сомнительные, недостаточные и даже ошибочные.

Проявления более простых элементов, чем элементы органов восприятия, составляющие и обуславливающие их способность к чувствованию, ощущаются лишь в своих множествах, достаточно густых и соответственно оструктуренных, и идеальное архитоники восприятия очерчивает собой границы такости проявления лишь множества этих простых элементов, чем и выявляется или и фиксируется форма границы этого множества. Лишь рассудком и разумом мышление может переходить к уяснению сущности, состава и структуры этих более простых элементов, т. к. оно обладает способностью отвлечения от чувствования и соотнесения отображений (очертаний, образов), с чувствующегося снятых и наблюдающихся умозрительно, в форме представления. Мы, например, не замечаем слишком редкого тумана и не можем заметить и выявить тех отображений, которые множества капелек тумана фиксируют собой. Но мы хорошо видим достаточно густую тучку и

ее очертания, зафиксированные границами ее и ее цветовых оттенков, — очертания, в которых мы иногда можем найти подобие очертаниям каких-нибудь предметов. А если бы мы могли управлять процессом формирования таких туч, какие хотим, то мы могли бы «рисовать» на небе какие угодно из возможных картины. К счастью, мы можем влиять на формирование смысловых содержаний и управлять этим и предопределять результаты этого процесса. Нужно только научиться, познать такую логику и такие начала, чтоб руководствуясь этим мы могли формировать смысловые содержания, истинно отображающие интересующие нас предметы, их развитие из начал, их возможности и пр. Многие люди страдают и теряют многое от незнания роли чувственности в жизни человека, в процессах познания и в процессах самооздоровления организма, теряют многое от слепого следования за чувственными наслаждениями. Важные результаты уяснения роли чувственных восприятий в самооздоровлении будут раскрываться в «Логах...».

Процесс чувственного восприятия захватывает собой познавательное внимание умосознания, заслоняет собой отвлеченное мышление, заваливает умосознание частностями, от которых оно может освободиться лишь обобщением частных в памяти и в мышлении. Из того, что никакое знание, никакое понятие не может образоваться без и до чувственного восприятия, вовсе не следует, что все познавательные способности человека ограничиваются восприятийной чувствительностью и сводятся к ней. Исходные элементы знания конечно же образуются только от оструктурирования элементов органа памяти в такие образования, которые затем могут сниматься, извлекаться умосознанием в представления и оказываются пригодными для умозрительного рассмотрения. Но этим познание не заканчивается, а образуются смысловые элементы любого последующего знания, получающегося в результате мысленной обработки смыслового содержания и выведения из него всего получающегося. И задача познания состоит в том, чтобы из восприятий и из уяснений единичных предметов и из свойственных им объединений и разъединений познать те смысловые начала и ту логику, какие позволят разуму истинно вывести истинное знание о любом предмете из истинно познанных его глубинных начал. Для этого необходимо переосмыслить, преобразовать и преодолеть ограниченность нынешней гносеологии,

ее фундаментальных понятий и идей, «необходима, — говоря словами Ф. Бэкона, высказанными им по отношению к своей индукции, на которую он возлагал большие надежды, — лучшая и более надежная работа разума... нужно применить много такого, что до сих пор не приходило на ум ни одному из смертных, и затратить больше работы, чем до сир пор было затрачено на силлогизмы». ¹⁾

Разум должен переосмыслить понимание чувствами воспринимающегося, данные чего должны стать оппонентом и адвокатом пониманий разума и той логики, которой он руководствуется. Логика должна принуждать разум к движению в направлении, заданном смыслом и составом исходных понятий; но и разум может переосмыслить логику и отбросить непригодное в ней, обновить ее и принять новую логику, согласно которой человек, после получения некоторого опыта, должен отвлечься от живого созерцания реального предмета и отображать смысловым содержанием материальность и идеальность этого предмета в таком неразрывном единстве их, чтоб все и всякие различности его материального не отрывались и не выносились незаметно за пределы идеального ничто, ограничивающего эти различности от того, по отношению к чему они отличаются.

А между тем, нынешние математика, физика и другие науки сплошь и рядом нарушают это. Так, например, мыслят и оперируют понятиями линии, поверхности и точки не уясняя и не различая отчетливо смысл материального нечто и идеального ничто, которыми только и могут образоваться и отображаться эти реалии. «Множество разных слов было изобретено в помощь нашему воображению, — писал Д. Толанд, — подобно тому как строятся леса для удобства рабочих, но когда здание готово, леса нужно убрать, а не принимать их за столбы или фундамент» ²⁾). Например, от системы координат. «...Чтобы серьезно предаться... разысканию всех истин, какие только мы способны постичь, — верно писал Р. Декарт, — нужно прежде всего освободиться от наших предрассудков и подготовиться к тому, чтобы откинуть все взгляды, принятые нами некогда на веру, пока не подвергнем их новой проверке. Затем должно пересмотреть имеющиеся у нас понятия и признать за истинные только те, которые нашему разумению представляются ясными и отчетливыми» ³⁾).

1). Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1972 г., т. 2, стр. 15, и 64.

2). «Английские материалисты XVIII в.», М., 1967 г., т. 1, стр. 160.

3). «Антология мировой философии», М. 1970 г., т. 2, стр. 254—255.

Умозаключения, опирающиеся на формы традиционной логики, являются по существу лишь как формы выобобщения эмпирического опыта и соответствующего связывания его с соответствующими названиями, лишь как формы выявления общего во множествах единичного и выявления частного в общем и подведении частного под общее. И выходит, что новое знание в таких (силлогистических) умозаключениях хоть в какой-нибудь посылке, да уже содержалось, чем и обуславливается то, что для получения нового знания без перехода к новой теории познания нет иного источника, кроме углубления, расширения и повышения скурпулезности эмпирического опыта, чем и занималось естествознание много веков и ныне занимается. Умозаключения от чувственного созерцания предмета к общему с ним в смысловом содержании понятия об этом предмете и от так полученного общего к частному в восприятии чувственных данных работают лишь когда идет развернутый умозрительный обзор эмпирических данных и заполнение тех невоспринимавшихся пробелов, которые в принципе могут быть восприняты, т. к. в данном случае идет обзор таких форм структур-ничто, таких отображений, которые оказываются доступными восприятию чувствительности и или уже воспринимались, или могут быть обнаружены в восприятии чувственных данных. Силлогистическими умозаключениями выясняются лишь взаимоотношения между объемами понятий. Но для более глубокого познания, для познания сущности и первопричин, для познания восприятию недоступных уровней сложности нужны иные фундаментальные понятия, логика и формы движения (работы) мысли и обработки и развития мыслимого, к вскрытию окончательного смысла которых мы и приближаемся.

II

Новое знание мы можем получить и присоединить к имеющемуся и тем самым решить кантовский вопрос о том, как возможно синтетическое знание, мы можем не в результате воспоминания души об идеях, которые она созерцала до ее соединения с телом, как это объясняет Платон, и не в результате саморазвития мировой абсолютной идеи, оживляющей, одействворяющей и развивающей и людей, как это объясняет Гегель, а в результате самостоятельного саморазвивания в мышлении исходного смыслового содержания, извлекающегося из памяти и берущегося за исходное, как это происходит и с отображающимися в нем реалиями: усложнение или обновление ранее уже получившихся образо-

ваний происходит в результате взаимодействия и взаимообмена между структурами элементов этих исходных образований и окружающих условий и среды. Синтез сложного знания необходимо получать имманентным выведением его из простого, и начинать все это нужно из всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего, к окончательному и истинному познанию чего мы и продвигаемся:

Необходимость введения новых понятий (слов, связанных с новым смысловым содержанием) и высказываний тем и обуславливается, что из исходных смысловых элементов, отображающих собой элементы низших форм бытия и существования реальности, выводится новое смысловое содержание, отображающее собой более сложные элементы реальности и их свойства, эмерджентно получающиеся в результате соответствующего самосоединения низших элементов реальности. И вывод по аналогии для мысленного моделирования далеко не является основным логическим приемом, который в сущности является приемом эмпирического мышления (умозаключают от сходства в части свойств к сходству в другой части свойств между предметами), приемом выявления общего во множестве единичных предметов или во множестве их видов. Модельное выведение знания зиждется не на выведении его из реального предмета и не на выявлении общего, а на выведении столь общего и сложного знания из столь общих и сложных исходных смысловых элементарно-структурных образований, сколько есть и есть такого в реальности, отображающейся, познающейся этим знанием. И как наше тело, способности которого к проникновению вглубь тел и в щели между ихними элементами ограничены, не мешает взору погружаться в достигаемую им даль и глубь, так же и наше зрение своей ограниченностью не мешает проникновению мышления дальше и глубже; хотя и сегодня есть еще такие философы, которые обосновывают свои ошибочные утверждения о невозможности познать устройство атома или электрона только потому, что наше зрение туда не проникает.

Предсказание будущего должно основываться не только на предположении, что оно будет похоже на зафиксированное в опыте прошлое, происходившее в сходных условиях (одно это не позволяет делать предсказания в таких ситуациях условий, которые в прошлом опыте не встречались). Оно должно основываться на достоверном истинном знании, полученном выведением последствий развития именно данной ситуации условий, т. к. причины, су-

щность и устремленность всего сущего в этих условиях будут уже известны или могут быть получены выводением из начал. И хотя восприятийной чувственностью зафиксированного опыта в том, какое будет будущее, и нет, но уверенность в надежности предсказания его будет основываться не только на том, что есть опыт в том, какое есть то нынешнее, которого еще не было, но предсказывалось в прошлом, не только на том, что есть опыт в том, какое было в прошлом то, чего еще не было но предсказывалось в позапрошлом; но эта уверенность будет основываться и на опыте подтверждаемости в практике истинного знания, полученного истинным выводением из истинных начал, составляющих собой фундамент новой СНОЗ, которая как наиболее истинная может быть только одна, т. к. отображающая ею общественная и природная реальность одна и т. к. наиболее глубокое, подробное и в прочих отношениях наибольшее превосходство соответствия между одним и тем же предметом познания и знаниями о нем может быть только одно. И разнообразие философских систем и ими обслуживаемых идеологических лагерей будет преодолеваться разработкой и внедрением в жизнь новой СНОЗ, включающей в себя и объединяющей в себе гносеологию, философию и все фундаментально-объяснительные науки естествознания (физику, химию, биологию, физиологию, психологию и др.) и обладающей чрезвычайно важными и непревосходящимися эвристическими, объяснительными, прогностическими, идеологическими и пр. преимуществами. Эта новая СНОЗ проще, логически стройнее, понятнее, удобнее и интереснее, как и природа так проста, стройна и интересна, что оказывается способной самополучно, без вмешательства извне чего то сверхестественного образовывать и развивать из своих начал все, в том числе и человека и человеческое общество.

Практикой научных открытий подтверждается принцип, известный под названием «лезвие Оккама»: чем проще объяснение той или иной научной проблемы, тем вероятнее, что оно истинное. Природа представляется нам сложной или хитроумно и непонятно устроенной в значительной степени потому, что она непознана. По мере прогресса познания она становится все понятнее за счет уточнения понятий и увеличения степени их соответствия с реалиями, ими отображающимися. И если научная система понятий развиваясь становится все запутаннее и непонятнее, то это явный признак ее несовершенства и отклонений от наиболее прогрессивного пути развития.

«Быть может новая теория должна выдержать критерий простоты, то есть обнаружить большую простоту своих принципов в сравнении с предшествующей теорией, чтобы в конечном счете заслужить право считаться действительно новой теорией, продвигающей научное знание по пути к более глубокой истине». ¹⁾

«Природа проста, — писал И. Ньютон, — и не роскошествует излишними причинами вещей». ²⁾

Прав А. И. Уемов, защищающий мнение, что не простота теории является свидетельством ее истинности или ложности, а истинность ее является критерием простоты.

«Сложность теории, свидетельствующая против нее, состоит в наличии многих искусственных и произвольных допущений, никак не связанных с основными ее положениями и превращающими теорию в целом в вычурное и крайне громоздкое сооружение». ³⁾. Источник принципиальной (семантической) простоты теории в степени истинности ее смыслового содержания, что отстаивает и Л. Б. Баженов (см. там же, стр. 133). Система научного объяснительного знания (=СНОЗ), проще, если она способна, «исходя из сравнительно немногих оснований и не прибегая к произвольным допущениям (для этого случая), объяснить наивозможно широкий круг явлений». ⁴⁾.

III

Посредством нашей чувственности предметы даются нам и даются они лишь тем, и настолько, чем и насколько чувствительность нашего организма фиксирует в себе восприятийно чувствующеся иначе проявления этого предмета по отношению к себе. Определение же есть форма познания, в результате которой символ-структура функционально связывается со смысло-структурой, что позволяет субъекту перейти к обобществленным формам мышления. И если результаты восприятия чувственного познания предмета и предшествуют рассудочному определению понятия о нем, то все же в результате последнего создается оп-

1). Ю. Б. Румер, Н. Ф. Овчинников. «Пространство — время, энергия — импульс в структуре физической теории», Ж. «Вопросы филос.», № 4, 1968 г., стр. 86.

2). И. Ньютон. Математические начала натуральной философии. Известия Николаевской морской академии, вып. V. Петроград, 1916, с. 449.

3). Л. Б. Баженов. «Строение и функции естественнонаучной теории». М., 1978 г., стр. 128.

4). Там же.

ределенность смыслового содержания понятия, которое может или полностью соответствовать воспоминанию чувственного восприятия, или может быть ослаблено, уменьшено и даже искажено, или может быть дополнено, углублено и уточнено. После оседания в памяти некоторых отображений, приносящихся восприятиями и извлекающихся затем в представление в качестве антиощущений с границами-ничто, человек может априорно формировать совершенно новые смысловые структуры и соотносить их к соответствующим предметам и ждать заполнения антиощущений ощущениями или превращения антиощущений в ощущения в результате чувственных восприятий этих предметов. И если эти новые структуры смыслового содержания, хотя и сформированные в указанном смысле априорно, окажутся истинными, то в результате чувственного восприятия этого предмета субъект получит подтверждение ожидаемого и удостоверится в истинности соответствующих представлений. Априорное познание предмета не вообще невозможно, а невозможно оно до всякого чувственного восприятия. Перенос же знания, уже полученного в результате чувственного опыта, его преобразование и усовершенствование и изменение соотношений его к другим и иным предметам являются обычными и общеизвестными приемами познания. Появление, образование и развитие самого первого знания у каждого субъекта начинается чувственными восприятиями; затем оно может видоизменяться и развиваться при помощи рассудочных и разумных размышлений. Но знание о каком-либо конкретном предмете может образоваться и в обычном порядке: посредством рассудка или разума, если они уже развились у данного субъекта и если у этого субъекта уже есть необходимый для этого исходный опыт. А затем этот субъект обращается к чувственным восприятиям этого предмета. При априорном (в уточненном здесь смысле этого понятия: предшествие не всякому восприятию, а восприятию этого предмета) умозрительном познании предмета знание этого субъекта об этом предмете предшествует не самому предмету, а восприятиям этого предмета этим субъектом, если речь идет о познании уже реально существующего. А если речь идет об опредмечивании каких-то идей этим субъектом, то и при этом имеется предшествование идеям, опредмечивающейся в создающемся им, в как-то обрабатываемом этим субъектом предмете, в результате чего какая-то мера какого-то соответствия переносится от идеи на этот предмет. Но исходный реальный материал, который обрабатывается субъектом или из которого субъект производит новый предмет, и при этом предшествует той

идее нового предмета, которой субъект руководствуется в практике опредмечивания своей идеи. «Самое материю человек не создал. Даже те или иные производительные способности материи создаются человеком только при условии предварительного существования самой материи». ¹⁾ При познании же вещей апостериорно, эмпирическими формами, знание о них у этого субъекта следует за чувственными восприятиями их как запомненное отображение этих вещей и представляющееся умознанию извлеченной формой представления. И то, что в реальности имеется видимое и невидимое субъекту, доступное и недоступное его чувственным восприятиям, не дает основания для разрыва ее на два мира и для конструирования разных систем знания (например, созерцательного материализма и умозрительного идеализма), каждая из которых отдельно взятая будет ограниченной, не будет соответствовать реальности, в которой видимое и чувствующееся нами самополучно произрастает из невидимого и нечувствующегося. Такой разрыв препятствует созданию и совершенствованию новой единой и цельной СНОЗ и дает средство реакции для спекуляции в политико-идеологической борьбе.

Способность рассудка и разума у Канта есть способность давать правила и принципы соответственно. На самом же деле рассудок и разум в процессе познания должны не давать, а руководствоваться правилами и принципами, ведущими к истинному познанию. Конечно, до этого субъект должен выработать, познать, открыть эти правила и принципы своим же рассудком и разумом в результате предшествующей практики познавания и теории познания. В область же объективной реальности само мышление вторгаться (в прямом смысле) не может; оно формирует в себе идеи, которые могут быть либо ложными, либо истинными, и лишь практика субъекта, управляющаяся этими идеями, вторгается в область объективной реальности и оказывается способной вынести формы структур-ничто своих идей в объективную реальность и овеществить, определить их в ней. Лишь наличием соответствия смыслового содержания представлений, понятий, идей и познающих ими реальных предметов умознание познает реальную действительность, не отрываясь от и не выходя из своего организма и от своего мышления, и познанием как бы проникает в реальность тем, что смысловые элементы мыслятся такими и так, какие и как есть и существует отображающееся в них из всего

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., М., 1955 г., т. 2, стр. 51.

того, что есть в соотносимых к ним реальных элементах предмета познания. А это же протяженные нечто и границы-ничто различения их с иными нечто. И речь идет не только о возможности такого проникновения, когда открытие выявляется как логическое требование чего-то в предшествующем чувственностью данному опыте, чего-то еще не испытанного наблюдением, измерением и сопоставлением с известными фактами, но речь идет вообще и о возможности проникнуть, выйти мышлением за пределы области чувственным восприятиям доступного, и о возможности познания вообще всего того и такого в реальности, что и какое в ней есть познающееся вообще.

Возможность познания чувственным восприятиям недоступного, глубинного, тонкого и мелкого обусловлена наличием реальной связи между таковым и чувственным восприятиям доступным, т. к. проявление, форма структуры и свойства чувственно воспринимающегося есть лишь проявление как-то оструктуренных множеств элементов чувственно не воспринимающихся уровней сложности. Управляя ненаблюдаемым через наблюдаемые воздействия на ненаблюдаемое же на основе знания и вызывая наблюдаемые эффекты, мы тем самым можем углубить и уточнить познание ненаблюдаемого, проверить и подтвердить, удостоверить истинность знания о нем. И речь идет не только о том, что мышлением и его формами познания познается объективная реальность, но и о том, что мышлением же и его формами познания познается и субъективная реальность, и проявления ее психических феноменов (выведением ее развития из всей реальности), и само мышление, и его формы, и его логика как наука, раскрывающая такости его реальных познавательных усилий, ведущих к формированию смыслового содержания мысли, по возможности наиболее глубоко, подробно и истинно отображающего предмет познания, а не как что-то оторванное от органов мышления.

Понятие как форма познания выясняется и познается в результате получения его выводением из развития в реальности процесса отражения, как это на предварительном уровне уже и изложено в «Прологах...». Конечно, наша голова может мыслить и не зная логики познания, подобно тому, как мы не теряем способности к пищеварению от того, что не знаем анатомии и физиологии этого процесса, но знание логики необходимо, если мы желаем избежать ошибок в мышлении, как и знание пищеварения и его органов и всего организма необходимо, если мы желаем избежать заболеваний от ошибок в питании.

Задачу объяснения психических процессов Л. М. Веккер видит в том, чтобы объясняющимся фактам психологии найти общую закономерность, частным проявлением которой служат эти факты; а для объяснения он выделяет не реальные элементарно-структурные образования в организме, реализующие объясняющиеся функции, а основные эмпирические характеристики феноменов психического процесса, по которым психическое отличается от непсихического. И формы изоморфизма образа восприятия и представления он исследует в отрыве от их осуществляющих элементарно-структурных образований.¹⁾ В моей же работе (в основном в «Логих...») объяснение психического является логическими следствиями выведений элементарно-структурных образований и их поведений, реализующих собой феномены психического, из элементарно-структурных моделей низших уровней сложности, т. е. из исходных всеобщих начал бытия и наименьших элементов сущего реальности и далее из атомов, молекул, из клеток и так до образований, реализующих психическое. Применить такой метод объяснения психического психология нынешней СНОЗ не может, т. к. в ней остаются неизвестными элементы низших уровней сложности и, тем более, неизвестны исходные всеобщие начала бытия и элементы сущего реальности. Веккер признает, что объяснение психического выведением его из физических объектов есть материализм.

§ 6. Логика познания и знание о развитии предмета познания и его среды, выпротивоположение и пр.

Нынешняя формальная логика жестко связывает с элементами такой-то системы знаков твердое и неизменное исходное содержание смысловых элементов представлений и исчислением по столь же жестким и неизменным исходным правилам позволяет ускорить и облегчить выведение возможных из этого следствий за счет применения формализованных приемов и действий над знаками, посредством знаков — за счет освобождения человека от непрерывного мысленного умонаглядного прослеживания хода выведения смыслового содержания представлений. Но такое выведение в свою очередь обуславливает собой отвлечение и от смысла той среды, которая должна бы сопровождать собой смысловое содержание, посредством знаков вовлеченное в процесс выведения, которая не может не изменяться как от изменения окружающего ее содержания, так и от изменений, происходящих в

1). Л. М. Веккер. «Психические процессы», т. 1, стр. 18.

ней, и которая поэтому не может не вызывать собой отклонений, неучитывающихся в ходе вывода из-за этого отвлечения. Любое реальное образование сущего существует и развивается в результате перехода в действительное той, предшествующей этому переходу, возможности, которая оказалась наиболее преимущественно и потому единственно преобусловлена к переходу именно в такое последующее состояние. Ход вывода знания о развитии предмета также должен следовать за результатом взаимодействия изменяющегося, развивающегося содержания знания о предмете и изменяющегося содержания знания о составе и условиях окружающей его среды, должен следовать за результатом взаимодействия, игры, борьбы всего обусловленного и всего обуславливающего. И закон причинности должен быть и законом для мышления, переводящего исходно мыслящийся смысл к следствию лишь тогда, когда он (исходный смысл) обусловлен к этому всеми необходимыми и достаточными для этого смысловыми составом и причинами (исходными и новыми появившимися). Мышление же, отвлекающееся от умонаглядного выяснения и прослеживания всех тех изменений исходного смыслового содержания, которые неизбежно следуют из изначальных сущности, состава и взаиморасположения элементов этого исходного смыслового содержания как результат его саморазвития, не может привести умосознание в состояние убежденности. А формализованный аппарат, использующийся нынешней логикой, не схватывает всего того самого главного смысла и состава исходного смыслового содержания, который необходим и достаточен для полного, глубокого и истинного отображения соответствующего развития познающейся реальности в соответствующих условиях окружающей среды. Для переубеждения людей с целью вывода их из заблуждений и привлечения на сторону истиннейшей и наиболее прогрессивнейшей идеологии нужна и логика, приводящая их к убеждению в истинности и в превосходстве пропагандирующихся идей, нужна такая простая и для всех удобная и доступная логическая лопата, которой каждый мог бы самостоятельно отсеивать истинное от ошибочного и ложного — чтоб предков заблуждения не повторять и чтоб сбывались их надежды благотворные из вообще реализующихся.

Умосознание должно руководствоваться такой логикой, чтоб выяснить механизм и проследить процесс взаимоопричинивания и взаимообуславливания изменений смыслового содержания, отображающего собой обусловленное, и изменение смыслового со-

держания, отображающего собой обуславливающее. А Гегель, вместо этого, разрабатывал свою идеалистическую диалектику как обобщение истории мысли. Он создает систему понятий, фиктивно развертывающуюся из идеалистического моноса, применяя к каждому понятию, выборочно берущемуся из истории развития познания средствами традиционной логики, прием раздвоения, расщепления его на две противоположности: понятие в себе, переход понятия в свою противоположность — в видимость себя, т.е. самоперевоплощение понятия в чувственно созерцаемую материальность, и возвращение его в себя, чем, де, и достигается и заканчивается самопознание идеи. Этим он и получает возможность так объяснить реальную действительность: то, что вы видите, есть понятие в одной из фаз своего бытия, которое затем посредством вас и вашего восприятия, запоминания и отвлеченного мышления возвращается к себе самому и в лоно абсолютной идеи, чем и осуществляется его самопознание. Это и есть сущность его системы и диалектики.

Но история развития знания идет от менее к более подробному, глубокому и истинному отображению реальности и ее развития; следовательно и в унаследующейся людьми логике познания следует производить соответствующие изменения с целью приведения ее к пригодности для произведения мышлением людей новейшего и истиннейшего знания. И это может быть достигнуто не только в результате обобщения истории развития познания или истории развития самой логики, но и в результате вывода ее из истинного развития истинного знания, что соответствует тому принципу, что логика идей должна соответствовать логике вещей. Ведь все ныне рождающееся и развивающееся начинает делать это не в далеком историческом прошлом, а тогда, когда оно это начинает (курицу можно вырастить за несколько месяцев). История, предшествующая любому существу, в некоторой мере предопределяет обстоятельства, а все сущее зачинается, рождается и существует в свое время; нет никакого зачатия организма ребенка до и вне организмов родителей, хотя некоторые предобусловленности условий для этого и могут быть; но зачатие и развитие любого организма или предмета познания является непосредственным следствием текущего (ежемоментного) закономерного обуславливания обуславливающегося (организма или иного предмета познания) всем, его зачатие, существование и развитие обуславливающего. Для того, чтобы вырастить курицу, нам теперь не нужно столько времени, сколько это пот-

ребовалось для исторической эволюции, естественного и искусственного отбора при развитии неживого в живой организм нынешней курицы. И если мы познаем состав, строение и механизм развития зачаточного образования и развития из него зрелого организма или иного предмета познания, возможности и последствия дальнейшего его развития и все необходимые для этого условия, то это и будет то самое важное, к познанию чего и стремилось человечество всю свою историю. И процесс выведения знания из исходных его состояний должен во всем соответствовать процессу саморазвития познающихся реалий.

Изначальное содержание актуально мыслящегося смыслового содержания знания должно обуславливать собой логику мышления, так и таким мыслящего это знание; а изначальное такости процесса мышления (логика мышления) обуславливает собой содержание мыслящегося знания. И этот неизбежный круг в процессе мысленного познавания объясняется неразрывностью и взаимообусловленностью мышления, обуславливающего мыслящееся им знание, и знания, обуславливающегося мышлением и обуславливающего его собой. Логика не сама дает знание, а указывает путь мышлению к истинному знанию; она есть то знание, руководствуясь которым органы познания производят истинное знание; она есть знание о приемах познающего, о сути, возможностях и возможных формах того, чем мышление отображает, познает, и о путях истинного познания познающего; и как таковая она истинная, если указываемые ею пути познания ведут к истинным результатам. Знание не в логике, а в умосознании, в котором находится или и выявляется и формируется и закрепляется и знание логики. И производя изменения в знании о предмете, в соответствии с изменениями и развитием предмета, мышление, руководствующееся освоенной логикой, чаще затрудняется или противится производить изменения в этой логике из опасений лишиться ориентирующей опоры в своих усилиях, направленных на мыслимое, из опасений срубить сук, на котором устойчиво сидит, что и приводит быстро к исчерпанию эвристического потенциала этой логики. Логические правила должны вести мышление к производству истинного знания о предмете познания и поэтому они должны ориентировать мышление на такие усилия и действия, которые необходимы и достаточны для того, чтобы оно мыслило смысл таким и мыслило его так, каким было, есть или может быть познаваемое со своими проявлениями и изменениями. Если же за начало познания мысленным выводением взять

истинные смыслы и состав исходных понятий о всеобщих началах бытия и наипростейших элементов сущего и безошибочно выводить из них развитие из них получающегося смыслового содержания, то можно прийти к получению выводением и тех образований в познаваемой реальности, такости проявлений которых и есть логика мышления. Но т. к. мышление должно следить за ходом саморазвития смыслового содержания знания о предмете, выявляя результаты от взаимодействия, результаты игры или борьбы исходного знания о предмете и исходного знания о его окружении, то и в логике мышления необходимо различать особенности логики, направляющей мышление к прослеживанию саморазвития знания о предмете, и логики, направляющей мышление к прослеживанию изменений в знании об окружающем предмете познания, тенденции в которых противоположные. Здесь и таются истоки эвристически плодотворного приема выпротивоположения, да и других логических приемов оперирования с противоположными понятиями, которые мы знаем и многие из которых нам еще предстоит познавать и осваивать.

Таким образом, основоположения логики оказываются выводимыми из исходных понятий о началах бытия и простейших элементов сущего, что соответствует тому, что саморазвитие реальности приводит к появлению в ней логически мыслящих образований; но логика выводима и познается лишь в конце выведения, что соответствует тому, что логически мыслящих состояний реальность достигает лишь на высших уровнях своего саморазвития. «Логика, — писал В. И. Ленин, — есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира». ¹⁾ Поэтому исходные основоположения и принципы диалектико-материалистической логики познаются лишь в конечных результатах выведения знания о реальности из исходного знания о ее началах, хотя изложение их в «Прологах...» и предшествует этому. Что же касается частных правил и приемов выведения знания из исходного, то они должны и могут меняться по мере того и в соответствии с тем, как из исходных элементов знания выводятся новые, отображающие или умозрительно воспроизводящие собой новые свойства, новые проявления своих ре-

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 84.

альных прообразов. Обновление содержания знания обуславливает собой обновление и той логики, посредством которой мышление мыслит, умозрит, выводит и обновляет это знание. Необходимо запретить появление и нарастание несоответствия как между мыслящимся и мыслящим, так и между мыслящимся и отображающимся в мыслящемся. Вот в чем должна состоять суть закона запрета противоречивости, а не в том, чтобы запрещать мыслить вещь такой, чтобы в ней одновременно были присущи противоположности или еще что-то. Ведь даже по нынешним понятиям атом только и существует благодаря наличию положительно и отрицательно заряженных частиц. Если получение развития и его истинный ход необходимо требует единства, или борьбы, или единства и борьбы противоположностей, и если этот ход развития приводит к изменениям и к появлениям новых свойств развивающегося, то закон запрета противоречия и должен требовать соответствующего изменения правил мышления и выведения, чтобы недопустить несоответствия между ходом изменений знания и действительных или возможных изменений предмета познания. И очень вредны толкования логики и диалектики как противоречивостей и аллогизма и прагматизма. Нынешняя формальная логика потому и ограничена, потому и не схватывает, не отображает истинного развития предметов, что: во-первых, смыслы исходных понятий или бессодержательны, неясны; или ложные, или недостаточно истинные, или недостаточно полные; во-вторых, и правила выведения такие же; в-третьих, правила выведения не меняются в зависимости от выведенного изменения выводного смыслового содержания. «...Теория законов мышления, — писал Ф. Энгельс, — отнюдь не есть какая-то раз навсегда установленная, «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль. Сама форм. логика остается, начиная с Аристотеля и до наших дней, ареной ожесточенных споров».¹⁾

Псевдодиалектическая логика, под покровом диалектики проповедующая аллогизм, настаивает на том, чтобы мышление произволом своим творило псевдопротивоположности и там, где их нет, а силлогистическая (формальная) логика недопускает противоположностей и там, где они есть. Отсутствие изменений в логике выведения не может быть доказательством истинности выводного знания, т. к. даже истинные начала и истинные исходные правила выведения, если их сохранять неизменными, в конце-концов приведут к ошибочным результатам, т. к. даст о себе знать несоответствие нового содержания и старых правил выведения.

1). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367.

Из всего следует, что для дальнейшего развития эвристичности познания и истинности знания необходимо если не непрерывное и плавное, то хотя бы периодическое и ступенчатое обновление логики познания. А для этого нужно проводить выобобщение результатов познания и выявление направлений изменения логики. Логика не может и не должна изучаться и развиваться, как это было и есть, в отрыве от системы позитивного знания. Знание же предмета должно так истинно развиваться, чтобы своим развитием схватить, отобразить как развитие предмета познания, так и развитие окружающей его среды и условий, которые обуславливают ход, возможности, предел и особенности развития этого предмета познания, чтобы знание о будущем не основывалось только на том, что оно будет похоже на прошедшее или нынешнее, но чтобы включало в себя и все те изменения, которые будут привнесены тенденциями развития предмета и среды. Раскрытие глубинных тайн природы, тех ее начал, из которых человеческий разум мог бы производить такое предельно истинное и исчерпывающее знание, на которое вообще он способен в современном состоянии своего развития, удерживается робостью, воздержанием, отказом предпринять радикальное, глубокое и всеобщее переосмысливание еще в первом классе усвоенных начал и преобразование существенного знания о реальности и о познании. Современные ученые как правило ставят перед собой цель прежде всего отыскать и исследовать какое-нибудь частное открытие в сетке системы существующего знания, этим добиваясь и достигая благополучия своего, радикальное новаторство которому угрожает и часто препятствует. «Поэтому совсем не удивительно, — слова Ф. Бэкона, — что значительные и достойные человеческого рода открытия не извлечены на свет, если люди удовлетворяются и восхищаются такими малыми и детскими задачами и притом еще считают, что в них они добиваются или достигают чего-то великого». ¹⁾

«Никто еще не был столь тверд и крепок духом, чтобы предписать себе и осуществить совершенный отказ от обычных теорий и понятий и приложить затем заново к частностям очищенный и беспристрастный разум. А потому наш человеческий рассудок есть как бы месиво и хаос легковерия и случайности, а также детских представлений, которые мы первоначально почерпнули» (Ф. Бэкон, там же, стр. 59).

1). Ф. Бэкон. Соч., т. 2, стр. 53, М., 1972 г.

II

О выпротивоположении как приеме мышления и о прочем

«Эволюция языка науки представляет собой очень характерную и весьма важную часть эволюции самой науки. Как в любом процессе, язык поначалу отстает от движения науки, но накапливающиеся трудности и парадоксы приводят к тому, что несовершенство языка превращает его из одной из движущих сил науки в ее тормоз. Острота противоречия нарастает, и в конце концов рождается новый язык». ¹⁾

Поняв сущность и роль символ-структур и смысло-структур в познании, что раскрыто в предшествующих частях «Прологов...», мы можем теперь лучше уяснить и выпротивоположение как эвристический прием мышления, руководствующегося логикой, ведущей к прогрессу познания и истинности его результатов, применению и проявлению которого в дальнейшем откроется широкое поле. Так как символ-структура связывает с собой в понятии смысло-структуру понятия, т. к. и если с каждым обобществленным элементом символ-структуры обобщественно связан некоторый тоже обобществленный элемент смысловой структуры, то если некоторый фрагмент символ-структуры (суждение, определение, более сложная часть текста), обращающийся между нами в процессе языкового общения, сохраняет при этом некоторое состояние строя взаимной структуры своих элементарных символов (знаков, слов, словосочетаний и пр.), то этим он сохраняет и состояние того строя структуры смысловых элементов, который вызывается этим фрагментом символ-структуры из памяти каждого субъекта в его представление. Но так как мы хотим истинно отобразить сущность реальности, которая вся кишит единством, взаимодействиями и противодействиями различных противоположных и тождественно-противоположных по своей сущности и по структуре элементов и образований, то необходимо формировать, соответственно, различные, противоположные и тождественно-противоположные смысловые элементы и структуры смысловых содержаний знания и рассматривать их взаимодействия, взаимозаменения, игру, развитие и пр.

Допустим, что мы имеем грамматически и логически правильно составленный сложный фрагмент выобобществленной символ-

1). Я. А. Смородинский. «Развитие основных понятий в физике XX в.», ж. «Вопросы философии» № 5, 1977 г., стр. 77.

структуры, с которой связана у нас соответствующая структура смыслопредставления и которая, сохраняя свою неизменность и неизменность связей своих элементов с соответствующими смысловыми элементами в ходе обращения среди нас и в результате правильно осмысленного восприятия каждым из нас этого фрагмента символ-структуры, сохраняет характер хода и результата формирования в наших представлениях всей связанной с ней сложной смыслоструктуры. Теперь предположим, что у нас появилась необходимость оказать помощь какому-то человеку в формировании им тождественно-противоположного фрагмента знания по сравнению с фрагментом знания, связанным с охарактеризованным в этом нашем допущении фрагментом символ-структуры. В таком случае нам будет достаточно составить, придумать такие новые смысловые элементы знания или выбрать их из имеющегося знания, которые по своим свойствам, по проявлениям во вне были бы прямо противоположными по сравнению с соответствующими элементами знания уже зафиксированного языковым фрагментом, данным в послышке; затем эти новые элементы знания следует связать с новыми элементами или фрагментами символ-структуры (с новыми названиями, знаками, словами, словосочетаниями и т. п.). А затем из так полученных новых символ-элементов, связанных с противоположными по содержанию смыслами, составить новый языковый фрагмент, в котором структура объединения этих новых символ-элементов является тождественной с данной в послышке. И если человек до этого усвоил все элементарные понятия попарно противоположные в своих смыслах, то при осмысленном восприятии (прочтении или прослушивании) таких двух сложных символ-структур, тождественных по символ-логической форме, мышление этого человека будет формировать в себе два сложных смысло-представления с тождественно-противоположными между собой смысловыми содержаниями: противоположность свойств выделенных для выпротивоположения смысловых элементов знания и тождественность той структуры, в которой они объединяются в сложном фрагменте знания, данного в послышке, и в сложном фрагменте знания, произведенного выпротивоположением. Например, смысловое содержание понятия частицы и понятия античастицы, которое на предварительном уровне раскрыто во второй части «Прологов...» (§ 3).

Смыслологика новой СНОЗ дает истинные результаты тогда, когда неправильные противоречия не только запрещаются, но также и выявляются и исключаются из имеющегося или производящегося знания, и когда правильные противоречия не только допускаются, но и требуются в ходе мышления, а также выявляются,

производятся и включаются в знание, организованное в истинные модели.

Традиционная формальная логика, правомерно запрещая противоречивость в мышлении, неправомочно запрещает вместе с этим и мыслить истинное противоречие и непротиворечиво вывести из него существование и развитие сущего, т. к. она не выяснила сущности этих противоречий и различия между ними из-за своей недоразвитости, обусловленной монистическим началом, монистической логической формой и прочими причинами, основные из которых отчасти уже вскрыты.

Закон единства и борьбы противоположностей оказывается настолько всеобщим, что он является не только законом развития реальности, но и логическим законом истинного развития истинного знания о ней. Необходимо, чтобы мышление мыслило истинное знание не только об одной существенной противоположности, но и истинное знание о другой существенной противоположности сущего, и вообще все знание о всем том, что необходимо и достаточно для такого существования и развития всего сущего, какое в реальности есть (и было, и будет). Но мыслить отображение предмета и познавать предмет — это не одно и то же. Поэтому необходимо еще чтобы мышление выводило развитие знания так же, как происходит и развивается и познающееся в реальности, т. е. чтобы мышление выводило последующее имплицитное знание как результат таких логических обработок и умозрительных рассматриваний (взаимодействий, противодействий, соединений и разъединений, единства и борьбы, тождественностей и противоположностей) всяких таких смысловых содержаний, исходных и появляющихся в ходе выведения и присоединяющихся к выведению, которые необходимы и достаточны для истинного отображения познаваемого. Логический метод должен обосновываться знанием истинной формы внутреннего самодвижения и саморазвития истинного содержания знания, которое внутри себя и в своем истинном движении и развитии должно содержать и метод, свою истиннистскую диалектику. После суждения Гегеля: «Лишь на этом конструирующем самого себя пути философия... способна быть объективной, доказательной наукой», В. И. Ленин писал: « («Сам себя конструирующий путь» = путь (тут гвоздь, по-моему) действительного познания, познавания, движения от незнания к знанию) ». ¹⁾

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 80.

Выводимое не должно противоречить сущности исходного, а должно следовать из сущности, состава и взаиморасположения исходного. Конечно, кто не заботится об истинности знания, добываемого логикой мышления, тот может утверждать, как это делают позитивисты, что все логически возможные и логически непротиворечивые исчисления более реальны, чем все реальное. А таких возможностей не счесть: изобретай любые исходные понятия и какие попало правила вывода и занимайся исчислением; ведь только к наиболее истинному путь один, а ложных путей множество. Да и в логических теориях ныне всячески защищаются такие возможности. Защищают и право на такой отрыв одного от другого, какого в реальности нет, и право на отвлечение от смыслового содержания понятия и пр. Под покровом истинности проповедуют ложь. Но спрашивается, можно ли мыслить понятие А, смысл которого не есть какая-то противоположность какого-то антиощущения, как-то обособливающегося от протяженности того антиощущения, которая составляет собой смысловое содержание понятия не-А? Например: можно ли мыслить зеленое пятно с какой-то формы своей границы-ничто не в окружении незеленого или не такого зеленого? Невозможно, если речь идет о мышлении этих понятий, а не только о восприятии или представлении их обозначающих знаков. В этом отношении принцип познания должен быть таким, чтобы смысловое содержание знания обуславливалось логическими приемами и формами мышления и, наоборот, логика — содержанием, но то и другое и их взаимообусловленность, кроме того и главным образом, должны подчиняться цели достижения предельных полноты, глубины, истинности и существенности. И В. И. Ленин выписал и подчеркнул как особо важное суждение Гегеля: «Развитие»... «должно определяться природой вещей и самого содержания», а в другом месте он пишет: «...логика и теория познания должна быть выведена из «развития всей жизни природы и духа»)¹.

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 93 и 80.

Г Л А В А 2

РАЗЛИЧНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ ПОЗНАВАЕМОСТИ ОБЪЕКТИВНОГО, НЕОЩУЩАЮЩЕГОСЯ, ВСЕОБЩИХ ИСХОДНЫХ НАЧАЛ БЫТИЯ И СУЩЕГО И ПР.

§ 1. Еще о познаваемости исходных всеобщих начал бытия и простейших наименьших элементов сущего

I

Итак, сама познающаяся нами реальность обуславливает поиск, выработку, познание и овладение такой логики нашего мышления, которая ведет его к истинным результатам познания, если оно стремится к истинному знанию. А жизнь принуждает стремиться к этому, т. к. предобуславливает успех больше тем, кто руководствуется наиболее всесторонне и глубоко истинным знанием.

Каждое растение строит себя из элементов среды. А любой и каждый из этих элементов не может не иметь протяженности его составляющей (наполняющей, образующей, реализующей) материи и формы идеальной границы-ничто в местах соприкосновения его с хоть чем-то отличающимся от него. Конечно, в процессе жизнедеятельности каждое растение выделяет из себя различные элементы; но они есть не что иное как образования из исходных начал и простейших элементов среды или такие же, как есть и в окружающей среде, или иные, образовавшиеся в теле растения. И погибая растение как и всякое сущее разлагается на различные элементы и этим дополняет условия и дает материал для образования новых целостностей со своеобразной структурой и элементами; но это есть следствие исчерпания возможностей для дальнейшего развертывания (роста и развития) в данной среде того изначального элементно-структурного зародыша (семени), который до этого оказался в состоянии избирательно включать соответствующие элементы окружающей среды в соответствующий круговоротный процесс обмена, произведший прорастание, развитие и гибель этого растения. Это следствие того, что элементно-структурное содержание развивающегося пришло в противоречие, в несоответствие с взрастившей его средой. Возможность познать это растение глубже, полнее и точнее означает возможность глубже, полнее, подробнее и точнее познать структуру, элементный состав и свойства тех исходных условий, образований и элементов, из которых начинается развитие этого растения, познать сам «механизм» развития, его обменные процессы со средой и ход

развертывания структуры этого растения в ходе разрастания и развития, вплоть до выявления причин исчерпания возможностей дальнейшего развития, познать возможности управления этим развитием и получения желательных результатов из возможных. И это относится к вопросу познания не только растений, но и всякой реальной системы (любого образования из вещества) любого уровня сложности. Этим путем мы и идем: от предварительного знания начал реальности и наименьших элементов сущего к познанию (выведением из них) знания и форм познавания, к познанию того, чем и как отображается, познается предмет познания в знании, и теперь идем к более глубокому и точному познанию исходных начал реальности, чтоб затем перейти к повторному выведению знания обо всем нас интересующем из уточненного и более глубоко развитого знания о началах бытия и элементов сущего.

Да и в ходе всей истории познания давала о себе знать присущая человеческому познанию предрасположенность к тому, чтобы всякое знание исходило от какого-нибудь безусловно достоверного начала, фундамента, основания. Всякое понимание достигается постижением обуславливающего принимающегося к пониманию обусловленного. В противном случае оно неустойчивое, ненадежное; мысль не успокаивается до тех пор, пока не удостоверится, что это знание основывается на таком-то исходном положении, которое в силу каких-то своих особенностей или иных причин дает мышлению опору, исходное согласие, уверенность, убежденность в достаточной или в незыблемой достоверности исходных положений. За начало брали (и берут еще) то понятие бога (без определения его смысла и без доказательств истинности этого смысла, как верх верхов, но всегда как такое все умопостигаемое и умонепостигаемое, из которого и в которое умосознание может получить и отослать все то, чего оно не в состоянии мышлением произвести, корректно вывести и понять), то понятие абсолютной идеи, то понятие Я, то понятие материя.

По современному и нехалтурно образованный человек, доверяющий своему разуму, без лицемерия и фальши, с убежденностью, что он не обманывается, не примет понятие «Бог» или понятие «Идея» за начало системы научного объяснительного знания, если смыслы этих (или других, или этих и других) исходных понятий не раскрываются, не определяются и истинность их не доказывается. А без познания состава и смысла начал реальной

действительности нет возможности смыслологически закономерно, убедительно и истинно (и тем более исчерпывающе) познать, вывести и объяснить развитие всего сущего в ней.

В таких началах мышление не находило и не находит убедительной опоры, наводящей на истинность, потому, что каждое из них было или бессмысленное, или неясное, или ложное, или ошибочное, или — когда, например, стали брать за начало одну материю и только — недостаточное и неразвитое творное.

А почему же не взять за начало знание именно то, с чего существование, образование и развитие всякой реальности на самом деле и начинается, да с чего и родившийся на свет ребенок начинает познание мира? Ведь первое, что чувственно замечает и различает ребенок, так это протяженные ощущения, с границами-ничто в местах различения их от иного. Лишь потому, что этого до сих пор еще несомненно истинно не познали? Но если этого окончательно и несомненно истинно еще не познали, то из этого не следует невозможность такого познания начал, т. к. причин для этого было и все еще есть очень много: не туда смотрели, не там и не так искали, не такой логикой пользовались, не созрело для этого познание и знание и пр. Почему-то, например, многие философы указывают на чрезмерно и неверно социологизированную практику, или на историю развития понятий, или на общество и пр. как на то, где только и следует искать исходные начала познания любой вещи, и всячески отговаривают от новых поисков, тогда как ясно, что каждая реальность, отображаемая этими понятиями (бог, идея, материя, история социума и пр.), не может быть началом, а есть следственные образования из исходных начал. Разве не необходимы индивиды для образования видов и родов? Разве не из первых образуются последние? А разве для существования эмерджентных свойств не необходимо, чтобы были элементы, образующие их носителей? Разве от упразднения индивидов не исчезает и вид? Или разве от разъединения в элементе всего того как-то объединившегося материального нечто, из которого он состоит, не прекратится ему свойственное существование этого элемента? Разве множество (количество) элементов может существовать без составляющих его элементов? Разве возможно какое-нибудь воздействие на элемент множества, если не через воздействие на него одного или нескольких других элементов этого же или иного множества? Не потому ли отвлекают от простейших элементов, что кому-то выгодно направить ищущую света мысль по лож-

ному пути? Не потому ли, что всякий, делающий худые дела, ненавидит свет, не идет к свету и другим закрывает путь к нему, чтобы не обличились дела его, потому, что они злоторные?

Читатель может сказать: вопрос то весь о том, есть ли такие начала в реальности на самом деле? Возможно ли и как их безошибочно познать и описать, определить?! Ведь они должны затем стать началами всех наук. И малейшая неточность в описании и определении их смысла неизбежно повлечет за собой нарастающую груду заблуждений и ошибочных результатов?! Возможно ли уму проникнуть в тьму начал исходных? Особенно часто встречающиеся возражения поискам истинных смыслов и состава исходных понятий о всеобщих началах бытия и простейших элементов сущего как начал, как фундамента для новой СНОЗ обосновываются положением о бесконечности, де, деления материи вглубь и выводящимися из этого отсутствию и непознаваемости, де, таких начал в глубине мироздания.

Риккерт, например, утверждает, что т. к. действительность как вширь, так и вглубь неисчерпаема, то понятие никогда не может быть копией или отражением предмета и что в любом понятии воспроизводятся только некоторые стороны или свойства предмета, отобранные и абстрагированные из реальности не так, как и каким он есть в ней, а в соответствии с точкой зрения, которой руководствуется наука или ученый. То есть получается такое объяснение: истинно познать предметы невозможно, а познают их все как и какими хотят; поэтому и нечего докапываться до истинного, а мыслите так, как вам выгодно, куда ведет вас ваш интерес, даже если он и вредотворный; ведь все равно истинные и истинно человеческие интересы познать мы не можем. И вместо того, чтобы развивать недоразвитую теорию познания и доводить развитие познавательных способностей человека до предела, развивают всяческие псевдообоснования невозможности истинного познания в том числе и псевдообоснование неисчерпаемостью реальной действительности вглубь. Другие при этом акцентируют внимание на неисчерпаемости или бесконечности процесса познания, когда, де, всякий вопрос вновь и вновь проблемизируется, разрешаясь. Третьи говорят, что истина состоит единственно только в поиске истины (К. Коген) подобно тому, что цель жизни состоит только в движении к цели (т. е. не в цели, а только в движении к ней), или подобно известному лозунгу: движение—все, конечная цель—ничто. Иногда такие псевдообоснования исходят, правда, и от людей, впадающих в заблуждение под влиянием стремления избежать его.

В шагах выведения наш разум соглашается принять новую идею, если он достаточно уяснил, что она с необходимостью следует из чего-то другого, достоверного и достаточного для обуславливания этого следования. Если возникает сомнение относительно достоверности этого другого, то он ищет чего-то третьего, из чего должно с необходимостью следовать другое и так далее. Бесконечен ли этот ряд или где-нибудь да существует последний член? В противном случае, выражаясь словами Прокла, «не получится никакого (научного) знания никакой вещи, так как нет знания ничего бесконечного, а раз нет знания причин, то нет и знания следствий этих причин. Поэтому если необходимо, чтобы сущее имело причину, и если причины и вызванное причиной различны и нет восхождения (причин) до бесконечности, то существует первая причина сущего, от которой, как из корня, эманурует каждая вещь. Одни вещи близки к ней, другие—дальше».¹⁾ «Ясно во всяком случае, что имеется некоторое начало и что причины существующего не беспредельны... Так что если нет ничего первого и изначального, то вообще ничему нет никакой причины».²⁾ «Ведь невозможно знать, пока не доходят до неделимого»³⁾; а из того, что мы будто бы (как нам кажется) можем делить нечто до бесконечности, вовсе не следует, что и на самом деле всякое сущее нечто, какое бы малое оно ни было, может делиться вглубь до бесконечности—ведь этот процесс деления вглубь может привести до таких результатов, которые уже далее не имеют того, чем и что они могли бы отделить от себя, сами не перестав от этого существовать. Почему утверждают, что возможность деления любого реального образования на части вглубь бесконечна? Может кто уже на практике, экспериментально доказал, что это так? Апория Зенона о невозможности обогнать черепаху потому и противоречит действительности, что она построена на ошибочном предположении о бесконечной делимости протяженности того, что имеется между черепахой и ее обгоняющим. Из того, что наше мышление, как нам кажется, может бесконечно повторять акты мысленного деления какого-то изначально взятого смысла, вовсе не следует, что и то, для отображения чего предназначен этот смысл, может делиться бесконечно вглубь, никогда и ни при каких условиях не исчерпывая того, что, чем и почему оно и далее делится. Да и любая протяженность любого антиощущения не может не кончиться (не может не перестать антиощущаться и не потеряться, не

1). «Антология мировой философии», М., 1969, т. 1, стр. 556.

2). Аристотель. Соч. в 4-х томах, т. 1, М., 1976 г., стр. 95.

3). Аристотель. Там же, стр. 97.

пропасть) от достаточного для этого количества шагов ее деления, ее уменьшения, после чего мышление сможет продолжать разве только пустые (холостые) акты (действия) деления, не имея для этого никакого смыслового антиощущения (если, конечно, не будет допускаться при этом логическая ошибка тем, что исходную протяженность исходного антиощущения будут или подменять другим или продлевать, растягивать, как Марков растягивает фридмон во Вселенную, а ее сжимает в нуль).

Вопрос лишь в том, можно ли познать те начала, которые в этом ряде, уходящем в глубь и внутрь всего и всякого сущего, положили бы конец нашим вопросам: почему, как и из чего возникает и существует это (или эти) исходные и всеобщие начала бытия и наипростейшие элементы сущего, которые затем обуславливают и вызывают необходимое следование всего существующего, умозрительное прослеживание чего и давало бы исчерпывающие и убедительные ответы на все нас интересующие вопросы?!

Из такого предположения, что от бесконечного количества актов деления всего того нечего, из которого состоит, например, такой предмет познания как то, что мы называем атомом, бесконечно будут получаться такие части этого нечего, которые будут в состоянии делиться и дальше на части вглубь, следует, что в глубине реальности нет и быть не может ничего такого, изначального и всеобщего, из чего все состояло бы, развивалось бы и пр. А из этого в свою очередь следует невозможность ничему образоваться и существовать, невозможность ничего окончательно познать; да и никакое познающее не могло бы образоваться. А поэтому я исхожу из противоположного положения как единственно достоверного, согласно которому в результате процесса деления любого материально-идеального элемента или системы на части вглубь должно быть что-то то конечное, из чего все образуется, состоит, существует, развивается и обуславливается и во что все сущее разлагается.

Если бы реальная действительность не имела предела делимости своих элементов на их составляющие, если бы на самом деле было так, что «Бесконечная вселенная состоит из какой-то бесконечной совокупности иерархий материальных образований»¹⁾, то наша мысль никогда не могла бы удовлетворенно остановиться в своем стремлении познать опричиненное и обуслов-

1). А. В. Шугайлин. «Диалектическая логика и современная физика». Изд. Киевского ун-та, 1966 г., стр. 56.

ленное через познание его опричинивающих и обуславливающих начал. Ряд переходов мышления от одного уровня сложности к другому был бы бесконечен и истинно постичь глубинные основания бытия и сущего было бы невозможно. Если же этот ряд переходов от сложного к его составляющему где-либо обрывается, то должно существовать что-то конечное, в иерархической цепи уровней сложности исходное и фундаментальное для всего более сложного, опираясь на истинное познание которого мы и должны выводить все наше знание о всем более сложном так и настолько обстоятельно, подробно и истинно, как и насколько мы вообще можем и сможем это делать, обучаясь и совершенствуясь.

Ведь вся реальная действительность из чего-то, из каких-то глубинных, донных начал состоит же? Не может же она быть такой, какой мы ее видим и мыслим, и в то же время быть не из чего?! А раз она из чего-то состоит, то зачем же заранее предрекать непознаваемость того всеобщего изначального, из чего она состоит (и из чего все в ней начинается, опричинивается, развивается, обуславливается и во что все разлагается)? Эти предрекания могут делать только ради сохранения и защиты политиками заидеологизированной идеи о непознаваемости мира. Истинисты, благопрогрессисты исходят из положения о познаваемости мира. А если так, то зачем же познаваемость этих начал откладывать в бесконечное будущее? Разве чтоб хоть какой-нибудь агностицизм да сохранить?! Атом бесконечен! Электрон бесконечен! Познаваемость бесконечна!—все, что можно, делают якобы бесконечным, чтоб утопить и попятать концы, т. к. боятся концов, ибо если концы найдены (познаны), то идя от них и с помощью их (по ниточке следствий) можно распутать всю запутанность клубка идей нынешней СНОЗ. А этого нехотят те, кто ловит рыбку в мутной воде. Проповедь бесконечности познания с отрицанием возможности достижения окончательной познанности вещества вглубь — это современная форма проповеди замаскированного (половинчатого, трусливого) агностицизма: если уж в наше время невозможно кого-либо убедить в том, что мир непознаваем, то давайте замаскированно будем убеждать хоть в том, что он познаваем, но никогда не будет познан (в том числе и особенно до конца и окончательно вглубь). «Познание никогда не может быть полным и завершенным. Каждый его этап все более приближает мысль к реальности и никакого финиша в этом процессе нет и быть не может, поскольку материя бесконечна в ее проявлениях»¹⁾, — вот пример современной формы агностицизма.

1). А. Н. Нысанбаев. «О научном предвидении и религиозных пророчествах», Алма-Ата, 1977 г., стр. 50.

Зыбкость доказательств о бесконечности делимости материи вглубь пытаются подкрепить ленинским авторитетом, цепляясь за его суждение о том, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна»¹⁾. Но Ленин здесь говорит, во-первых, о том, что то, что называли в его время электроном (и называют и нынче), не есть наипростейший элемент, а также сложный и состоящий из каких-то элементов, как и атом; во-вторых, о том, что природа бесконечна, но в каком смысле она бесконечна (вширь? или вглубь? или еще как-то?) он ведь не сказал?! Ведь неисчерпаемость можно трактовать и так, что если от атома какое-то нечто и отделится, то он всеравно включит такое же или немного иное, но другое, нечто из окружающей или пропитывающей его среды. И так далее, сколько бы он не отделял от себя. И тогда из так истолкованной неисчерпаемости не следует бесконечность делимости атома вглубь и слова В. И. Ленина сохраняют свою истинность. Да и то, что он сказал, он говорил с целью доказательства того, что при продвижении вглубь реального образования делением его на части исчезает не материя, а прежнее понятие о ней, — он говорил с целью отстаивания материализма как такой доктрины, верховным принципом которой является соответствие с действительностью, познание мира таким, каков он есть, а не с целью доказательства отсутствия в природе такой предельно простой и всеобщей сущности, из которой все строит себя и в которую все разлагается. Из ленинского рассуждения, что исчезает не материя, а предел наших знаний о ней, следует, во-первых, что материя не исчезает; значит при делении ее на части невозможно прийти к нулевому результату, и следовательно, что-то должно остаться как далее не делящееся; во-вторых, следует, что для достижения более точного соответствия наших знаний с познающимся простейшим элементом реальности необходимо изменять имеющееся знание по мере перехода от познания такого-то сложного образования к познанию тех частей и элементов, из которых складывается это сложное образование, — в соответствии с тем, как и в онтологическом плане свойства сложного образования исчезают от распада его на части и элементы. Да и сам Ленин писал, конспектируя учение Гегеля о сущности: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С дру-

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 277.

гой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции»¹⁾).

Спрашивается, можно ли прийти к познанию глубинных причины и сущности сущего, настаивая и всячески обосновывая бесконечность пути в том направлении, в котором признание конечности является необходимым, если мы не хотим соглашаться с выводом, что в мире есть только нуль, и ничего больше в нем нет, что нет в нем в том числе и нас. Отрицающие простейшие элементы подобны тем ленивым и неумным людям, которые, как говорил Ф. Бэкон, плывя на корабле и «видя перед собой только море и небо, считают, что впереди вообще нет никакой земли». Можно ли прийти к истинному, если простое еще до познания его усложняют или упраздняют введением бесконечности его деления, а сложное упрощают? Всякому делу, а науке в особенности, причиняется вред не только тогда, когда упрощают сложное, но и тогда, когда усложняют простое! И обращаться к Ленину, высшей целью жизни и деятельности которого была борьба за правду и социальную справедливость, в поисках средств для сокрытия истины и путей к ней — это кощунство.

Иммануил Кант гораздо благоразумнее в своем суждении о правомерности разума допускать чисто умопостигаемое: «Разум не имеет никаких оснований допускать в качестве мнения существование чисто умопостигаемых существ или чисто умопостигаемых свойств вещей чувственно воспринимаемого мира, хотя он не может также на основании какого-то якобы более глубокого понимания догматически отрицать их (т. к. у нас нет никаких понятий ни об их возможности ни об их невозможности)»²⁾.

Ранее из непостижимости того, как материя может мыслить, утверждали, что она не мыслит, и поэтому заключали, что бог не мог дать материи способность мышления и этим самым попадали в противоречие со своими же суждениями о боге, как это раскрывал Д. Локк, т. к. всемогущество бога ограничивали до размеров наших способностей. А теперь из незнания всеобщих начал бытия и простейшего первосущего заключают, что реальная действительность и не имеет такого начала, общего всему в ней сущему, и познавать мы его не должны (как будто из незнания того, чем и как осуществляется притяжение Земли к Солнцу, следует, что этого

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 142—143.

2). И. Кант. Соч., М., 1964 г., т. 3, стр. 639.

притяжения нет), и этим самым ограничивают размеры человеческих способностей к познанию размерами своих способностей или позволений. Незнание о наличии и о природе какой-нибудь вещи не доказывает, что этой вещи не существует. Но если у Канта не было оснований ни допускать, ни отрицать те умопостижаемые начала и сущности, из которых выводится и объясняется все чувствам доступное, то это не значит, что неопровержимые основания этому никогда не могут появиться. Зачем же наперед всем заказывать, что движущаяся материя вглубь бесконечна, и воздвигать сомнительные, но жесткие методологические запреты поискам соответствующих начал природы? Разве только для нагромождения препятствий на пути прогрессивного развития научного познания? для обуздания порывов разума к истине под прикрытием оберегания его от заблуждений? В тайны мира вникать налагаете запреты? Лжеобоснование для агностицизма желаете сохранить и защитить? А обоснуют защиту этого примерно так: раз мы, несмотря на тысячелетние усилия, всеобщих исходных глубинных начал еще не poznali, то и никогда их не узнаем; или так: раз глубинное (микромир) не познается чувственными восприятиями, то оно и вообще не познается; или так: по себе знаю, что познать этого невозможно. Утверждение о том, что движущаяся материя бесконечна вглубь, голословное, или основанное лишь на том, что все до сих пор познававшиеся объекты оказывались делимыми; а многие защищают эту идею как методологический принцип, несмотря на то, что она препятствует развитию научного познания в более эвристическую систему.

Разве не видна лживость хитроумной уловки, заключающейся в том, что отрицают возможность познать глубинные начала, а сами прикидываются уже скончательно познавшими эти начала, т. е. утверждают, что они бесконечно делаясь уходят в бесконечность?! Разве разум не может добиваться успеха в уяснении того, что находится за пределами чувствам доступного, опираясь на более глубокое и точное познание чувственности доступного, опираясь, например, на познание сущности того, чем человек отображает, познает предметы познания, и онтологической и гносеологической роли материального и идеального, опираясь на уяснение необходимости всякому существу быть дискретным и обособленным от иного? иметь протяженность, отображающуюся протяженностью ощущения и антиощущения, и идеальную границу-ничто, фиксирующей форму ею прерывающегося и ограничивающегося? Разве разум здравомыслящего человека, ищущего

шего истинного знания, может отрицать само собой разумеющуюся и безусловную необходимость в существовании некоторой сущности — не высшей мистифицированной и обожествленной сущности, а наименее, — из которой образуется и благодаря которой существует все существующее, в том числе и этот человек и разум этого человека и все высшее? Разве разум не может доказать положения о том, что и то чувствами не воспринимающееся наипростейшее, из чего все строит себя и во что все разлагается, имеет то, что оно имеет, и имеет его таким, каким оно его имеет, т. е. имеет нечто, и имеет ничто, т. е. то, чем заканчивается это нечто и начинается иное или другое? Да наоборот, разум не может чем-нибудь успешно возразить здесь и не принять этого! А почему бы разуму не дерзнуть так мыслящееся нечто и ничто простейшего элемента наделить затем такими истинными свойствами, которые оказались бы необходимыми и достаточными, чтобы вывести из них истинное знание о возможных сложных образованиях и прийти в ходе выведения к таким результатам, кое-что или все в которых проверялось бы и подтверждалось бы в восприятиях чувствам доступного? Конечно, если из положенного в основу ложного начала с неизбежностью вытекают нелепости и явные противоречивости, то это будет убедительным доказательством ложности этого начала. Но если нам удастся корректно выводить знание такое, каким есть и существует его реальный прообраз, то это и будет означать, что и начала, и логика выведения верны. Тогда мы избавимся от отсутствия опоры, обуславливающегося признанием бесконечности вглубь; наш разум станет на твердую почву незыблемых оснований и истинных начал за пределами чувствам доступного, и мы получим опору, ориентир и источник дальнейшего развития науки; подобно тому, как атомистические учения древнеиндийских и древнегреческих философов в свое время оказали прогрессивное влияние; мы получим возможность обуздать то в свободе творческого произвола, что вводит нас в заблуждения.

II

Если для проведения достоверного, непротиворечивого и лишającego всякого сомнения обоснования, выведения и объяснения положения о том, что вся и всякая реальность состоит из различных реальных элементов, которые под влиянием имманентных свойств и качеств структурно перестраиваются и объединяются и этим порождают другие, различные и новые качественные обра-

Зования и их количества, включая порождение познающих этот мир людей с их субъективной реальностью, и если для уяснения сущности и выведения характера развития реальности оказываются необходимыми и достаточными те исходные начала, из которых все это проведено в данной работе, то возможны ли еще какие-то исходные положения и нужны ли они? Они нужны были бы, если бы с их помощью мы еще точнее, глубже и полнее могли познавать мир; и поиски таковых и с такой целью следует приветствовать. Но возможны ли они иные или еще какие-то дополнительные, чтоб не засоряли и не затемняли освещающее мир знание, а чтоб несли более яркий свет истины высшего порядка? И если да, то какие они? какое новое знание и как они дадут? Так как мы шли верным путем и с верными средствами, то и сущность форм мышления и производимого ими знания нам удалось вывести и уяснить из тех исходных понятий, содержание которых отражает собой исходные начала реальности, соответственно тому, как и в реальном мире природа творит все свое многообразие из каких-то исходных начал. Ведь не из нуля же, не из одного ничто природа строит все то, что она строит?! Иначе следовало бы умозаключить, что при погружении вглубь материя на некотором уровне своего строения распадается или разлагается до нуля и, таким образом, исчезает, превращается в идеальное ничто без материального нечто, что ведет к парадоксам, непреодолимым в рамках монистического материализма. Рассматривая вопрос о делимости материи, выпускают из виду саму делимость как противоположность делимого: ведь берут за исходное начало одну материю и, объясняя выведением из нее одной живые системы, человека и общество, в конце концов вынуждены признавать невозможность обойтись одной материей, вынуждены или брать изначально несколько разных материй, или вводить идеалистическую идеальность, или софистически выкручиваться при помощи отождествления идеальности со свойством материи и отрыва свойства от того, чему оно свойственно, дабы как-то объяснить феномены мышления и отчуждаемости отображений, фиксирующихся в смысле содержания мыслей, от отображающихся в них реальных. А в ходе движения от сложного к простому в глубь материи вынуждены: или, во-первых, настаивать на отсутствии конечности в делимости материи на части и на невозможности выделить простейшие первоначала, не замечая при этом, что делимость материи без делящего ее ничто вообще невозможна и на макроуровне; этим закрываются поиски несомненного познания исходных чувственности недоступных начал и исходных по-

нятий для надежного логически корректного синтеза (дедуцирования) из них знания о предмете любого уровня сложности, которое при выходе в соответствующие уровни сложности получило бы подтверждение в восприятиях, и примиряются с паразитирующим и процветающим на этой почве агностицизмом; или, во-вторых, вынуждены признать конечность возможности деления материальных объектов на части с превращением последних в нуль (в идеальное ничто без материального нечего?), и тем самым вступают в противоречие со своим мононачалом (что, мол, есть материя и только) и опровергают его. А на признание же действительного наличия и необходимости надежного познания исходных наипростейших элементов и начал реальности сразу же обрушиваются с различными упреками, обвиняют в метафизичности, в механичности и пр. Но задача то состоит в том, чтобы познать и определить эти элементы и начала такими, каковы они есть?! Если они как-то диалектичны, то необходимо уяснить такую суть их диалектичности, какова она у них есть, правильно определить и использовать в ходе выведения. И система не превращается из диалектической в метафизическую или механическую только потому, что признается наличие наипростейших начал в реальности и берется знание о них таким, каковы они есть в реальности, и выводится из них сложное знание о любых реальных объектах. Наоборот, именно от этого система знания становится глубоко и последовательно диалектична и немонистически материалистична. Диалектико-материалистическая немонистическая логика должна начинаться из таких необходимых и достаточных начал, настолько и так противоположных, или тождественных, или как-то и в чем-то различающихся, или как-то и в чем-то схожих, чтоб обуславливающаяся ими логическая необходимость и направленность познавательного движения разума вели к производству истинного знания.

III

Сутью диалектики является противоречие, образующее собой состав, условия существования и развития и причину проявления качества, существенного для получающейся из этого состава реальности. И задача познания, стремящегося к истинному знанию, состоит в том, чтобы истинно отобразить в мыслях существенное противоречие предмета познания. Истинность здесь превыше всего. Неверно, что «Во всякой науке столько истинности, сколько в

ней осмысленно отражена противоречивость ее предмета¹⁾), т. к. это вводит мышление в заблуждение тем, что разум ориентируется на производство не истинного знания, а на производство его противоречивости, и сама противоречивость при этом остается без критерия истинности, становится самоцелью и перерождается в оправдание алогизма и логической противоречивости мышления. Правильнее будет сказать, что всякая идея или наука настолько диалектична, насколько она глубоко, достаточно полносторонне, подробно и точно отобразила своим смысловым содержанием то противоречие в предмете, которое составляет причину и условие его существования, качества и развития его сущности. Метод научного познавательного исследования и результат познания будет диалектическим, если предмет будет изучаться с зарождения сущности того, что движет и обуславливает его дальнейшее развитие, если предмет будет изучаться в генезисе, в форме достаточно последовательного и непрерывного смыслологического выведения истинного знания о нем из истинного знания всеобщих начал с достаточно глубоким, подробным и полносторонним выяснением причинно-следственного механизма развития существенного и основного в структуре элементов (его и его развитие обуславливающего) от зарождения его и через все переформирования и стадии до гибели, перед началом которой оно достигает той наивысшей зрелости, которой оно может достигнуть; т. е. с умозрительным истинным и достаточным выяснением последующего состояния предмета как результата, неизбежно получающегося из предшествующего состояния структурно-элементных данных этого предмета познания и его обуславливающего; т. е. с истинным познанием конкретных причин и возможных форм перехода из одного состояния в другое, а потому и с более точным предсказанием; а не слепо руководствоваться абстрактной и предельно общей формулой гегелевской диалектики: тезис — антитезис — синтез, т. к. каждый реализующий эту формулу конкретный пример чаще будет существенно специфичен и поэтому и настолько в этой специфичности непредсказуем. Истинная и окончательная диалектика развития данного предмета (а не диалектика вообще) может быть и должна быть выведена в ходе итогового, истинного и окончательного познания этого предмета выведением истинного знания о нем из истинного знания тех начал и элементов, из которых он начинается и развивается и которыми обуславливается, а не из исторического развития идей человечества об

1) А. В. Потемкин. «О специфике философского знания», ИРУ, 1973 г., с. 150.

этом предмете, т. к. оно и начиналось не с того, с чего начинается зачатие и развитие предмета, и шло, плутало и петляло далеко не так, как развивался предмет из своих и не своих начал на самом деле.

Логика познания должна быть настолько и так диалектична, насколько умознание ею руководствуясь наилегче и на быстрее достигает наиболее исчерпывающего и истинного знания и наиболее совершенного во всех отношениях. И поэтому само содержание понятия диалектического противоречия не является неизменным, а должно изменяться и развиваться сообразно изменению и развитию соотносящегося к нему и отображающегося в нем реального предмета познания. В ходе развития явления, предмета, системы и пр. его исходное противоречие может переходить из существенного в несущественное, из противоречия в различие, и наоборот; исходное различие может затем переходить в противоречие; противоречие несущественное может переходить в существенное. Например, сначала небольшое и поэтому не существенное различие между людьми по объему собственности по мере достижения соответствующих различий в размерах собственности на средства и орудия производства переходит в существенное противоречие, вызывающее собой революционные процессы.

Из одного ничто нет возможности что-либо получить, а значит и структурную модель истинного знания нельзя выводить из нуля. Вот и остается один и единственно верный выход: признать, что все состоит из каких-то исходных материально-идеальных начал (материальные нечто, ограниченные со всех сторон прерывностью, идеальным ничто), из которых творится и строится все то, что было, есть и будет. Смысл, отображающий эти начала, и нужно далее развить и взять в исходные понятия, в фундамент новой СНОЗ. И Демокрит считал, что «Лишь у людей признается что-либо белым, черным, сладким, горьким и всем прочим в этом роде, поистине же все есть «что» и «ничто»¹⁾). Правда, «что» у него — это атомы, а «ничто» — пустота, мыслившаяся, видимо, как имеющая протяженность. Наше же «ничто» — не протяженная пустота; оно не имеет ничего; оно — полная, прямая и абсолютная противоположность «нечто».

1). «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. 1, стр. 330.

Потому-то и следует искать возможности надежного и логически корректного выведения знания о более сложных образованиях и об их свойствах из знания всеобщих начал бытия и наипростейших элементов сущего реальности, для смыслового содержания которых следует выявить и выделить такие наипростейшие смысловые элементы и идеи, на которые вообще возможно разложить всякое смысловое содержание любого понятия, снятого с реального объекта любой сложности, и которые вообще могут еще мыслиться нашим мышлением как предельно простые, как конечные при движении вглубь или как начальные элементы всякого и всего знания при движении от дна мироздания. И в соответствии с тем, как в реальности все и всякое образуется из исходных начал путем структурного объединения их, распадов, перестройки и объединения в новые образования, так и в мышлении, после разложения всякого знания до наипростейших элементов, после выявления и правильного определения исходных простейших начал знания, следует затем мысленно действовать в смысловой сфере так же, как происходит все и в реальности — мысленно объединять в смысловые модели, перестраивать структуры, разлагать, выявлять устойчивые из возможных и выводить их возможное поведение и развитие в заданных условиях и выявлять необходимые условия для получения желательных изменений и развитий смысловых модельных образований.

IV

Аристотель за начало берет логический закон запрета противоречия: «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и все другое, что мы могли бы еще уточнить, пусть будет уточнено во избежание словесных затруднений)—это, конечно, самое достоверное из всех начал...»¹⁾). Хотя эта аксиома и верная, но ее нельзя брать за начало объяснительного знания, т. к. она есть правило для мышления, которое необходимо познать выведением из знания того, из чего оно получается; а логику мышления обуславливают смыслы и состав исходных понятий, а не наоборот. За начало нужно брать несомненно истинное знание начал того, что нами познается, а не аксиому логики познания. В данной работе, особенно в «Логих...», излагается и будет ясно, что смыслы понятий нечто, иное нечто и ничто (в истинности которых невозможно ошибиться и усомниться) и другие в своем

1). Аристотель. Соч. в 4-х томах. М., 1976 г., т. 1, стр. 125.

комплексном исходном составе вынуждают мышление, добивающееся истинности результатов познания, мыслить так, как требует выше выраженная аксиома аристотелевской логики. А в результате получается возможность выводить истинное знание об исчерпывающе глубинном элементарно-структурном и причинно-следственном механизме любого чувственно воспринимающегося образования. От чего оно становится понятным, а его образующее и обуславливающее глубинное становится умозрительно «видимым» (подобно тому, как и планетарная модель непосредственно невидимого атома кажется нам видимой, но она является логически противоречивой и от нее уже отказываются). И получается возможность так познавать глубинные элементарно-структурные и причинно-следственные процессы любого реального образования, как это вообще возможно. И чем глубже и ближе до начал, до дна (чем меньше элементы сущего и чем меньше их), тем легче можно полностью избежать ошибок, что обуславливается подобным тому, как в арифметике легче можно избежать арифметических ошибок, когда арифметической обработке подвергаются небольшие числа по исходным арифметическим правилам. И осуществляется это выведение так относительно легко, просто, свободно, интересно и естественно, как оно самополучно происходит и на самом деле в реальной действительности. И что связывается и получается из начал в мыслях, то и в реальности, отображающейся этими мыслями, может так связываться и получаться. Ведь живой листок живой яблони (или любой реальный атом) улавливает самые маленькие частички материи из окружающей его среды без многокилометровых ускорителей и улавливателей, а своими микроскопическими ловушками, оказывающимися очень пригодными для этого, и улавливает их налету, чем-то и как-то различая их и угадывая — нужны они ему или нет и таковы ли ему они нужны или иные?! Улавливает и или делает их своими, превращает в элементы своего тела, или перенаправляет в другие места, или отклоняет и не улавливает. И при всем этом, ведь весь листок яблони, вся яблоня, каждый ее атом и все те элементы и устройства, которыми улавливаются или отклоняются, обрабатываются и или осваиваются или выделяются, состоят же из таких же «первокирпичиков», и не только состоят, но и образовались путем самополучной самосборки. Так почему же невозможно, де, осуществить мысленное прослеживание такой самополучной самосборки интересующего нас предмета познания из всеобщих первоначал?! Все дело лишь в том, чтоб удалось так исчерпывающе и истинно познать эти начала, как они только и могут быть познаны вообще, и осу-

шествовать выведение из них и моделей тех элементов, из которых образуется модель атома, и модели атомов, и модели молекул, и модели клеток, и модели многоклеточных организмов.

И каждый, кто овладеет знанием этих начал и методологией выведения из них следующего, сможет идти к познанию тех элементов и процессов микромира, которые никак не поддаются познанию и объяснению экспериментальным путем и применением к ним знания, снятого с более сложных вещей и хорошо выдающихся (наблюдающихся), противоположным путем: не путем продвижения от более сложных и чувствами воспринимающихся к менее сложным, которые от малости становятся невидимыми, с переносом понятий, снятых с макроэлементов на микроэлементы, а наоборот, путем выведения мышлением, отвлеченным от непосредственного воспрятийного наблюдения за тем реальным предметом, знание о котором мышлением промышливается при этом выведении, из истинного знания о началах бытия и о наименьших элементах сущего, которые ни через какие усилители органов наблюдения непосредственно не могут восприниматься чувственно, к более сложным и от соответствующим образом структурной сложности становящихся чувственно воспринимающимися и след., наблюдающимися. В этом и состоит одна из нескольких методологических и прочих идей, благодаря которым осуществляется переворот нынешней СНОЗ. Если в нынешней СНОЗ пытаются познать и объяснить еле видимое (находящееся на пороге чувственной воспринимаемости) и невидимое, опираясь на измерительное и описательное знание о видимом, остающимся непонятным от незнания его составляющих и окружающих элементов и глубинных причинно-следственных механизмов объединения и проявления множеств этих элементов, то в развивающейся новой СНОЗ, наоборот, из предельно ясного, истинного и убедительного знания начал выведением выясняют, объясняют и приходят к познанию состава и глубинных механизмов строения, работы, жизнедеятельности и развития тех образований, которые получаются из этих начал бытия и сущего и оказываются устойчивыми, жизнеспособными и выдерживающими последствия воздействий окружающей среды и проявления собственной целостности в соответствующих условиях окружающей среды, т.е. познается и то, что никак не поддается познаванию логико-понятийными средствами нынешней старой СНОЗ. Ведь познание живых клеток, например, ныне сводится лишь к описанию тех морфологических картинок, которые наблюдаются на соответствующих стадиях развития клет-

ки и при соответствующих срезах и обработках, приостанавливающих или и нарушающих процесс развития и на еще наблюдающихся уровнях сложности элементов. А овладевшему и пользующемуся новой СНОЗ оказывается доступным познанию и объяснению и все то глубинное и чувственно невоспринимающееся, из чего и образуется все неживое и живое, и оживляющее и умертвляющее, и объединяющее и разлагающее.

V

Из хаоса наипростейших элементов сущего, для которых причиной существования и причиной качества (такостей) их существования является сущность их составляющего, сущность и особенности взаиморасположения их существование обуславливающего, образуется и развивается все последующее более сложное. Хаос соответствующего количества элементов в соответствующих условиях переходит во взаимопорядок и гармонию. И в хаос этих наипростейших и из них образующихся элементов все вновь возвращается. Из знания о началах бытия и наименьших элементов сущего и следует выводить модельное знание о всем существующем в реальности. В реальной действительности нет того, что не может получиться из ее начал. А поэтому при истинном познании этих начал и методологии выведения из них образующегося и в смысловой сфере выведения должно быть так, что если из смыслового содержания исходных начал такое-то производное смысловое содержание не получается, (логически корректно), то и в реальности не может быть ему соответствующего образования. «...Ничто так не способствовало искажению философии, — писал Ф. Бэкон, — как ... то обстоятельство, что философы не брали начала вещей так, как они открываются в природе..., а, скорее, выводили их из законов спора, из диалектических и математических умствований, из общих понятий и тому подобных заскоков ума за пределы природы». ¹⁾

Но чем же и как же нам открываются вещи? Да прежде всего своим нечто и ничто и благодаря этому, — протяженностями и такостями воздействий на наши органы чувств своего материального нечто и формами своего идеального ничто, которым каждое материальное нечто прерывается, очерчивается, обособливается, отграничивается от хоть чем-нибудь отличающегося соседнего или окружающего нечто. И в смысловой сфере ведь любой предмет мы только и можем мыслить, если мы можем представить себе какой-то комплекс антиощущений, протяженностями, взаимораз-

1). Ф. Бэкон. Соч., М., т. 2, 1972 г., стр. 301.

личиями, взаиморасположениями и формами границ-ничто которого (комплекса) и отображается предмет и составляет смысловое содержание понятия. Мышление же, получив смысловые элементы в представление под влиянием и управлением умосознания (руководствующегося опытом или ранее познанной логикой) подвергает их уморассмотрению, уяснению или и мысленной обработке, переформированию и пр. Разве не единственно этим открываются нам вещи и отображаются, познаются?

Итак, не из реального мира, а из знания о началах реального мира посредством исходных понятий, фиксирующих это знание, выводить не реальный мир, как это пытаются делать идеалисты, а знание о реальном мире, и выводить его не из знания одной материальности или одной идеальности, как это делают монисты, а из знания и того и другого, из знания всех и таких сущностей, которые и опричинивают собой и бытие, и существование, и такости существования всего реального. Если мы желаем успеха в познании, то познающий разум следует подчинять природе вещей, а не наоборот, «следует рассекать природу, а не абстрагировать ее, — писал Ф. Бэкон, — (те же, кто не хочет рассекать, выпущены абстрагировать) и первую материю следует вообще рассматривать как неразрывно связанную с первой формой и с первым началом движения, как мы это и находим». ¹⁾ Начала же, эти следует брать таковыми, каковы они есть на самом деле в познающей нас реалии и из каковых выводятся и объясняются все невидимое и видимое познающей нас вещи, а не примысливать видимое к невидимым началам. И не брать за начала такие понятия, какими человечество начинало отображать этот предмет в далеком прошлом, сведения о чем дошли до нас, т. е. не подменять прослеживание развития предмета прослеживанием истории идей о нем. История развития предмета и история развития идей познания этого предмета — это совершенно разные вещи; из чего, конечно, не следует, что для истинного познания предмета не нужно познание истории развития идей и достигнутого итога знания о нем. Напротив, это-то нужно, но нужно оно для того, чтоб извлечь наиболее истинный и существенный итоговый результат предшествующего познания, чтоб извлечь гносеологические уроки познания и чтоб в итоге всего открыть, отгадать, познать начала предмета и затем логическим выводением из истинного знания о них получать знание о зарождении и развитии этого предмета, а не для того, чтоб историю развития

1). Ф. Бэкон. Соч., М., 1972 г., т. 2, стр. 306.

идей выдавать за развитие предмета. Хотя не исключается то, что в ходе логического выведения знания о развитии предмета из его глубинных первоначал мы обнаружим некоторое воспроизведение поступательного хода некоторых главных моментов истории развития кое-каких идей об этом предмете. Это будет воспроизведением в логическом развитии знания кое-чего прогрессотворного исторического развития знания об этом же предмете, — исторического знания, очищенного от ошибочных примыслов, зигзагов, заскоков и шатаний.

«...Правильно рассуждающий должен бы смотреть на все вещи одинаково и принимать за начало вещей то, что согласуется в такой же мере с мельчайшими, редчайшими и наиболее пренебрегаемыми вещами, как и с величайшими, самыми многочисленными и наиболее сильными», — Ф. Бэкон, там же, стр. 313. Но что есть таковым, если не протяженность нечто и форма ничто? Разве не они одинаково имеются и согласуются во всем и в одинаковой мере усматриваются и чувственным созерцанием и умозрительно во всех вещах от мельчайшей и наиболее пренебрегаемой до величайшей и во всех отношениях превосходной? Разве же не они достовернейшим и безусловнейшим образом — а не гипотетически — имеются у всякого сущего? Разве есть какая-нибудь возможность ошибиться, если мыслят всякое и каждое сущее прежде всего как протяженное нечто, прерывающееся, обособливающееся от иного или другого протяженного нечто посредством ничто? А ведь и Аристотель полагал, что «Самым достоверным из всех началом (надо считать) то, по отношению к которому невозможно ошибиться, ибо такое начало должно быть наилучшим образом познаваемым (все ведь впадают в ошибки по отношению к тому, чего не постигают) и должно выступать как безусловное. Действительно, начало, которым должен владеть всякий, кто постигает какую-либо вещь, — такое начало не гипотеза; а то, что необходимо знать человеку, если он познает хоть что-нибудь, — это он должен иметь в своем распоряжении уже с самого начала». ¹⁾ Правда, Аристотель ошибается в том, что за такое начало он берет правило: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле», — там же, стр. 412. Ведь это закон мышления, которое само и законы его мышления должны быть выведены из знания о тех началах, из которых оно возникло в реальности. Хотя само по себе это положение и верное, т. к. невозможно, что-

1). «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. 1, с. 412.

бы в сущем нечто и ничто были и небыли одновременно и в одном и том же смысле.

Суть смысла материального нечто и идеального ничто такова, что их невозможно представить и мыслить в отрыве друг от друга (ведь представление протяженности любого антиощущения, взятого без сопоставления с иным, не на фоне иного, отождествляется с тем полем, на фоне которого или по сравнению с фоном которого только и можно представить что-то иное, чем этот фон. А если в представлении имеется антиощущение, отличающееся от иного, то между ними непременно есть прерыв, есть граница-ничто, есть идеальное ничто). Мышлением этих противоположных смыслов в неразрывном единстве в началах реальности и у любого элемента сущего (в том числе и у наименьших исходных элементов сущего) и выполняется логика, дающая опору, ведущая, направляющая мышление на истинные результаты выведения сложных моделей из начал. А т. к. знание начал бытия и простейших элементов сущего реальности должно быть наипростейшим знанием и в силу своей простоты может быть предельно очищенным от ошибочных примесей, то на первых шагах выведения из него более сложного знания мы будем не только получать новое знание наиболее истинным, очищенным от ошибок, но будем и обучаться правильно мыслить, будем познавать логику правильного познавательного мышления, на что сможем опираться потом, когда выведение приведет нас к более сложному знанию, которое потребует и соответствующих ему изменений в логике мышления. Абсолютно истинные могут быть именно во всем имеющиеся нечто и ничто, взятые в общем виде как абсолютные и полные взаимопротивоположности, образующие собой такие начала и элементы сущего, от которых выведение может начинать свой ход. Именно благодаря им между смысловым содержанием мыслей и познающимся может установиться то соответствие, которое может быть достаточным, чтоб эти мысли считать истинными.

Природа держит человека на некотором расстоянии от своих глубоких и первейших тайн, от которых зависит все видящееся, потому что наша восприимчивая чувственность туда не проникает, ибо она образуется и проявляется лишь на более сложных уровнях организации первоэлементов и дает нам знание лишь о запечатлеваемом в ней. А наша умозрительность до сих пор еще и не предпринимала достаточных усилий для осуществления пе-

реворота пути движения познания от восприятиями видимого в восприятиями невидимое на путь от восприятиями невидимого и наипростейшего в восприятиями видимое; она до сих пор руководствуется логикой, выработанной мышлением в процессе наблюдений, экспериментов и практики познания в области (на уровнях) восприятиями видящегося.

Мысль о том, что только те знания истинны, которые опираются на наблюдения восприятиям доступного, так давно и настойчиво утверждалась различными авторитетами (Ф. Бэконом и Л. Фейербахом в том числе) и так старательно обосновывалась, что стала почти общепризнанным, бесспорным и наипредварительнейшим положением ныне господствующей теории познания, тогда как эта мысль содержит в себе не только истинные и разумные (плодотворные) моменты, но и ошибочные, ограничивающие познание рамками эмпирических форм, и может быть тормозом для дальнейшего развития познания, в особенности при его продвижении вглубь, в область нечувствующегося. Отрицание возможности производить разумом истинное знание о нечувствующемся обрекает на чистый эмпиризм, умаляет роль и возможности человеческого познания, чем не зевает пользоваться реакция и конструирует на этом философию эмпирического позитивизма, понимая, что если уж нельзя удержать народные массы в состоянии полного неведения о сущности и первопричинах существования и развития всего сущего в мире, то хотя бы ограничить их рамками чувствам доступного, чтоб не искали раскрытия тайн глубокого. Отрицание же роли чувственных восприятий в познании как критерия истинности знания, выводимого из знания о восприятиях недоступном, обрекает познание на субъективистские и идеалистические шатания, на творение идей без критерия их истинности. Идеализм заблуждается не тем, что он выводит идеи о чувственно воспринимающемся из идей о чувственно не воспринимающемся, а тем, что он саму реальность (субъективную и объективную) пытается вывести из идей, к тому же из идей с неясным или ложным смыслом, «Идеализм нуждается..., чтобы «вывести» объективность так или иначе из духа, сознания, из «психического». ¹⁾

Первая любая идея может появиться у организме в ходе его онтогенеза лишь после поступления идеальной архитоники хоть какого-нибудь восприятия через сознание этого организма в его память, как это уже объяснялось, т. е. лишь после фиксации в его памяти достаточно отчетливого отображения какого-нибудь пре-

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 312.

дмета, извлечение которого в представление дает смысловое содержание, в котором умосознание умозрительно может выяснять структуру-ничто и структуру-нечто, как результата деструктуризации архитоники ощущений восприятия на множестве элементов памяти. Да и потом любое представление, любая идея может мыслиться лишь при помощи протяженностей антиощущений и ничто между ними. Следовательно, и изначальные смысловые элементы, из которых человек должен будет затем выводить производное знание о всем его интересующем, должны быть сформированы из идеального ничто, ограничивающего собой какие-то антиощущения, протяженность, форму и взаимосвойства которых следует истинно отгадать, уяснить и определить. Вот и выходит совпадение логического и онтологического зачатия простейших и исходных элементов знания. А что можно познать умозрительным мышлением о любых тех глубинных микроэлементах, которые никак невозможно почувствовать в восприятии? Не можем же мы узнать, что они зеленые, или твердые, или горькие, или еще какие-то в данных чувственных восприятий, т. к. каждый и любой из них отдельно взятый недоступен чувственным восприятиям из-за малости своей. Поэтому только и остается одна единственная возможность: протяженностями и формами протяженностей антиощущений и границами-ничто между ними отображать (а следовательно и познавать) пртяженности тех материальных нечто, которыми предметы познания образуются, составляются, которыми они реализуют свои движения и проявления по отношению к иному, и формы этих протяженностей, фиксирующихся границами-ничто между ними в местах взаиморазличия их.

VI

От чувственного восприятия мышление приобретает и первые смысловые элементы и критерий истинности результатов всяко-возможных мысленных обработок и выведений производного знания. Верно, что «Только мышление, определяющееся и очищающееся посредством чувственного восприятия, является реальным, объективным мышлением, мышлением объективной истины» ¹⁾, но неправ Фейербах в своих нападках на мысленные абстракции, в своих попытках приковать мышление к чувственному созерцанию, которое подавляет его. Абстрактный характер мышления, т. е. отвлеченность его в акте мыслительного процесса от чувственного созерцания того предмета, знание о котором мыслится,

1). Л. Фейербах. Соч., Госиздат, 1923 г., т. 1, стр. 132.

выдумывается или мысленно обрабатывается, является необходимым и неизбежным, если мы переходим от чувственного созерцания к мышлению. Важно только чтобы в смысловых элементах и в отношениях между ними, отвлеченных (абстрагированных) от отображающихся в них предметов познания, не мыслилось того и такого, чего и какого нет в этих предметах, и чтоб не недоумывалось того и такого, что и какое в них существенное есть. Ведь возможность абстрагирования усиливает, расширяет, углубляет и обогащает как возможности к познанию истинного, так и возможности к заблуждениям. Мышление может мыслить только идею и не может мыслить неидею, т. е. может мыслить только антиощущения и границы-ничто между ними, в чем может фиксироваться отображение предмета познания, и не может мысленно включить в себя реальную действительность предмета познания, а может включить в себя только отображение его, зафиксированное между элементами субъективной реальности, только знание о нем. И если в реальности есть реальное нечто и ничто, то мышление и должно отображать, мыслить истинное знание о них; если там есть такое-то нечто и иное, такое-то и ему противоположное, то и мышление должно мыслить такое-то смысловое содержание мысли и иное или противоположное, соответственно. Невозможно мыслить идею и «другое» идеи, а можно мыслить такую-то идею и другую идею. Мышление само в себе не может найти иного критерия истинности для мыслящегося, для смыслового содержания идей, кроме как логической непротиворечивости и корректности следования последующего из предшествующего. Истинность же фактическая устанавливается только подтверждаемостью и соответствием мыслящегося с чувственно воспринимающимся.

Непротиворечивость знания состоит в том, что содержание нового знания следует из начал или из предшествующего состояния какого-то исходного знания самополучным (естественным) и необходимым образом, что в ходе рассмотрения возможных вариантов поведения исходных элементов знания умознание принуждается к выводу, приходит к выводу этого нового знания без введения, без примыслов того, что невозможно как следствие из исходного (условия, количество, свойства и взаимоотношения смысловых элементов) знания, без нарушения именно исходного смыслового содержания. Но это не значит, что в процессе выведения не могут получаться образования, совершенно отличные от исходных и даже противоположные им, — образования, существенно изменяющие состояние сущего и условий на своем месте и в ок-

рестности, что нужно учитывать в последующем выведении. Противоположное исходному должно быть выведено непротиворечиво из положенного, а не так, как это в логике Гегеля, когда это понятие превращается в свою противоположность неизвестно как, без показа того, как это происходит в результате имманентного саморазвития исходного содержания, просто по произволу мыслящего, руководствующегося логикой, разрешающей в такое-то время мыслить: «А есть» (где «А» и «есть» взяты в таком-то конкретном смысле) и разрешающей мыслить в это же время: «А не есть» (где «А» взято в том же самом смысле, а «не есть» является противоположностью понятия «есть»). Но разве возможно, чтобы одно и то же было или существовало и не было или не существовало? Что-то может появиться, затем исчезнуть; что-то может перейти из потенции в акт существования, а затем из акта существования вновь перейти в потенцию; такое-то нечто может быть или существовать одновременно с иным и даже с противоположным нечто; но одно и то же одновременно быть и не быть или существовать и не существовать не может. Логика, разрешающая так мыслить, есть ложная, алогичная, вводящая в путаницу и заблуждения или по неведению, или с умыслом. Если принять такую «логику», то никакой лжец не может быть разоблачен. Кому же выгодна такая «логика»? Одинаково ли отнесутся к ней те, кто ищет правды, и те, кто ищет идей и псевдонаук для отвлечения людей от правды? Другое дело, что эта вещь, названная этим символом, могла бы быть названной и иным символом. А вещь сама по себе, если она есть или если она что-то имеет, то она есть или имеет это что-то; а так, чтоб она и есть и нет ее, или чтоб у нее что-то есть и нет этого же что-то, не бывает в реальной действительности. Значит и в познавательном мышлении так не должно быть.

«...Мы наблюдаем в мире, — пишет Ф. Бэкон, — огромную массу противоположностей — плотного и редкого, теплого и холодного, света и тьмы, одушевленного и неодушевленного — противоположностей, которые взаимно сталкиваются и разрушают друг друга; и если предположить, что эти противоположности проистекают как из своего источника из одной материальной субстанции, и при этом не показать, каким образом это может совершиться, то это будет проявлением путаной мысли и отсутствием всякого исследования. Ибо, если такое предположение имело бы за собой достоверность чувств, вы обязаны были бы принять его, если бы даже и оставалось непонятным, каким образом это происходит». ¹⁾

1). Ф. Бэкон. Сочинения. М., 1972 г., т. 2, стр. 314—315.

Но в том то и дело, что даже чувства удостоверяют нас в том, что все окружающее нас и воздействующее на нас имеет нечто и ничто, состоит из того, что в нем есть и составляет его протяженность, и из того, что делает предел, делает отсутствие всему тому, что в нем есть. Это мы и обязаны принять за достоверное начало для опоры познания, даже если нам еще непонятно, почему и каким образом все это происходит. Ведь чувства удостоверяют нас в том, что то, что мы чувствуем, есть и есть таким, каким мы его чувствуем. Хотя относительно обнаружения и познания идеального ничто в чувственных данных человечество уж слишком долго заблуждалось. Но это заблуждение такого рода, которое Ф. Бэкон назвал идолами рода: «человеческий ум по своей природе скорее воспринимает положительное и действительное, чем отрицательное и недействительное, хотя по существу он должен был бы в равной мере воспринимать и то и другое». ¹⁾ Сильнее впечатляет и приковывает к себе внимание наличное, данное, материальное ничто, нежели его отсутственность, нежели граница этого нечто с другим нечто, в которой нет никакого нечто, т.е. нежели идеальное ничто. «С другой стороны, — продолжает рассуждать Ф. Бэкон, — если бы можно было при помощи разума найти соответствующее и правдоподобное объяснение того, как дело происходит, мы, может быть, должны были отказаться от очевидности.» (там же, т. 2, стр. 315). Здесь необходимо уточнение: отказаться в таком случае следует не от очевидности (= чувственно воспринимающееся), а от такой-то трактовки, от такого-то понимания и объяснения этой очевидности, подобно тому, как, отказываясь от геоцентризма, мы не отказываемся от всего того комплекса ощущений и их взаимной структуры, которые получаем от очевидного наблюдения восхода, движения и захода Солнца в течение дня и которые сохраняются такими же и при гелиоцентрическом объяснении их, а отказываемся лишь от геоцентрического объяснения результатов фактического созерцания этого явления. «Но от нас ни в коем случае не могут требовать, — продолжает Ф. Бэкон, — чтобы мы согласились с таким предположением, реальность которого не засвидетельствована непосредственным чувством или вероятность которого недоказана на основании разума» (там же, т. 2, стр. 315).

Заслуживают похвалы попытки древних найти всеобщие начала для всех вещей. Но неудачи их объясняются неразвитостью

1). Ф. Бэкон. Сочинения. М., 1971 г., т. 1, стр. 323.

той методологии, которой они руководствовались, решая эту задачу. Вместо того, чтобы чувственно воспринимающееся выводить из неочевидных простейших элементов, они именно чувственно воспринимающееся принимали за начало (вода, огонь, воздух, земля, небо и т.п.). А неразвитость методологии объясняется еще недостаточным развитием знания, развитие которого вызывает и требуют соответствующие изменения и в теории познания. Демокрит (и другие атомисты) потому и преуспел в известной мере, что применил новую логику мышления: раздробил все очевидное на неочевидные атомы и выводил из них все очевидное. Но смысловое содержание его атомов было сформировано все же путем переноса в микромир представлений, снятых с макротел, снятых с чувственно воспринимающегося, но не всеобщих, не тех, которые есть и в глубинно-фундаментальных началах, чем и объясняется ограниченность его системы понятий. Эти же ошибки допускаются и ныне. Ведь физикам пока не удастся построить сколько-нибудь полную теорию сути и взаимодействия элементарных частиц, и трудности объясняются именно тем, что представления, выработанные для отображения макромира, чувственно воспринимающегося, пытаются применить и в микромире, вместо того, чтоб выводить объяснения чувственно воспринимающегося из смыслового содержания, истинно отображающего собой микромир, и получением результатов, совпадающих с архитоникой чувственных восприятий, удостоверяться в правильности выведения и начал. Ведь чувственно воспринимающееся есть не причина, а результат проявления чувственно невоспринимающегося. А глубинно-донные разрозненно-элементарные реалии микромира чувственно не воспринимаются, не различаются, не отображаются, в чувственных данных. И чувственно воспринимающееся следует использовать в познании как критерий верности результатов выведения из знания о чувственно невоспринимающемся, а не как базу снабжения структурных форм смыслового содержания представлений, чувственными восприятиями снимающихся с макромира и втискивающих в чувственно невоспринимающийся микромир с целью его объяснения, как это пытаются делать эмпирики, разум которых скован железными путами чувственных восприятий. «Высшим долгом физиков, — писал Эйнштейн, — является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем чистой дедукции можно получать картину мира». ¹⁾ Дедуцировать, правда, следует не из «общих элементарных законов», а из понятий,

¹⁾ Эйнштейн. Физика и реальность. М., «Наука», 1965 г., стр. 9.

истинно отображающих своим смыслом то, из чего все, в том числе и то в реальности, что называют законами, проявляется, развивается и во что все вновь разлагается в реальности или может разложиться при соответствующих условиях. И каждый, кто окажется способным понять начала знания и познания, будет способен понять и все остальное; ведь известная легкость, с которой схватываются математические идеи, зависит от незначительного числа основных исходных положений, которые необходимо иметь в памяти, чтоб овладеть математикой или соответствующей областью ее. Предоставим здесь слово Жан-Антуану КОНДОРСЕ: «...не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей, ... способность человека к совершенствованию действительно безгранична, ...успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеют своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой. Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять; по крайней мере до тех пор, пока земля будет занимать то же самое место в мировой системе и пока общие законы этой системы не вызовут на земном шаре ни общего потрясения, ни изменений, которые не позволили бы более человеческому роду на нем сохраняться, развернуть свои способности и находить такие же источники существования»¹⁾ Даже скептик Юм писал, что «Если бы люди могли расчленили природу в соответствии с требованиями наиболее вероятной или по крайней мере наиболее вразумительной философской системы, то они обнаружили бы, что данные причины суть не что иное, как особое строение и структура мельчайших частиц их собственных тел, а также внешних объектов, и что все события, в которых они так заинтересованы, порождаются правильно и постоянно функционирующим механизмом»²⁾. Вот мы и разделяем всю реальность по всем тем швам ее, которыми она сама разделяет в себе нечто от иного. Читатель видимо уже заметил, что мы все чаще возвращаемся к уяснению того, из чего начинали; но этот возврат к повторному уяснению начал осуществляется с использованием изложенных в «Прологах...» новых результатов исследований и уяснений сути того, чем реализуются любые процессы отражения и отображения и сути и возможностей наших познавательных способностей, форм и логики (гносеологии) познания

1). «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 686.

2). Д. Юм. Соч., М., 1965 г., т. 2, стр. 380.

(особенно умозрительного познания чувственным восприятиям недоступного) с целью окончательного раскрытия состава и смысловой сути тех всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего, которые и закладываются в фундамент новой СНОЗ, из чего и получается возможность выводить настолько исчерпывающее, глубокое, подробное, полностороннее и истинное объяснительное и прогностическое знание о любом нас интересующем вещественном образовании, насколько мы пожелаем этого из максимально возможного вообще, основные и чрезвычайно важные результаты чего по самым главным и интересным вопросам и излагаются в «Логах...», изучив которые после «Прологов...» каждый сможет разумом своим проникать во все глубинные извилины и щели неба и земли. И тогда ничто не сможет скрыться от света истины в познании вещественных образований и жаждущие истинного насытятся.

§ 2

I

Способности человеческого мышления проявлять свободу творческого произвола верно отмечает и Д. Юм: «Создавать чудовища и соединять самые несовместимые формы и образы воображению не труднее, чем представлять самые естественные и знакомые объекты»¹⁾. Но выражение, что «мысль же может в одно мгновение перенести нас в самые отдаленные области вселенной или даже за ее границы, в беспредельный хаос...» можно принять разве только за фигуральное. На самом же деле никакая мысль никуда перенести нас не в состоянии и сама никуда перенестись не может; она всегда пребывает в умосознании. Кажимость того переноса или перелета мысли, о котором ведет речь Д. Юм, есть следствие перехода внимания умосознания с такого-то смыслового содержания на извлечение из памяти иного смыслового содержания и сосредоточения внимания умосознания на этом ином, или следствие изменений соотношения (или сличения) идеи одного и того же смыслового содержания к другим идеям (или с другими идеями). Но все это реальный процесс мышления, происходящий в области расположения умосознания и органов мышления это осуществляющего организма, и никакого переноса и перелета ни организма, ни его мыслей в объективной реальности при этом не происходит. Далее Юм верно пишет, что «Вся творческая сила ума сводится лишь к способности соединять, перемещать, увеличивать или уменьшать мате-

1). Д. Юм. Соч. в 2-х томах. М., 1965 г., т. 2, стр. 20—21.

риал, доставляемый нам чувствами и опытом. Думая о золотой горе, мы только соединяем две совместимые друг с другом идеи золота и горы» (там же, стр. 20-21). Но к этому следует сказать еще и о способности разъединять, изменять форму очертаний, соотносить и изменять соотношение любой идеи к идеям о любом предмете познания и т. пр., что позволяет мышлению познавать не только чувственным восприятиям доступное, вопреки попыткам Юма доказать противное, основывающимся на том, что единственным доступом для идей в наше сознание является путь действительного переживания чувственных восприятий. Это-то и верно в том, смысле, что первые идеи не могут появиться иначе как не от чувственных восприятий; но затем мышление может извлечь из памяти и включить эти и так полученные смысловые элементы и мысленную обработку, чем и изменяется знание и получает возможность развивать его в умосознании мышлением, действуя над протяженностями таких-то антиощущений и над формами идеальных границ между ними. И то, что при пристальном умозрительном рассмотрении смыслового содержания любой нашей идеи оказывается, что то, что образует ее смысловое содержание, в конце концов сводится к тому, что образуется от запечатлений чувственных восприятий, вовсе не является препятствием для умосознания познавать чувственным восприятиям недоступное т. к. оно может это делать благодаря творческому формированию новых идей с особым смысловым содержанием, хотя и из того же исходного смыслового материала, который образовался в организме под влиянием чувственных восприятий, и благодаря изменению соотношенности этих идей к знанию о том, что чувственным восприятиям недоступно. Все наши представления и идеи не врождены, а образуются в ходе процесса нашего онтогенеза (в значительной части до рождения, частично в процессе рождения и большей частью после рождения). Необходимо различать представления и идеи, не творческим мышлением образованные, а полученные лишь в результате извлечения их из памяти, зафиксировавшей в себе соответствующую чувственно воспринимавшуюся информацию, — извлечения из памяти как смыслового содержания так и его соотношенности (ведь и соотношенность может браться из памяти и быть результатом запомнившейся ассоциации восприятий, а может быть и изменена). Умосознание ведь может свободным произволом творческого мышления менять и содержание идей, и соотношенности, и формы мышления, и формы организации мыслящегося; и в результате развития мышления, практики, познания и знания появляется возможность выявить, уяс-

нить и мыслить такие смысловые элементы и те существенные и специфические свойства их, которые способны направлять ход нашего мышления туда и так, куда и как возможно самополучное сцепление, расцепление, самосборка и саморазложение и прочие преобразования смыслового содержания мыслей. И тогда, научившись производить истинное знание мысленно, причинноследственные связи могут познаваться не только чувственными восприятиями, не только выявлением повторяющегося и привычного в чувственных восприятиях, как это пытается доказать Юм и другие, но и путем мысленного вывода, путем мысленного моделирования.

Непознаваемость причины мышлением Юм обосновывает тем, что: «Наш ум никоим образом не может найти действия в предполагаемой причине, даже посредством самого точного и тщательного рассмотрения, ведь действие совершенно отлично от причины и в силу этого никогда не может быть открыто в ней» (там же, стр. 31). Но разве мышление не может прийти к выводу, проследившая, что такое-то поведение таких-то смысловых элементов вызывает необходимость признания таких-то последствий, такого-то действия одних смысловых элементов на другие и образования из этих же исходных смысловых элементов и в результате таких их взаимодействий таких-то совершенно новых идей? И разве мышление не может менять соотносительности и смыслового содержания мыслящихся им идей? То, что субъект может себе представить соотношения между смысловыми элементами по разному, а представляет лишь так, как он привык воспринимать их, вовсе не обосновывает непознаваемость причины мышлением, а показывает лишь то, что все познавательные способности разума Юм ограничивает только формами чувственного восприятия и только извлеченными формами рассудочного мышления. Верно, что в какое-нибудь непосредственное реальное отношение с реальным предметом познания наш ум может вступить только через чувственные восприятия, которые являются единственным каналом, через который пересылаются в умосознание и в память отображения чувственно воспринимающихся предметов. Потому-то чувственные восприятия предмета и являются критерием истинности знания о нем. Но из этого не следует, что смысловое содержание любой идеи нашего умосознания есть только таким, каким оно только и было снято чувственными восприятиями с реального предмета познания в результате его восприятия. Оно может быть творчески сформированным и соотношенным к совер-

шенно другому предмету познания, в чем важную роль играют термины, названия понятий, слов: и словосочетания, т. е. символ-структуры.

II

Когда разум в поисках ответов на осаждающие его вопросы «вынужден прибегнуть к основоположениям, которые выходят за пределы всякого возможного опыта» — рассуждал И. Кант, — то он «...погружается во мрак и впадает в противоречия, которые, правда, могут привести его к заключению, что где-то в основе лежат скрытые ошибки, но обнаружить их он не в состоянии, т. к. основоположения, которыми он пользуется, выходят за пределы всякого опыта и в силу этого не признают уже критики опыта»¹⁾. Но это если разум основывается на ошибочных или на односторонних началах и если он мыслит знание вне возможностей его творческого развития в умознании посредством мышления. А если разум возьмет истинные начала (ведь ложность изначально взятых положений в конце концов обнаруживается, что Кант признает и о чем свидетельствует состояние современного естествознания), то даже если они и соотносятся к тому, что находится за пределами чувственным восприятиям доступного, разум может мысленным выводением, моделированием и мысленными экспериментами получить знание и о таких уровнях сложности, которые окажутся доступными чувственным восприятиям и могут быть подвергнуты проверке в результатах чувственных восприятий, практики и опыта.

Положение о том, что всякие наши знания должны соотноситься с предметами, отождествляемыми Кантом с опытом, неприемлемо по его мнению потому, что в таком случае оказывается, что мы не можем получить знание о предмете до чувственного восприятия его (см. там же, т. 3, стр. 87-93). А так как мы все же имеем априорное знание, пример этому дает математика, то следует, де, отказаться от этого положения (что знание должны согласовывать с предметом познания) и попытаться решить задачу уяснения познавательных возможностей нашего разума, исходя из противоположного положения — предметы должны соотноситься с нашим познанием. Это ведь лучше согласуется, по мнению Канта, с требованием возможности априорного знания о них. И математика, дескать, преуспела, став на такое основание; и Коперник достиг успеха потому, де,

1). И. Кант. Сочинения в 6-ти томах. М., 1964 г., т. 3, стр. 73.

что отказался от приспособления представлений к видимому и сконструировал противоположную систему представлений. Все это, конечно же, неверность! Положение о том, что все и всякие наши знания, если мы желаем иметь их истинными, должны сообразовываться с теми предметами, к которым они соотносятся, должно оставаться неизменным. Дело лишь в том, что не все и не всякое знание может быть проверено в данных информации, снимающейся чувственными восприятиями непосредственно с предмета познания; истинность знания о том, что чувственным восприятиям недоступно, может быть установлена лишь логически непротиворечивым, стройным и безошибочным выводением из него такого нового и сложного знания, чтоб соотнесенный к нему более сложный предмет мог чувственно восприниматься и этим дать соответствующий критерий истинности для его отображающего знания, выводящегося из начал. Знание о восприятии не чувствующемся проверяется непротиворечивой выводимостью из него чувственностью проверяющегося. Однако Кант всего этого не принимает в расчет и продолжает рассуждать по-своему, преследуя цель доказать невозможность познания трансцендентного (не воспринимающегося и не могущего быть воспринятым чувственностью) и сводя, видимо, под влиянием этой цели, все познавательные способности разума к чувственным и рассудочным формам обработки эмпирического опыта. Если же согласиться с Кантом и принять основоположение, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием, на что Кант уговаривает читателя, то априорное познание оказывается, де, возможным, т. к. всякий опыт, по Канту, мыслится и организуется рассудком, правила которого априорны. А разум тогда может иметь дело с предметами, которые даны или могут быть даны в опыте, т. е. чувствовались или могут быть чувствующимися (и в этом случае разум имеет дело лишь с явлениями вещей, а не с вещами в себе), и, с другой стороны, может иметь дело с предметами, которые мыслятся только разумом, но которые не могут быть даны или отысканы в опыте. В этом случае разум пытается мыслить и познавать вещи в себе. Теперь, говорит Кант, нетрудно объяснить возможность априорного познания: разум может мыслить все, что он может и хочет мыслить, но в том и другом случае разум не может приобрести знание о предметах, находящихся за пределами возможного опыта. Подтверждение же или опровержение идей разума в эксперименте покажет на что он посягнул — на познание явления вещей или на познание

вещи в себе. Таким образом, открывается фронт работы только для эмпирического естествознания, но для познания зачувственного дверь остается закрытой, т. к. Кант пытается доказать, что знание относится только к явлениям, только к тому, что доступно чувственным восприятиям, а вещь в себе остается непознанной нами, хотя она сама по себе и действительна. Познавательные способности разума ограничиваются познавательными способностями чувственных восприятий и отчасти рассудка. Опираясь на в общем-то верное положение о том, что то, что ищет наш разум за пределами опыта, требуя закончить ряд обуславливания обусловленного, есть какое-то безусловное первоначало, он умозаключает что в случае предположения, что наше знание соотнобразуется с предметами как вещами в себе (принцип материалистичности) оказывается, что безусловное вообще нельзя мыслить без противоречия; т. к. то, что есть вещью в себе, потому и есть таковым, что оно есть находящееся за пределами восприятийно чувствующегося и, следовательно, за пределами познавательных возможностей. Попытки же разума познавать находящееся за пределами восприятийно чувствующегося объявляются неправомерными именно потому, что оно нечувствующееся. Мы ясно видим, что проблема создана здесь именно сведением всех форм познания только к формам восприятийно чувственного познания и эмпирического опыта. Но разве несовместим принцип материалистичности (всякая истинная идея должна соотнобразовываться с отображающимся в ней предметом и соответствовать ему как он есть на самом деле в себе и для нас) и попытки разума познать и чувственным восприятиям недоступное, в том числе и безусловное первоначало? Вся задача состоит только в том, чтобы познать то и научиться тому, что, как и каким нужно мыслить, чтоб оно было истинным при соотнесении его к завосприятийночувственному. Ведь мыслить любую идею мы можем не как угодно, а только как протяженное нечто антиощущения, ограниченное своим ничто от иного. А разве в завосприятийночувственном реальном мире все состоит не из нечто и ничто? Конечно же, что только из материальных нечто и идеального ничто!

Мыслящиеся протяженность антиощущения и форма его границы-ничто — это и есть то, что субъект берет из самого себя (извлекая его из памяти, зафиксировавшей последствия чувственных восприятий), а какими, сколько и как он будет их мыслить, это он должен сообразовать с предметом познания, если он желает получить истинное знание, истинное отображение в них

предмета познания. Если мы можем по природе нашего мышления мыслить смысловой элемент, образованный протяженностью только одного какого-то неразличного в себе антиощущения (воспоминание ощущения только такой-то твердости, или только такой-то зелени, или только такого-то тона звука, или любого другого, но одного и неразличного в себе ощущения) и формой границы-ничто его с иным антиощущением, то этим же мы и можем истинно отобразить протяженности любого неразличного в себе качества и любую форму границы-ничто любого сколь угодно малого элемента бытия и сущего реальности, как бы глубоко в микромире они ни находились и какими бы малыми они не были.

Кант рассуждает так: если предположить, что предметы как явления сообразуются с тем, как мы их представляем, невозможно мыслить безусловное первоначало без противоречия отпадает, т. к. чистый разум может спекулятивно мыслить безусловное в вещах в себе еще до приобретения опытного знания о них. Чувственно невоспринимающееся разум может мыслить, по Канту, лишь в том смысле, что он может мыслить идеи, регулирующие рассудочную обработку данных восприятия чувственного опыта; а познать же то в предмете, что недоступно чувственным восприятиям, разум не может, по Канту, т. к. перевести спекулятивно мыслящее в чувственность закрепленный опыт не может, а поэтому и безусловное начало он истинно познать не может. И если разум отваживается выйти за пределы опыта, склонность к чему у него есть, то неизбежным результатом этого будет не расширение, а сужение применений нашего разума, т. к. он вышел оттуда, где только он и может с пользой работать, а перешел туда, где он ничего не может достичь, а только может без пользы умничать. Выход же разума в эту запытную область оправдывается только существованием безусловной необходимости практического применения чистого разума (нравственность, религия, см. т. 3, стр. 569-575 и далее). Более того, «если же мы отказываемся от этого ограничения идей чисто регулятивным применением, то разум различными путями впадает в заблуждения, покидая в этом случае почву опыта, который ведь должен содержать в себе вехи для его пути; он отваживается тогда выйти за пределы опыта в область непостижимого и недоступного исследованию и неизбежно испытывает головокружение на этой высоте, так как с этой точки зрения он видит себя совершенно отрезанным от всякого согласного с опытом применения» (там же, стр. 583).

Или вот еще его обоснование невозможности познания за-
восприятийночувственного: Если объект как вещь в себе пред-
стает нашему познанию только явлением, чему посвящено об-
ширное обоснование, то причинность, обнаруживающаяся по Кан-
ту только в опыте, присуща только вещам, являющимся нам в
опыте, а сами в себе они не подчинены причинности. И тогда вся-
кая вещь в себе, с одной стороны, не подчинена закону причин-
ности и поэтому свободная, с другой стороны, она несвободна,
т. к. как явление она причинно обусловлена. Из этого, Кантом
сконструированного, противоречия он делает вывод, что разум не
может, а следовательно и не должен и познавать вещи в себе, и
искать для этого основания и пути выхода за пределы опыта, за
пределы чувственным восприятиям доступного, а должен сосре-
доточиться на познании опыта и его субъективных априорных
форм. Из нагромождения ложных посылок и выведений и вывод
дается ложный. Разве разум не может мыслить такое смысловое
содержание идей, которое предназначалось бы для отображения
того, что еще ни разу чувственно не воспринималось или что и
вообще никогда не может чувственно восприниматься? И разве
ему это не удавалось уже делать, например, в делах познания
молекул и атомов?! Разве из того, что что-то еще не познано,
следует, что его познавать невозможно и не должно? Разве в
том, чем вещь является для нас и запечатляет себя в наших вос-
приятиях ее, не раскрывается, хотя бы частично, и ее сущность и
то, чем она есть в себе? А причинность разве в нашей привычке
наблюдений? Таким образом, по Канту, знание чувственно невос-
принимающегося невозможно лишь потому, что все и всякое зна-
ние он сводит к опыту, чувственностью закрепленному или могу-
щему стать таковым. И поэтому познание чувствами невосприни-
мающихся уровней сложности оказывается невозможным. Канту
пришлось ломать голову над необходимостью согласовать свою
концепцию с тем, что естествознание своими вторжениями в мик-
роуровни и мегауровни уже фактически показало возможность
априорного познания. Вот и сконструировал он систему, удовлет-
воряющую и эмпирическое естествознание, и религию, и тех, кто
ищет средств для обуздания правдоискателей, жаждущих истин-
ного и исчерпывающего познания и стремящихся раскрыть все
тайны и осветить все устои того, что есть, что может и что долж-
но быть, — для обуздания умников, — сочинил философию, при-
емлемую для правительств, религии и науки того времени.

А в рассуждениях своих Кант ведь базировался на действительно существующих и дающих о себе знать гносеологических проблемах. Ведь и в данном исследовании было выяснено, что до получения хоть каких-нибудь первых чувственных восприятий человек не может ничего мыслить, т. к. образование в умознании смысловых элементов начинается запечатлением в структурах элементов памяти структуры-ничто и структур-ничто чувственных восприятий. Но после образования в памяти последствий, фиксирующих собой архитонику чувственно-восприятийных данных, и после развития способности к извлечению их из памяти и к мысленной обработке их (к мышлению) появляется возможность изменять структуру смысловых элементов (антиощущения с границами-ничто) и из них состоящего или образующегося смыслового содержания, появляется возможность изменять и логику мышления и соотношения мыслящегося, чего Кант и не видел, а останавливался на опыте и этим разрывал действительный ход развития знания и познания от чувственно воспринимавшегося к запомнившемуся, затем от запомнившегося опыта к представлению; представление творчески сформированное и могущее быть априорным он противопоставлял представлению извлеченной формы, сводя все познавательные способности только к последнему. Многие идеи Канта содержатся и в позитивизме: ограниченный практицизм и прагматизм; неверие в умозрительные, отвлеченные от непосредственного чувственного восприятия предмета, познавательные способности человека и сведение их к эмпирическим и рассудочным формам; признание лишь описательной функции науки, отвечающей лишь на вопрос: как? а не на вопрос: почему?; отрицание научных теорий социального развития и возможностей социального прогнозирования. Далее последуем совету Канта, что если кто-либо после всех его «разъяснений все еще не решается отказаться от чистого трансцендентального применения категорий, то пусть он сделает попытку построить из них какое-нибудь синтетическое утверждение» (т. 3, стр. 312), и продолжим уяснение смыслов понятий о всеобщих началах бытия, о простейших элементах сущего реальности с тем, чтоб истинно познав их как последнюю или первую вещь (в зависимости от того, с чего начинать и куда идти) синтетически выводить затем из них истинное знание о недоступном чувственному восприятию.

III

Нам уже известен тот путь, каким мы приходим ко всякому знанию, успешное выведение которого в «Прологах...» является достаточным объяснением и доказательством того, что знание не врождено. На пути передвижения отображения из объективной в субъективную реальность передающие его друг другу элементы меняются. Из объективной среды оно входит в структуру элементов субъекта; из всеобщей формы отображения оно становится восприятием как специфической формой отображения, свойственной живым организмам; затем оно становится запомнившимся опытом; затем — мыслящимися представлениями, из которых субъект только и может формировать или выводить различные идеи, мысленные системы. Умосознание (= сознание, яйность, память и опыт) и все остальное в организме состоит из материально-идеальных элементов реальности (протяженность каждого из которых составлена материей, а форма границ между которыми в месте взаиморазличения фиксируется идеальным ничто). И нет в организме и в его умосознании ничего отличного от материальных нечего и идеальных ничто. Организм человека в процессе отражения и взаимообмена с окружающей средой строит свое тело, подвергается воздействиям внешнего извне и сам действует на внешнее, воспринимает отображения и сам производит их. И весь секрет лишь в том, какая структура и из каких элементов образуется в нем, которая оказывается способной расти, развиваться и реализовать собой чувственность, самодвижение, самооживление, восприятие, запоминание, привыкание, потребности, воспоминание, мышление и действование, управляющееся мыслящимся или привычкой. Сознание (как и яйность, и память, и умосознание) есть лишь специфический материально-идеальный продукт соответствующей организованности всеобщих начал бытия и материально-идеальных элементов сущего реальности; и нет здесь ничего такого, что было бы не из тех всеобщих исходных начал бытия и сущего, из которых все образуется, состоит, организуется, развивается и обуславливается и в которые все разлагается. Значит объяснения всего и должны быть получены в результате мысленного выведения умозрительных моделей из отчетливого и абсолютно истинного знания этих первоначал.

Мы теперь знаем, что представлять мы можем и при отсутствии воздействия предмета на нас в данное время. Представляют же, например, инопланетян, не видевши их! Но мы не можем представить себе ничего до получения хотя какого-нибудь чувственно-

го восприятия. Соотносить же и сличать представление мы можем или к чему-то реальному вне нас или в нас, в это время воспринимаемому нами, или к своему представлению об этом реальном. Если речь идет не о восприятии, а о представлении, например, дерева, то смысл понятия дерево я могу относить или к восприятию данному дереву или к своему представлению дерева. Когда же я воспринимаю дерево, то я воспринимаю его извне. Беркли же здесь выдумывал обратный ход: из того, что мы можем представить идею о предмете вне связи с реальностью этого предмета, он пытался обосновать отсутствие реальности вне духа субъекта. Это «показывает только,—пишет Беркли,—что вы обладаете силой воображать или образовывать идеи в вашем духе, но не показывает, чтобы вы могли представить себе возможность существования предметов вашего мышления вне духа. Чтобы достигнуть этого, вы должны были бы представить себе, что они существуют непредставляемые и немислимые, что очевидно, противоречиво¹⁾. Да, мы не можем вынести свою мысль из себя и посмотреть ею на предмет реальности, подобно тому, как это делает мистифицированная гегелевская идея, саморефлексируясь и вынося себя из себя для самосозерцания. Потому что как мыслящее умознание, так и мыслимое им знание, являясь реальными образованиями структуры элементов субъективной реальности, могут быть тем и таким, чем и каким они есть именно в той и такой среде, в той и такой структуре взаимоотношения со своим отражением, какие необходимы им для того, чтобы быть такими, какими они есть сами по себе и для обладающего ими организма, обеспечивающего им соответствующие условия и управляющего ими. Реализация процесса мышления осуществляется специфическими элементами и структурами субъективной реальности в соответствии с их реальными свойствами, специфика проявлений которых обусловлена спецификой условий. И все это является следствием специфической организации взаиморасположений исходного состава начал бытия и наименьших элементов сущего реальности, образующих собой субъект и его объективное окружение, из истинного знания которых все это может и должно быть выведено. Подчиняемость процесса мышления свойствам и закономерностям взаимодействия его реализующих элементов реальности в соответствующих составах, структурах и условиях доказывается не только выводимостью знания о живом

1) «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 517.

и о мышлении живого из знания о неживой и о немыслящей реальности, но и тем, что доказательства, как формы мышления людей, убеждающих друг друга в чем-то, возникли у людей и реально существуют: если бы в реальности не следовало что-то одно из другого или могло бы не следовать, то и в мышлении следование и доказательства были бы невозможны.

Беркли просто не различает восприятия и представления как формы познания и не видит или не хочет видеть, что в восприятии реальный предмет дан реально, а в представлении или в понятии предмет дан отображением его в смысловом содержании этого представления или понятия; восприятием же идущее в наше сознание отображение этого предмета не соотносится нами к нему, а реально исходит от него и входит к нам; а отображение предмета в форме представления мы сами можем соотносить и соотносим к реальным предметам, к иным представлениям, сопоставлять их друг с другом, образовывать из них различные взаимосочетания и взаиморасположения, а можем сопоставлять их и сличать и с чувственными данными текущих восприятий.

Скептицизм направляет свои удары не против отдельных положений материализма, а против одного, но того основного, с устранением которого сами собой исчезают и все остальные — против положения, что вне нас существуют какие-то вещи, которое якобы не опирается ни на какие основания, не подкрепляется никакими выводами. Но разве то, что мы не можем вызвать в себе чувственное восприятие внешнего предмета без живого чувственного наблюдения этого предмета, не является предельно убедительным доказательством, что воспринимающиеся предметы существуют вне воспринимающего их сознания? Ведь если бы воспринимающиеся предметы существовали только в составе тела субъекта и не имели бы они инакостей проявлений себя по отношению к проявлениям субъективного, то они не могли бы и восприниматься. Если бы видящееся глазами существовало только в глазах, то кошка впивалась бы своими когтями не в мышь, а в собственные глаза, как это остроумно заметил Фейербах. Ведь нет ответа, да и не будет истинного ответа, на вопрос Л. Фейербаха: «Каким образом может человек вообще обнаружить свои ощущения, если нет ничего вне его; как может он объективировать что-либо, если не существует вообще ничего другого, ничего объективного?»¹⁾). Сам факт реальной воспринимаемости предмета является доказательством того, что он существует вне субъек-

1). Л. Фейербах, Соч., Госиздат, М.—П., 1923 г., т. 1, стр. 251.

тивного и существует как-то иначе, чем существует субъективное. Если есть отображение, данное в восприятии (а восприятие есть специфическая форма отображения), то это значит, что есть отображающее и отображающееся; при отсутствии того или другого, или того и другого, воспрятийного отображения быть не может.

А если дающий нам чувственные восприятия предмет существует вне субъекта, то разве он может существовать так, чтоб воспринимающееся нами в нем существовало вне нас, а не воспринимающееся, но составляющее его сущность, состав и причину его существования, чтоб существовало в нас? Если я воспрятийно чувствую, то это несомненно удостоверяет меня, что существует нечто иное, чем Я, и что существую Я как воспрятийно чувствующее, а не в том, что я чувствую только себя. А если я мыслю, то это несомненно удостоверяет меня, что я существую как мыслящее существо или как познаватель. Но если я мыслю что-то, то кроме меня как мыслящего есть еще и мною мыслящееся смысловое содержание, которое может быть истинным или ложным при соотнесении и сличении его с той реальией, для отображения которой оно мыслится, т. к. и эта реальия может разложиться или измениться (очень во многом и на много: и по составу, и по строению, и по месту нахождения, и пр.) и смысловое содержание, извлеченное из памяти или творчески сформированное, может быть ошибочным и не иметь соответствия или очень на много и во многом измениться. Вот почему нельзя от наличия представления в голове человека умозаключать об обязательном наличии в реальности в точности ему соответствующего предмета. Но из этого (из наличия представления в умознании данного организма) можно умозаключать, что этот организм все же чувственно воспринимал когда-то какие-то предметы реальной действительности, т. к. различные антиощущения и границы между ними, из которых только и может образоваться представление, могут образоваться и извлекаться из памяти лишь вследствие бывших чувственных восприятий. А из этого можно умозаключать о наличии объективной реальности, т. к. какое бы представление ни было, но всегда оно есть комплекс антиощущений, или без мысленной обработки извлеченный из памяти или творческим мышлением сформированным.

Ясно также и то, почему нельзя умозаключать об отсутствии в реальной действительности того, представления о чем нет в

голове умозакляющего человека. Лишь от максимально истинных и достаточно глубоких, полных и всесторонних представлений о предмете и о его развитии и прочих свойствах и возможностях и о себе можно умозаклять об этом предмете познания и руководствоваться такими умозакляениями в поведении, в действиях. И если мы сможем сформировать истинные представления и о том, что непосредственному чувственному восприятию не доступно, то из этого можно делать умозакляение, что реальные прообразы этих представлений есть или существуют.

IV

Как же решается гносеологическая проблема, вызывающаяся тем, что умосознание находится в окружении организма и само не имеет возможности выйти из субъективной реальности в объективную для познания последней? Как познать объективное, если познающее субъекта не может выйти из субъективного в объективное? А без познания объективного, выделившего из себя исходный материал для образования и развития субъективного и обусловившего собой развитие субъективного, невозможно же познать и субъективное, невозможно познать самого себя, да и вообще ничего невозможно познать. Если «душа» ничего не знает про другое себя, то как она может познать себя и отличить себя от другого? А если она не знает самое себя, то как может она верно судить о другом? Значит знание про Я и про не-Я необходимо выводить из результатов взаимодействия и развития того, что развивается в умосознание субъекта, и того, что его окружает, возвращает и обуславливает, уясняя и уточняя эти результаты и знание о том и другом методом последовательного приближения к предельно возможной истинности и исчерпанности знания о проявлениях, о развитии и о взаимовлияниях и взаимообуславливаниях того и другого.

Однако логический метод выведения знания хотя и воспроизводит общий характер реального хода исторического развития предмета познания, но он не должен повторять его в подробностях и с повторениями всех зигзагов и шатаний на этом пути, если они не были несбходимыми для такого-то дальнейшего развития этого предмета. Из уяснения истории познания, ее уроков, из обобщения и подытоживания лучших результатов познания теория познания должна выявить и освоить тот кратчайший путь выведения знания об объективной и субъективной реальности,

который может делать индивид в онтогенезе. Благожелательные предки должны избавить своих потомков (как и родители своих детей) от повторения всех тех шатаний, проб и ошибок, которые выпали на их долю.

С чего же начинать: из не-себя или из себя? Начинать выведение знания из реального себя умосознание субъекта не может, т. к. само выведение любого знания невозможно без какого-нибудь изначально мыслящегося смыслового содержания мысли, которое только и может образоваться в результате последствий чувственного восприятия организмом внешнего мира, для чего необходимо предшествование объективного. А любой мыслящийся смысл выявляется в сфере яйности субъекта как соответствующий комплекс антиощущений, — в сфере яйности, которая проявляется как результат взаимовлияний сознания и его окружающего и его воссоздающего живого вещества живого организма. Может ли живой организм, развивающийся к способности мыслить, начать свое существование тем, что он начинает мыслить? Это значило бы, что первым проявлением его живости должно было бы быть мыслительное усилие его умосознания. Но если до этого у этого организма не было еще никаких восприятий, то в умосознании не может появиться и выясниться хоть какой-нибудь смысловой элемент.]

«Если для Декарта началом было мыслящее «Я», превратившееся затем в мыслящую субстанцию, то Спиноза начинает с объективного бытия, подвергает его всестороннему рассмотрению и лишь затем переходит к человеку...»¹⁾. «От вещей ли идти к ощущению и мысли? Или от мысли и ощущения к вещам? Первой, т. е. материалистической, линии держится Энгельс. Второй, т. е. идеалистической, линии держится Мах.»²⁾. «Начать философию с «Я» нельзя. Нет «объективного движения»³⁾.

Может ли в онтогенезе живого организма мышление получить первое знание именно о внутренней и центральной сущности себя, о своем умосознании? о своей душе? Нет, не может, т. к. первое, с чем сталкивается сознание в первом акте своего существования, это поступление ощущений или антиощущений в

1). Ю. К. Мельвил. «Декарт и Спиноза о начале философии», ж. «Вопросы философии» № 2, 1978 г., стр. 140.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 35.

3). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 93.

него и через него, но не из него. До образования первых смысловых элементов в памяти, в умосознании рождающегося организма в то, развивающееся у него реальное материально-идеальное образование, которое затем берет на себя реализацию функций сознания, может поступить сначала или потребность, усиливающая силу и активность сознания до способности вызвать антиощущение, или может поступить сначала ощущение. В первом случае в умосознании смысловой элемент образоваться не может, т. к. передвижением тех нечто, накоплением которых формируется и проявляется потребность, не реализуется передача, перенесение структуры-ничто, т. к. все эти нечто есть то, что поступает туда, откуда уходит нечто элементов сущего, ничем не отличаются друг от друга, с какого бы участка тела в организме они не поступали. И поэтому они не могут поступая на соответствующие участки памяти различно оструктурировать их и этим фиксировать форму границ-ничто (в «Логах...» это будет объяснено исчерпывающе глубоко и понятно). Накопление их вызывает расширение и усиление сознания и им вызываемое волнение, которое вызывает активацию движений организма, этим сознанием обладающего, в окружающей его среде и поступление восприимчивых данных от взаимодействия его тела и органов чувств с внешним миром, что и приводит к фиксации в памяти смысловых элементов, отображающих внешний мир, объективную реальность. Таким образом, в том и другом случае в умосознании могут появиться первые смысловые элементы как воспоминание запомнившихся последствий чувственных восприятий объективной реальности, т. е. как протяженности антиощущений и формы их границ, которые могут затем мыслиться. Следовательно и выведение знания мы должны начинать не из знания о своем сознании, как это безуспешно пытались делать субъективисты, а из знания об объективной реальности. И все же, могут сказать, гносеологическая проблема, связанная с заточением умосознания человека внутри его организма, остается!? Ведь мы выводим знание из знания, а знание выйти за пределы своей локализации в умосознании субъекта не может!? Как выйти из заточения в субъективной реальности тому, чем субъект познает объективную реальность, чтоб непосредственно «посмотреть» на нее какая она? Да, мысль субъекта не выходит за пределы той границы-ничто, которой она отделяется от иного; тем более она не выходит в объективную реальность.

Но мысли и не нужно выходить из места своего проявления и за границы субъекта. Мышление может и должно вывести знание о всем интересующем или извлечь его из памяти,—вывести из исходных смысловых элементов или из извлеченного из памяти. Человек даже оказавшись в мешке обладает многими возможностями познавать и то, что в мешке, и то, что за пределами мешка. И так как реальная действительность развивается из своих глубинных начал и в этом развитии в соответствующих условиях доходит до образования живого из неживого и до образования в некоторых живых организмах реально проявляющихся процессов познания ими себя и их окружающего развившимися в них формами познания, в том числе и понятиями, как это у людей, то в соответствии с этим и при познании всего этого выведением из исходных понятий о всеобщих исходных и глубинных началах бытия и сущего по достижению того, когда начинаем логикой понятий отображать процессы и формы познания и когда исследуем такую форму познания как понятие, мы обнаруживаем потребность понятиями отображать понятия как форму познания,—потребность оперировать такими понятиями, которые являются понятиями понятий, т. е. которые своим смысловым содержанием отображают понятие как форму познания. А это необходимо различать в соответствии с существенным для материалистического или истинистского мировоззрения гносеологическим положением, требующим—во избежание заблуждений и соскальзываний и соскоков из понятий одного уровня на понятия другого уровня—различения реальных предметов познания и тех форм познания, которыми человек отображает (познает) эти предметы. Т. е. при изложении соответствующих гносеологических вопросов получается как бы двухъярусность: логикой понятий выражают идеи о понятиях и об отражении понятиями предметов познания. А от выражения этой двухъярусности логикой понятий получается и трехъярусность как это видно из этого абзаца. В результате этого и получается, что несмотря на то, что мысли человека не могут выйти из его умосознания, в его организме находящегося и производящего эти мысли, в объективную реальность или в чувственно невоспринимающийся микромир (чтобы непосредственно «посмотреть» на предмет познания), человек все же может истинно отображать иерархическую многоуровневость вещественных образований, об-

разующихся и развивающихся из глубинных всеобщих начал реальности,—отображать мышлением, переходя из логики понятий одного уровня на логику понятий другого уровня. Иерархия уровней сложности элементов объективной реальности может и должна отображаться иерархией уровней сложности смысловых элементов.

Реальные взаимосоприкосновение и взаимодействия субъективного и объективного через ничто, прерывающее их в местах их взаиморазличия и фиксирующее собой форму протяженности объективного или и субъективного, вызывают соответствующие изменения в объективной и субъективной реальности, которые фиксируются формой структуры-ничто отображений, индуцирующихся процессом отражения и распространяющихся как в объективной, так и в субъективной реальности, которые затем воспринимаются субъектом при достижении этими изменениями порога чувствительности и различающей способности органов чувств. Последнее влечет за собой образование запомненного и возможность извлечения смысловых элементов, и все последующее происходит так, как это мы уже уяснили. Возможность для выведения знания мышлением появляется с образованием мыслящегося, как последствия восприятийно чувствовавшегося. Значит сущность восприятийно чувственных данных следует уяснить (опираясь на результаты истории познания) и взять в них то, что окажется пригодным для образования смысла понятий о тех первоначалах реальности, из знания которых затем можно было бы истинно выводить истинное знание о всем нас интересующем, в том числе и сенсуативную и рациональную экзистенцию человека. Кажущаяся недоказуемость любого чужого сознания, за исключением моего собственного, и строящийся на этом солипсизм преодолеваются выводимостью его образования из истинных всеобщих фундаментальных начал. Мои предложения могут сообщить о моих представлениях о мире другим людям через них вызывающиеся у них ихние же представления; и всякий может знать о содержании моих внутренних переживаний, т. к. у каждого можно вызвать языковыми средствами представления, воспоминания о подобных его собственных переживаниях.

А что в чувственных данных такое, что является общим для любого чувствующегося и для любого человека и что могло бы быть соотнесено к любому элементу нечувствующейся реальности

ти? Да это-же протяженность как-то ощущающегося нечто, протяженность соприкасающегося с ним и как-то иначе ощущающегося нечто и ничто между ними! Это они являются абсолютно первыми и совершенно безусловными основоположениями всякого знания. Следовательно, необходимо раздробить все и всякие структуры смысловых содержаний всех и всяких наших представлений до того простейшего и наименьшего смысла, который наше мышление может мыслить на пределе своей способности хоть что-нибудь правильно и четко мыслить как наипростейшее; мысленно соотнести его к тем наипростейшим элементам сущего реальности, из которых все сущее образуется и в которые оно разлагается, и которые, конечно же, имеют протяженности их составляющих нечто и границы-ничто их взаиморазличения, мысленно наделить их истинными, безошибочно разгаданными взаимосвойствами и мысленно и последовательно выводить из них получающееся истинное знание о всем нас интересующем. Необходимо и, как оказалось, можно мысленно разгадать то, сколькими исходно разными и какими должны быть эти начала бытия и сущего, чтоб из них смыслологически само-причинно-следственно истинно получилось мысленное выведение всего того, что мы вообще можем и желаем истинно и исчерпывающе познать. Как только в ходе этого выведения мы придем к знанию о предметах таких уровней сложности, которые могут быть чувственно восприняты, тогда мы получим в них еще и фактический критерий истинности этого знания. Начиная с такого всеобщего знания, которое предельно точно соответствует чувствующейся и нечувствующейся реальности, (нечто, иное нечто и ничто между ними) и ведя логически ладное, самополучное умозрительное выведение, умознание приходит к познанию чувственности и чувствующегося и проверяет это знание в чувствующемся.

Возможен ли иной путь развития познания, дающий такое же или более исчерпывающее и истинное знание? Нет! Возможна ли иная более исчерпывающая и истинная философия как система позитивного и полезного для практики знания? Нет! Возможен ли субъективизм, как истинная философия, начинающая выведение всего и всякого знания от сознания субъекта и принимающая сознание субъекта за безусловное первоначало всему? Нет, невозможен! Если и можно провести истинное выведение (= логически непротиворечивое выведение последствий из исходного, соответствующее самополучному развитию из начал того, что этим

выведением познается), начинающееся от Я, то лишь как обратный, попятный ход в сравнении с излагающимся. Но это будет одна и та же система знания, изложенная в обратном ходе логического вывода; это будет не выведение эмерджентного и обусловленного из его изначально составляющего и его развитие опричинивающего и обуславливающего, а сведение эмерджентного и обусловленного к опричинивающему и обуславливающему, что ставит ее в несоответствие с онтологическим развитием реальности (от простого к сложному, от нечувствующегося к чувствующемуся, от невидимого к видимому, и от немыслящего к мыслящему) и с онтологическим зачатием и развитием знания у субъекта (от чувственного восприятия внешнего мира к осознанию своего существования и от исходных элементов знания к составлению из них сложных идей), что ставит ее разве только в соответствие с регрессом, с разложением сложного результата развития на простое, и тогда это будет не выведение, а сведение выведенного к тому, из чего оно выводится. Да и история познания свидетельствует, что попытки начинать выведение знания от Я появлялись лишь после того, как развитие познания, начинавшее с познания внешнего, доходило до попыток познания познающего. Отсутствие возможности для создания иных не менее истинных всеобъемлющих философских, объяснительных систем позитивного знания, что обуславливается одноэкземплярностью абсолютно все в себя включающей Вселенной, идейно обезоруживает реакционные, неблагопрогрессотворные силы и вооружает истинно прогрессотворных людей победоносным идейным оружием единственно и наиболее истинной и во всех других отношениях более совершенной и превосходной СНОЗ.

§ 3

О характерном для материалистического мировоззрения

I

Для неоматериалистического или истинистского (чтоб отмежеваться от монистического материализма) мировоззрения наиболее характерно следующее:

— признание того, что вся реальная действительность состоит из объективной реальности, имеющейся вне познающего ее субъекта, и той реальности, в которой эта объективная реальность

отображается, которая составляет собой субъект, познающий, отображающий в себе как объективную реальность, так и себя, субъективную реальность, т. е. признание того, что вся реальная действительность состоит из объективной и вырастающей и развивающейся из нее субъективной реальности;

— признание тождественности, одинаковости того всеобщего глубинного исходного материала, из которого получаются все процессы и образования как в объективной, так и в субъективной реальности;

— признание отображаемости объективной реальности в субъективной и субъективной в объективной; признание познаваемости как объективной, так и субъективной реальности;

— признание того, что мысль, идея, отображающие предметы познания, не есть каким-то объективным духом, какой-то самостоятельной и от субъекта независимой сущностью, обитающей вне организма субъекта, вне области его умосознания, а является продуктом его мыслительной и познавательной деятельности;

— признание того, что мысль, идея субъекта о предмете познания не есть сам этот предмет познания; признание того, что предмет познания, познающаяся природа не создается умосознанием, а познается; и признание того, что содержание мыслей, идей, предназначенных для отображения (для познания) предмета, необходимо соотносить, приводить к соответствию с этим предметом познания, а не наоборот (если речь идет, конечно, о познании предмета, а не о преобразовании его к соответствию с замыслом). И признание того, что именно в этом (гносеологическом) смысле смысловое содержание мысли вторично по отношению к отображаемому в нем предмету, хотя по последовательности происхождения оно может быть первичным или вторичным в зависимости от конкретного примера (Конкретный человеческий индивид может заранее сформировать в своем умосознании представление о каком-то предмете или веществе, которые затем могут быть созданы из соответствующего исходного материала, если представление и прочие идеи, которыми при этом руководствуются, истинно отображают исходный материал и возможности создания из него задуманного). А если речь идет о том, что сначала образовалось: эти конкретные мысли этого человека или те вещественные образования в его организме, результатом существования которых является проявление у этого человека этих мыслей, то ясно, что эти конкретные мысли будут вторичными;

— признание того, что научные теории (особые сложные системные образования из достаточно развитых понятий и идей) должны быть истинными отображениями объективной и субъективной реальности («Признание теории снимком, приблизительной копией с объективной реальности,—в этом и состоит материализм»¹); признание возможности истинного отображения реальности в научных теориях; признание необходимости исчерпывающе истинного, максимального, исчерпывающего во всех возможных направлениях и отношениях и по возможности окончательного познания реальности и максимально возможного развития и использования всех к этому ведущих познавательных способностей человека (Ясно, что этого можно достигнуть окончательно и истинно познав то, из чего и как все начинается, как, чем, во что и почему оно развивается и обуславливается, и во что и почему разлагается).

Все это согласуется с выражением Ф. Энгельса: «...Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений»²).

Но признание того исходного начала, из которого все в реальности изначально составляется, образуется, начинается, развивается и обуславливается и в которые все разлагается, изначально одним-единственным (а следовательно изначально одинаковым и неразличным в себе), — признание монистичности начала и монистической логической формы выведения из него объяснений развития всего в реальности — гнсеологически несостоятельно, идеологически не оправдано (не прогрессотворно), не соответствует фактическому состоянию этого в реальной действительности, препятствует, вредит дальнейшему прогрессу научного познания и поэтому вовсе не нужно считать характерным для неоматериалистического мировоззрения. Связывание сути материализма, марксизма-ленинизма с признанием только одного изначального неразличного в себе начала и делает эту логико-понятийную систему неспособной логически корректно вывести и объяснить развитие реальной действительности из ее глубинных и всеобщих начал до живости живых организмов и их умознания и процессов познания включительно. Связывание сути диалектичности материализма или марксизма-ленинизма с сутью

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 281.

2). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 20, стр. 511, 513.

того ядра гегелевской диалектики (монистическая логическая форма выведения фиктивной противоположности из одного изначально неразличного в себе начала), которое было перенесено в эту логико-понятийную систему и все еще используется и защищается в ней, делает ее ограниченной, логически противоречивой и не соответствующей ею отображающейся реальной действительности, в изначальном и в последующих результатах своего развития имеющей все развитнейшие противоположности и различности, сдерживает дальнейшее прогрессивное развитие научного познания. Требование признания монистичности начала и монистической логической формы делает ее мало в чем превосходящей монистический идеализм. Необходимо очистить диалектический материализм от монистической логической формы с ее фиктивным выведением фиктивной противоположности из изначально одного монистического начала. «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще... картину мира...»¹⁾.

В. И. Ленин писал: «Энгельс говорит прямо, что «с каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественно-исторической области» (не говоря уже об истории человечества) «материализм неизбежно должен изменять свою форму»... Следовательно, ревизия «формы» не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом»²⁾. В данной работе («Прологи...» и «Логи...») и осуществляется такая ревизия материализма, которая приводит к отказу от монистической логической формы его, осуществляется формирование, выведение новых смыслов и состава исходных и фундаментальных гносеологических и естественнонаучных понятий, чем вызывается и обуславливается изменение и логической формы научно-познавательного мышления, что мотивируется необходимостью обеспечить дальнейшее закономерное прогрессивное развитие материалистического мировоззрения и всего научного познания, в результате чего вся нынешняя СНОЗ революционно переформируется в новую СНОЗ, включающую в себя не только философию и теорию познания, но и физику, и химию, и биологию, и все прочие объяснительные науки, — в новую СНОЗ с немонистической логической формой, которая

1). В. И. Ленин. Полн. Собр. соч., т. 18, стр. 296.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 265—266.

образуется новыми составом и смыслами исходных, фундаментальных понятий и ими обуславливающейся логикой со всеми ее исходными и производными формами.

II

Может быть разумно было бы сохранить монизм современного материализма, т. к. он все же в наше время является несколько более прогрессотворное мировоззрение чем монистический идеализм? Дело в том, что этого просто невозможно сделать, если не удерживать его от дальнейшего прогрессивного развития в направлении повышения его истинности. Ведь истинного объяснения развития реальной действительности невозможно получить из изначально одного (а следовательно и из изначально неразличного в себе) начала; а принятие различных или противоположных равнопервичных материальных начал связано с необходимостью принятия и идеального ничто между ними, равнопервичного с ними, что и делает его немонистичным. Трактовать же идеальное ничто как свойство материи невозможно, т. к. ничто не есть свойство, а как раз есть противоположность всякому свойству; оно есть конец, граница материального реализатора и носителя всякого свойства, посредством ничто ограничивающегося от материального носителя иного свойства. Оно ничто и только, в нем нет ничего; но оно есть (из того, что в нем ничего нет, не следует, что и его нет; из суждения: «В этом горшке ничего нет» не следует, что нет и «этого горшка»). Где есть идеальное ничто, там нет никакого материального нечто. Оно есть противоположность материи; оно не имеет в себе нисколько и никакого материального нечто, но само есть; такое оно и в объективной реальности (в началах и в случающемся развитии из них), и в восприятиях или в мыслях: каким бы ни ощущалось и ни воспринималось или каким бы антиощущением ни вспоминалось и ни представлялось всякое на самом деле имевшееся, существовавшее или имеющееся, существующее в реальности материальное нечто — волновое или корпускулярное, жидкое или твердое, лучеобразное, как-то цветное и т. д. — оно будет иметь переход от такого к иному через ничто. Оно есть прерыв протяженностей всех тех нечто, которые есть в реальности и которые вообще способен человек, познавая реальность, или ощущать и воспринимать, или антиощущать и представлять и мыслить как неразличные в себе и как отличающиеся от иного. Оно коренится и в объективной реальности и в субъективной, и в мышлении и в немышлении. Верно, что «Ничто это именно ничто и тем самым ничто и для мышления; о нем нельзя

больше ничего сказать»¹⁾), если, конечно, пытаться что-то сказать о нем без нечего. Ничто отрицает не само себя, а им отрицается, прерывается, приканчивается всякое нечто. Ничто не прозрачная бессущностная сущность, а одна из существенных составляющих сути всякого сущего. Фейербах же отождествляет ничто с небытием, т. е. с отрицанием бытия; ничто он мыслит как: не-есть. Но ничто между нечего, взаимосаморазличающимися или нами различающимися при познании, есть, хотя в нем и нет ничего своего. Его нет там, где есть нечего, но оно есть там, где нет нечего.

Иного отчетливого и ясного смысла идеального как противоположности материального и придумать невозможно и не нужно, т. к. для истинного объяснения процесса развития неживого в живое и живого в мыслящее, познающее и знающее нет необходимости изобретать еще какую-то специальную «духовную» идеальность, отличную от материальных нечего и идеального ничто; тем более нет необходимости делать это, применяя для этого логику фиктивного «выведения» фиктивной противоположности или такие противоречивые суждения как: материальное, будучи пересажено в голову, становится идеальным. Ведь от такой выдумки получается логическая эквилибристика: материя от пересадки ее в голову превращается в свою противоположность и становится якобы нематерией, а идеальностью, но такой, которая фактически не может быть идеальностью, т. к. любая голова любого человека состоит только из материи и может быть объектом для познания другим человеком и находиться вне головы последнего. И тогда эта идеальность исчезает, т. к. из монизма следует, что объективная реальность есть материя и только. Следовательно, смысл идеального получается таким противоречивым, запутанным и неясным, что то оно есть, то его нет, то оно есть и нет в одно и то же время в одном и том же месте, — в зависимости от того, кто берется за субъект, а кто, что, по отношению к чему и кем рассматривается как внешнее. Вот почему эта «диалектика» уж очень нравится тем, кто любит выкручиваться, выбрехиваться, хитрить, юлить, руководствуясь при этом не тем, чтобы достичь прогресса в познании и истинности его результатов, а какими-нибудь иными соображениями, далеко не всегда прогрессотворными и для него и для общества. Такой смысл идеального используется для обоснования диалектики алогизма, беспринципности, эгопрагматизма, обрекающих принявших их людей на флюгерство, на хаотическое

1). Л. Фейербах. Сочинения. М.-П.. 1923 г., т. 1, стр. 39.

слепое хвостистское следование туда, куда ведет его хаос текущих условий, его собственных настроений, похотей и политических при способлений и сует.

Если же мы все таки по каким-нибудь соображениям (скажем, по соображениям сохранения употребляемости некоторых высказываний авторитетов) идеальностью будем называть сознание, или мыслящиеся мышлением идеи, или еще что-то в мышлении или у субъекта, то тогда все это не будет противоположностью материи, т. к. появление, состав и проявление всего этого (как и прочего) без материи невозможно объяснить. Материя, изначально взятая как неразличное в себе нечто, без иных нечто, без противоположности, не может проявить ни движения, ни развития, ни отражения, ни любого прочего существования; и без принятия уясненного изначально ничто невозможно объяснить то, как же предметы дают знать о себе, находясь на расстоянии и не теряя своей материи. Потому-то и нельзя идеальное ничто принимать за свойство материального, т. к. свойство невозможно же оторвать от того, чем оно реализуется, чем оно проявляется и чему оно свойственно; а идеальное в отображении отчуждается от произведшей его реалии и распространяется в среде как структура-ничто, несмотря на то, что эта реалия от этого может и не терять своей материи и оставаться сохраняющей свои структуру-нечто и структуру-ничто, и несмотря на то, что элементы среды распространения отображений могут меняться. Отображение формы самолета может передаваться до принимающего его субъекта очертаниями формы множеств и фотонов, и атомов, и молекул, и нейробионов и пр. И прерывность материи невозможно вывести из изначально только одного и неразличного в себе материального, т. к. нечем и не от чего ему прерываться.

Материальное (в новом смысле) есть полностью и во всем противоположное идеальному (тоже в новом смысле этого термина); это те два противоположные понятия новой гносеологии, изменившей смысл и номенклатуру по сравнению с той старой гносеологией, о которой Ленин высказался как о такой, которая дальше «не пошла до сир пор, если не иметь в виду возможных изменений номенклатуры» (т. 18, с. 149). И не следует смешивать этот смысл с тем, который схож со смыслом термина: вещество, или с тем, которым в соответствии с монистической логической формой выражают принадлежность того, что называют материальным, к объективному, внешнему по отношению к мышлению,

или к мысли, или к сознанию. Материя не есть противоположность мыслящейся идеи, т. к. идея реализуется, проявляется и существует как феномен соответствующими материально-идеальными элементами. Представления, идеи, знания проявляются и мыслятся в форме особых психологических феноменов явности ($\equiv$ особый результат взаимовлияния и взаимодействия сознания и его окружающего вещества живого организма и его окружающей и пропитывающей среды), а именно в форме антиощущений, по сути своей являющихся тождественными противоположностями ощущений. Но суть их реализующих элементов одна и та же: это материально-идеальные начала бытия и элементы сущего реальности, образовавшиеся из всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего и разлагающихся до них, одинаково пригодных для образования из них всего вообще возможного в реальности (объективной и субъективной).

Потребность в измышлении еще какой-то идеальности как противоположности объективного для объяснения того, что мы называем духом, сознанием, мышлением или идеей субъекта, испытывалась потому, что сама материя ошибочно мыслилась косной, мыслилась метафизически, монистично, без тех изначальных противоположностей, без которых нет возможности истинно вывести и объяснить самоначинаемость существования и саморазвития всего сущего в реальной действительности из начал и аж до живого и мыслящего включительно, — без которых нет возможности истинно объяснить то, что же поступает в мыслящий человек истинный образ от отображающегося в нем предмета, или что создается и содержится в этом образе при творческом его формировании такое, что позволяет человеку не ошибаться (в соответствующей мере) относительно предмета познания, отнятие материи от которого для этого при соответствующих условиях не обязательно.

Мы видим уже из «Прологов...» (а в «Логах...» окончательно убедимся), что процессы отображения, мышления, познания и прочие, до сир пор не поддававшиеся удовлетворительным объяснениям, объясняются исчерпывающе, истинно выведением из исходных материальных нечего и идеального ничто. Так зачем же (кому выгодно) сохранять ныне употребляющийся ветхий смысл термина «идеальное», — смысл противоречивый и никем еще толком не объясненный и никому толком еще непонятный?

В моей работе принимается и доказывается изначальная равнопервичность не материи и сознания (или мышления, или мысли, идеи), а материального и идеального (в составе всеобщих исходных развитиетворных равнопервичных начал реальности) в обновленном смысле этих терминов; тогда как нынче считают, что все изначальное состоит, начинается и развивается только из материи, что сознание или мысль, идея являются идеальными, а идеальное считается нематериальным и трактуется то противоположностью материального, как-то образующаяся потом из изначальной одной материи, то особым свойством высокоорганизованного материального, то как вне индивидов обитающий дух социума или сгусток социальных отношений между индивидами в обществе, то как святой Дух Господа Бога без определений и доказательств истинности. смысла его, то как объективная Идея, то прочим образом. Сознание, мышление, мысль, идея, умосознание данного организма конечно же является вторичным по происхождению по отношению к тому в реальности, из чего зачинается, вырастает и развивается и сам этот организм, и по отношению к тому в этом организме, из чего они в нем получают и развиваются. Но нельзя утверждать, что сознание, мышление, мысль, идеи, умосознание вторичны либо первичны по отношению к материи (в новом смысле этого термина), т. к. ничего из этого без материи не может возникнуть и быть, не может получиться, образоваться и проявиться (ни сначала, ни в одно и то же время, ни потом).

Борясь против отождествления объективной реальности с субъективной и увлекшись защитой верного положения, что материя имеется, существует прежде и несравнимо больше вне сознания и ощущений или идей человека, отображающих ее, не только отвлеклись от трудного уяснения того, из чего же образуется, состоит, чем реализуется и как работает то, что называют сознанием, или ощущениями, или представлениями, или идеями, или всем этим, но и допустили полагание последних только идеальным, т. е. нематериальными и только. А т. к. все знание фиксируется у человека его восприятиями, памятью, представлениями и идеями, то у идеалистов и получается псевдовозможность софистически будто доказывать (с позиций монистического идеализма), что мир состоит только из идей, через практику переходящих затем в свою противоположность, в материю, которая на самом деле тоже есть идея, но находящаяся в особой фазе или позиции своего существ-

вования и развития — расщепилась на свои противоположности с целью самосозерцания себя собою, с целью демонстрации своей диалектичности и способности к такому вот развитию, с целью демонстрации своих объяснительных возможностей, почти равносильных с теми, которыми обладает монистический материализм, только из материи выводящий идеи, которые хотя и являются идеальными, т. е. не материальными, но в тоже время они же и не нематериальны, т. к. в мире нет, де, ничего, кроме материи...

К идеализму ведет не только «попытка мыслить движение без материи», как это отмечал В. И. Ленин (т. 18, с. 281), но и попытка мыслить сознание, или мышление, или мысль, или идею без материи, к чему приводит положение, что дух, сознание, идеи и т. п. идеальны и только; а т. к. идеальное считается противоположностью материального, то и получается отрыв сознания, духа от материи, мысли, идеи от мозга — получается «безмозглая философия». А когда идеальность трактуют как (выдают за) свойство материального (пусть даже и самого высокоорганизованного), то этим свойство материи выдают за ее противоположность. Но свойство материи не есть противоположность ее, а есть функция, есть проявление, есть движение ее и не может быть оторвано от нее и, напротив, исчезает или изменяется от разложения, существенного уменьшения, тогда как структура-ничто отображения, фиксирующаяся или в восприятии, или в мысленном образе, на самом деле отрывается от того, что в ней отображается. Неопровержимые и убедительные объяснения и доказательства этому изложены уже и еще будут (процессы отображения, способность структуры-ничто отчуждаться и распространяться отображением, несмотря на то, что его передающие и несущие элементы могут подменяться). А если считать, что материя есть только объективная реальность, данная нам в ощущениях, то субъективная реальность, ощущения или какие-то еще формы познания этого субъекта не есть материя или не имеют в своем составе их образующей и реализующей материи. И тогда получается, что субъективная реальность и формы познания отрываются от их реализующей материи и что отображения реального не могут прийти из объективной реальности в субъективную, в умознание, и не могут изойти из последнего в объективную реальность.

Восприятие, сознание, мышление, мысль, представление, идея, понятие и пр. без материи и идеального ничто невозможны. И во

всей реальности, во всей Вселенной больше ничего нет и выдумать правильно невозможно, да и не нужно. Любое, даже еле могущее мыслиться, может мыслиться лишь как хоть какое-нибудь антиощущение, имеющее в себе хоть какую-то протяженность та-кости антиощущаемости, отличающейся от соприкасающейся с ней другой иной антиощущающейся такости. А протяженностями антиощущений и формами границ-ничто взаиморазличения их между собой и отображаются (и только и могут отображаться) протяженности и формы границ любых материально-идеальных элементов.

Утверждать же, что умосознание или мыслящаяся идея развиваются из материи, но сами не состоят из материи, значит отрывать мысль от материи, «а это и есть философский идеализм»¹⁾. Существенное для материалистического мировоззрения признание вторичности по происхождению умосознания (= сознание, память, мысли, процессы и органы мышления) по отношению к тому, из чего оно образуется и состоит функционируя, не только не оспаривается в моей работе, но, напротив, отстаивается, развивается и укрепляется более глубоко, более ясно и основательно; и истинность этого положения неопровержимо доказывается корректной выводимостью всего этого из новых (по составу и смыслу) фундаментальных понятий — понятных, отчетливых, ясных и несомненно истинных, всеобщих и единственно наиболее пригодных для отображения всего в реальности, в чем убеждают «Прологи...» и окончательно убедят «Логи...». Отрицать, что умосознание зачинается и состоит развиваясь из того же, из чего состоит и развивается им обладающий организм и его окружающая и возвращающая среда, будет разве только тот, кто хочет протащить неистинную, фантастическую, сказочную идею, что умосознание обитает или может обитать без материи в каком-то ином потустороннем мире и затем вселяться в материальное тело человека.

Если мы на самом деле хотим избавиться от путаницы, получающейся от ныне использующихся определений и толкований смыслов понятий материальное и идеальное, если мы на самом деле хотим смыслами и логикой понятий по возможности наиболее глубоко и истинно отобразить (познать) любое, имеющееся в реальной действительности (и особенно то, как из неживого и безсознательного получается живое и обладающее сознанием, и из

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 284.

чего и как в живом получается сознание и что оно из себя представляет) и если оказывается, что есть логически правильная возможность получить такие исчерпывающие и истинные объяснения (лучшие, чем в нынешней старой СНОЗ) всех этих и других вопросов без употребления ныне использующихся неясных смыслов терминов «материальное» и «идеальное», а выведением их из всех тех понятий, которые необходимы и достаточны для этого и в составе которых основными являются понятия материального нечего и идеального ничто, то это же и есть доказательством того, что в реальной действительности нет какой-то такой реалии, которая не отображалась бы истинно новым смыслом и составом этих фундаментальных понятий и всем из них выводящимся и которая была бы или только в социуме (как это некоторые считают), или только в сознании (или сознанием) индивидуального живого организма (как это считают некоторые другие), или еще как-то иначе, и которая функционируя состояла бы не из всеобщих материальных нечего и идеальных ничто, а из чего-то иного по отношению к ним; — то это же и есть доказательство того, что ныне использующийся неясный смысл термина «идеальное» и термина «материальное» есть ненужный ошибочный, вносящий в знание шум и неразбериху, морочащий людям головы вымысел; — то зачем же, кому выгодно это сохранять? Для одурачивания народных масс? История развития научного познания дает много примеров того, что термины старых понятий продолжают использовать для выражения нового смысла их. И поэтому термины материальное и идеальное предлагается не выбрасывать, а использовать в новом смысле — как нечего и ничто, т. к. этот новый смысл их все же включает в себя и из старого смысла их кое-что существенное.

Учитывая новые смыслы категорий материальное и идеальное формулировку основного вопроса философии монистического материализма (что первично: материя или сознание? материя или идеи?) необходимо переформулировать так: что из чего происходит? развивается (а в объяснении должно выводиться)? — сознание? мысли? представления? идеи? из материальных нечего и идеальных ничто или последние из первых? При этом, признание вторичности сознания, представления или идеи вовсе не означает того, что в том, из чего они функционируя или проявляясь состоят и чем они реализуются, нет материального нечего, или идеального ничто, или того и другого, т. к. у них есть (и не может не быть) и материальное нечего и идеальное ничто.

Переосмысливать нужно и многие другие философские вопросы, а вообще-то все нужно переосмысливать.

Существует ли материя вне сознания? Конечно же! Сознание, взаимодействуя со своим организмом вызывает феномены яйности, которыми и фиксируются и переносятся отображения предметов познания. Но дело в том, что вне сознания (как и в нем) есть не только материя, но и ее противоположность — идеальное ничто. Умознание, сознание, мысль, представление, идея есть особые образования и процессы в высокоорганизованном живом организме, но так же, как и все прочее живое и неживое в реальной действительности, образуются и состоят из материи и ее противоположности. А знание о реальной действительности, фиксирующееся восприимчивыми феноменами яйности, памятью и смысловым содержанием представлений, необходимо и единственно возможно выводить из знания об этих началах ее. И если мы истинно познаем то, что находится за пределами восприимчивой чувствительности и различающей способности наших органов ощущения и восприятия, то отображение и объяснение его (восприятиям недоступного) можно и должно дать выведением из наших истинных умозрительных образов-представлений всего того глубинного и изначального, из чего и как получается интересующий нас предмет познания (атом ли, живая клетка ли, и пр.). И если в результате мы получим истинное чувственностью подтверждающееся отображение интересующего нас реального, чувственно воспринимаемого предмета познания, который при этом признается как реальная, существующая вне нашего сознания, который не отождествляется с нашими образами-представлениями о нем, то это и будет новый немонистический диалектический материализм, хотя при этом и для этого и признается (и выводимостью истинного объяснительного знания доказывается) наличие во всеобщих исходных началах бытия и сущего не только материального нечего, но и равнопервичного с ним идеального ничто.

Вдумайтесь, какая получается путаница от старых, ныне все еще использующихся, смыслов понятий материальное и идеальное и монистической логической формы выведения идеального из материального. «К первой группе свойств материи... следует отнести генетическую (каузальную) первичность материи, существующей

вне, до и независимо от сознания, и производность от нее отражающего сознания».¹⁾ Материя первична по отношению к сознанию? Но какая материя? Та, которая за пределами сознания? А если та, которая входит в состав того и образует то, что называют сознанием, то в каком смысле она может быть первичной? Если сознание вторично, то значит ли это, что в его составляющем, образующем и реализующем нет материи? Если в сознание составляющем и образующем нет никакой материи, то что же его тогда составляет, образует и реализует? Из чего оно состоит? Если материя есть только то, что существует «вне, до и независимо от сознания», то чем же является, из чего состоит сознание? Что же? Оно есть нематериальный дух, выделяющийся материей или богом? Или это Бог? Тогда чем и как он действует на материю? Если материей считать только то и при том все то, что существует вне нашего сознания, то сознание каждого из нас, существуя вне сознания другого из нас, будет материей и только? Куда же девается от этого идеальное сознание каждого из нас и что оно собой представляет? Так есть в реальной действительности что-то, кроме материи, или она из материи и только? Материя одна и неразличная в себе изначально как материя или изначально имеются разные материи? Если изначально имеются разные материи, то между ними в месте взаиморазличения неизбежно есть граница-прерыв и мы приходим к немонистическому началу. И если есть изначально различные материи, то зачем же изначально различное называть одним и тем же термином? А если материя изначально одна и неразлична в себе, то из-за отсутствия иного или противоположного она не может самополучно начать и продолжать саморазвитие и, следовательно, не сможет из нее вырасти не только сознание, но и самое простое и многочисленное сущее! Именно тут-то и требуется подключить или понятие бога, без истинного смысла его, или понятие духа без истинного смысла его, или понятие абсолютной идеи без истинного смысла ее, или прочее, хотя бы первоначально вводящее изначальноную материю в процесс развития, а то и далее управляющего ходом этого развития. Сохранять монистичность материализма и нужно разве только для этого, да для того, чтоб не портить отношений с архаичной и тормозящей научное познание теологией или с гегелевской диалектикой, которую с успехом можно использовать для обоснования и развития диалектики алогизма.

1). И. С. Нарский. «О философском значении ленинского определения материи», ж. «Вопросы философии», № 6, 1964 г., с. 43.

Могут сказать, что пусть, мол, будет так: объективная реальность, данная нам в ощущениях... (и все то прочее пусть будет сказано, что нынче говорят, определяя материю), будем называть материальным, а те феномены субъекта, которые есть чувственно-психические и интеллектуально-логические переживания и которыми он отображает и познает предметы познания, внешний мир, пусть будем называть идеальностью. Но в том-то и дело, что реализатором, носителем и выявителем этих психологических феноменов есть материальное и идеальное в новом смысле этих понятий; они есть результативный процесс, реализующийся специфической структурой, образующейся все из тех же всеобщих исходных начал бытия и сущего реальности, в которых нет ничего, кроме материальных нечто и идеальных ничто, и к раскрытию окончательного смысла которых мы и подходим.

* * *

— Из чего начиналось и начинается, состояло и состоит, почему, как, куда, к чему развивается или получается то, что есть я, что окружает меня и что я вижу? — спрашиваю я у монистического материалиста.

— Из материи! — отвечает он.

— А что такое материя? — спрашиваю его.

— Материя — это все то, что существует вне нашего сознания и познается нами! — разъясняет он в добавление к чему приводит и догму ленинского определения материи.

— Ты не крути! — говорю ему, — не выкручивайся, а говори прямо и честно, если знаешь. А если не знаешь, то честно признайся в этом. Я тебя спрашиваю: из чего начинается и состоит все то, что я вижу, что, следовательно, вне моего сознания. А ты отвечаешь мне, что из материи, т. е. что оно начинается и состоит из всего того, что я вижу, что вне моего сознания, т. к. это ты и называешь материей. Получается, что я спрашиваю, из чего состоит то, что я вижу, а ты отвечаешь, что оно состоит из того, что я вижу. Если материя есть объективная реальность, то зачем два разных названия для этого? для одного и того же? Ведь материя и объективная реальность, — это одно и то же, получается согласно такому определению материи?! Разве только для выкрутки? И какая же разница между таким объяснением и тем, которое отличается от этого тем, что вместо слова «материя» ставят слово

«бог» или «идея»? Это же не научное, а квазинаучное объяснение, в котором для объяснения объясняющегося используют в качестве основания это же объясняющееся, но лишь иным словом или словосочетанием называющееся: объективная реальность, данная нам в ощущениях, есть материя; а материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях. Вот и все, и никакого продвижения в объяснении объясняющегося нет! Т.е. это квазинаучное «объяснение» (тавтология) такого же вида, как, например, и вот такое: материальные тела с соответствующей силой (или мерой) взаимопритягиваются. Почему? Да потому, что между ними действуют гравитационные силы! А что такое гравитационные силы? Это соответствующие силы (или меры) взаимопритяжения! Это же не объяснение, а выкрутка от объяснения, морока, забивание головы вопрошающему, забивание баков и такое прочее. В этих и таких «объяснениях» не раскрывается же то главное и глубинно-причинное, следствием соответствующих множеств и структур чего и являются объясняющиеся реалии, данные нам в ощущениях, которые и необходимо бы раскрыть и объяснить выводением из абсолютно истинно познанных всеобщих фундаментальных глубинно-донных начал, которые непосредственному восприятийному отображению недоступны вообще. Ведь все видимое нами есть следствие всего невидимого, чувственностью незамечающегося и неразличающегося — из-за малости, мелкости, дробности своей.

Не получается же удовлетворительного объяснения и от того, что спрашивающим и ищущим причину какого-то события (процесса, явления), говорят, что это событие (процесс, явление) совершается потому, что в природе (в мире, во вселенной) действует, мол, такой-то закон (закон тяготения, например, или закон роста энтропии и пр.). Вот и получается, что «всеобъясняющее» слово «сила» заменили словом «закон», который ведь не объясняет, а описывает тот комплекс условий, при наличии которых неизбежно происходит это следственное событие (процесс, явление). Но это же «объяснение» проводится без раскрытия и при отсутствии знания того невидимого и неизвестного, истинным следствием чего и происходит так «объясняющееся» это событие. Это подобно тому, как предсказывать последующее продвижение тени, не видя и не зная того предмета и того источника света, которые дают эту тень и опричинивают и обуславливают ее поведение. Ничего же не объясняется тем, что подлежащее объяснению явление лишь описывают в новых терминах, за которыми не кроется ничего, кроме простой констатации этих явлений. А новой СНОЗ, в результате истинного познания всеобщих

фундаментальных глубинно-донных начал бытия и элементов сущего можно выводить объяснения поведения и возможностей иных поведений видимого вследствие умонаглядного прослеживания, выведения получаемостей из невидимого и из первопричиняющего, абсолютно истинно и исчерпывающе познанного.

Г Л А В А 3.

ЕЩЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ

§ 1. Чем должна заниматься философия?

I

В последние десятилетия в политических сферах широко применялась и все еще применяется тактика объединения различных политических группировок и тактика последующих фиктивных разделений и розыгрышей взаимоборьбы этих группировок с выработкой, приспособлением и использованием для этого различных философских и прочих идеологических концепций, запутывая и отвлекая ученых, философствующих мыслителей и общественных деятелей от разрешения важнейшей общечеловеческой проблемы — от дальнейшего прогрессивного развития научного истинного познания реальной действительности с целью решения извечной проблемы вглубь до дна исчерпывающего, вселенски наивысшего и истинного познания реальной действительности. И поэтому критический разбор и научный анализ развивающихся и использующихся при этом философских, мировоззренческих, политико-идеологических концепций и систем имеет важное значение в современной политико-идеологической и общественно-гносеологической ситуации, т. к. количество людей, отвлекающихся этим, вовлекающихся и участвующих в этом, расширяется несмотря на попытки деидеологизации и нейтрализации народных масс. Ученые, передовые интеллигенты, мыслители, писатели и различные общественные деятели ищут и стремятся создать наиболее прогрессотворнейшие идеи и решения актуальных индивидуальных и общественных проблем.

Поведение людей, успехи и неудачи их в их жизнедеятельности в решающей степени зависят от того, какими идеями и познаниями их умосознание вооружено, оструктурено и какими из них они руководствуются на самом деле. Ведь идеи бывают истинные и ложные или ошибочные. А по другому критерию они бывают

добродетельные и злоторные, благопрогрессотворные и злорегрес-
сотворные. А по третьему критерию они бывают такими, которыми
руководствуются в управлении своей и общественной жизнедеятель-
ностью, и такими, которыми не руководствуются (развлека-
тельные, например, или предназначенные для введения в заблуж-
дение других, и прочие). И поэтому вооружение умосознания лю-
дей смыслологикой оснований и основами такой новой СНОЗ,
которая дает возможность им так вглубь до дна исчерпывающе,
вселенски наивысше и истинно познать реальную действитель-
ность и себя, как это возможно вообще (и во веки веков, и ныне,
и людьми-землянами, и любыми инопланетянами), имеет чрез-
вычайно важное благопрогрессотворное значение. А логика равно-
весности объяснительных потенций взаимопротивоположных мо-
нистических философско-мировозренческих систем (монистичес-
кий диалектический материализм и монистический диалектиче-
ский идеализм) сообуславливают разделение людей на заидеоло-
гизированные группировки, разжигание гнева, вражды и пагубной
борьбы их между собой, в том числе и вооруженной, и подавление
наиблагопрогрессотворнейших истин, сил и дел неправдою и
несправедливыми подкупам и насилиями.

Чем должна заниматься философия?

Объяснение этого вопроса некоторые развивают, например,
вот в каком направлении: История развития познания свидетель-
ствует, что сначала все результаты объяснительного знания охва-
тывались наивной и примитивной древней философией. Но затем
высоблялись различные логико-понятийные объяснительные кон-
цепции, направления и системы, развивались самостоятельные на-
учные системы. Начались специализация, дифференциация, отпоч-
ковывание и выпадение из философии целого ряда наук. В насто-
ящее время этот процесс подошел к своему пределу: в философии
осталось — в качестве действительно философского предмета —
только диалектический способ мышления и понимание того, что
все движется, изменяется, вновь возникает и вновь исчезает. За-
коны же движения и изменения, возникновения и исчезновения
осмыслены Гегелем как ядро диалектической логики развития
идей, которые Маркс освободил от идеалистической оболочки и
успешно применил в качестве метода политической экономии. Сле-
довательно, учат фарисеи, современная философия только и может
и должна заниматься исследованием законов мышления, познаю-
щего метод движения и изменения всего и вся, — может и должна

заниматься только диалектикой как логикой и способом революционного мышления и революционного действия. «Ведь диалектика — это логика не только исследования, не только создания научных трудов, но и реальных дел, логика, входящая в жизнь и борьбу и реализующаяся в самых что ни на есть реальных делах, изменяющих наличный облик окружающего мира»¹⁾. А все то главное содержание диалектики, за которое боролся Э. В. Ильенков в указанной книжке не раскрытием и гносеологически обстоятельными и состоятельными доказательствами эвристичности и прогрессотворности его, а голословным зачислением противников его к махистам, он сводит к положению «об объективности противоречия, как тождества противоположностей, как точке схождения крайностей, в которой эти противоположности друг в друга переходят»²⁾.

Далее будет раскрыто как такая диалектика «реализуется в самых что ни на есть реальных делах, изменяющих наличный облик окружающего мира». А пока критически подумайте вот над чем. Ведь реальная действительность состоит не только из мышления и не только из того, что мыслит?! Так для чего же отрывать изучение мышления от изучения того, из чего оно произрастает, для познания чего оно и развилось и что обуславливает его существование и функционирование? Разве для того, что именно при таком отрыве мышления и идей от той реальности, для познания (отображения) которой они предназначаются, и создается возможность очистить материализм от принципа признания наличия и различения идей и отображающихся в них реалий и держать его монистическим и мало преимущественным по сравнению с монистическим идеализмом?!

А. В. Потемкин пишет: «...если философия марксизма есть материализм, а этот последний ничего другого не означает, кроме исследования всего, что связано с сознанием с точки зрения его производности от материального бытия, то становится ясным следующее. Вопрос об отношении мышления к бытию, понятый как коренной вопрос всей философии, дает ключ к пониманию специфики философского знания...»³⁾. Этим он наводит читателя на то,

1). Э. В. Ильенков. «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма». Москва. Политиздат, 1980 г., стр. 155.

2). Там же, стр. 51.

3). А. В. Потемкин. «О специфике философского знания». ИРУ, 1973 г., стр. 125.

что специфика философского знания в том и состоит, что философия должна заниматься только вопросом «об отношении мышления к бытию, понятый как коренной вопрос всей философии». Но разве не ясно, что невозможно истинно решить этот вопрос (если иметь в виду, конечно, этот вопрос, а не тот, согласно которому философия только и должна заниматься вопросом о том, как что-то мышление относится к окружающей социальной и природной действительности: апологетически или оппозиционно?) без исчерпывающего и абсолютно истинного познания тех всеобщих начал бытия и элементов сущего, из которых и которыми все в реальности (в том числе и сознание, и мышление, и пр.) образуется, развивается и обуславливается и в которые все в ней разлагается!? Разве не ясно, что познать мышление и его законы и логику, что познать суть, роль, взаимоотношение и возможности мышления, мыслящего и ими отображающегося невозможно без познания всего того, что образует и реализует их? А разве не ясно, что это познать невозможно без окончательного и истинного познания всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего, выведением из которых только и можно исчерпывающе и безошибочно познать и объяснить образование и развитие неживого из невидимого, живого из неживого, ощущающего, воспринимающего, желающего и мыслящего из не такового?! К чему же тогда сводится и приводит решение вопроса об отношении мышления к бытию? К выбору пароля для входа в какой-то политико-идеологический лагерь из противоборствующих? без уяснения и выбора преимуществ его философии, целей и тех последствий, к которым они ведут? Но размежевание людей в идеологической борьбе может успешно и должно осуществляться привлечением их на свою сторону объяснительными, созидательными и прогностическими преимуществами философии и всей СНОЗ прогрессивного лагеря, — чтоб правдою высвечивать и с беспощадной силой бичевать недостатки, слабости, болезни и язвы человека и общества и светом истинного, понятного и убедительного знания вести их к умственному, физическому и нравственному самооздоровлению. А для этого философию и СНОЗ нужно прогрессивно развивать и совершенствовать до полного исчерпания всех возможностей.

Невозможность всеобъемлющей и завершенной, единой и цельной, наипревосходнейшей новой СНОЗ, приход научного познания к которой предсказывал и К. Маркс, обосновывают тем, что ее еще нету и что предшествующие попытки сделать ее тако-

вой не привели к окончательному результату. К обоснованию этого же положения пристегивается еще и то, что для создания такой системы необходимо иметь что-то абсолютно истинное, чего нет, де, и быть не может, де; иначе, де, все остановилось бы. Подумайте только, какая нелепица: от абсолютно истинного познания чего-нибудь это чего-нибудь останавливается! А останавливаться такие гносеологи и идеологи нигде, ни в коем случае и никак не хотят. Даже окончательных результатов познания хотя бы чего-нибудь они не хотят. Они хотят так бесконечно познавать, чтоб никогда ничего не познать окончательно; даже если человечество и наткнется на возможность познать что-нибудь истинно и окончательно и до дна, то нужно отвлечь, увести его от этого. Все, по их мнению, необходимо двигать, изменять, крушить, опрокидывать, разрушать. Никакой остановки! Никакой позитивной программы! никакого созидания! «Конечная цель для меня, какой бы она ни была, ничто, движение — все» (Бернштейн). Все течет, все изменяется! Какие же могут быть остановки?! Да и К. Маркс говорил, что «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние».¹⁾ Чего вам еще нужно? Какие же могут быть остановки и сохраняющиеся состояния? Изменяйте то, что есть, во что угодно, даже в худшее, — лишь бы изменить его! Ухудшай и разрушай то, что есть, работая по принципу: чем хуже — тем лучше. А вину за это взваливай на властьдержащих, — чтоб компрометировать их и возвращать, размножать недовольных и улавливать разуверившихся или запутавшихся в свои политико-идеологические сети; тем более, что не работать или работать хуже легче же, чем работать или работать лучше. И поэтому достаточно обеспечить вознаграждение за работу по этому принципу и дело вредительства и разрушения того, что есть, при соответствующих дополнительных условиях сможет развиваться довольно успешно!

Но благопрогрессолюбивые общественные силы заинтересованы в создании такой системы позитивного научного объяснительного и управленческого знания, которая исчерпывающе, истинно и окончательно раскрывала бы глубинные механизмы самообразования и развития всего сущего, и человека и общества в

1). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 3, стр. 34.

том числе, и раскрыла бы и идейно разбивала бы пагубные идеи или безидейщину.

Ограничивающие предмет философии только исследованием диалектики взаимоотношения идеального и материального (в старом смысле этих понятий) в ходе исторического развития человеческого общества и уяснением рели решений этого вопроса в прошлом и в наше время пытаются на деле отстранить философию от участия в дальнейшем прогрессивном развитии научного познания, в том числе и путем переформирования ныне использующейся старой СНОЗ в прогрессивно новую и лучшую СНОЗ. И это делается в то время, когда естествознание (физика, химия, биология, математика и пр. науки) запуталось в общих для всех наук фундаментальных идеях, ищет новые гносеологические идеи и новый логико-понятийный аппарат для прогрессивного продвижения и углубления научного познания, чем традиционно занималась философия. А некоторые философы ориентируются и других ориентируют на изучение только истории человечества и философии, на выяснение тех путей их развития, которыми они стихийно развивались под влиянием всех факторов, часто не в наиболее прогрессотворнейших направлениях, — чтоб использовать это для предсказаний будущего, подобно тому, как по форме предшествующей траектории летящего тела определяют его последующие состояния. И получается, что исходят из того, что древние и дикари все знали лучше, и поэтому мы должны обращаться к ним за ответами на наши современные проблемы. Но это же методология слепого следования вслед за стихийно преднаправившейся и получающейся историей, это же методология, ориентирующая на отыскание только в прошлом ответов на вопросы сегодняшнего и завтрашнего дня. Конечно, история шла своим чредом и тогда, когда человек еще не познавал ее и не использовал ее уроков. Длинной и тернистой был ее путь и очень часто не наилучший из возможных. Но современный человек не должен уподобляться коту, который не знает никакой котячей истории и живет как живет. Нынче необходимо знать, куда ведет человека и человечество стихийно исторически сложившиеся направления развития ныне использующейся землянами старой СНОЗ и человеческого общества, необходимо знать то, что можно и нужно изменить в познании, в знании и в обществе, чтоб это вело к достижению высшей цели нашего общества: создание лучших условий для оздоровления и всестороннего благопрогрессивного развития людей и

их общественных систем. Строительство наиболее прогрессотворнейшего общественного строя должно вестись не путем слепого следования за стихийно получающимся ходом истории по методу: вези нас история куда вывезешь, хоть и к глобальной катастрофе и к гибели человеческой цивилизации.

Строительство наиболее прогрессотворнейшего общественного строя должно руководствоваться наистиннейшим и исчерпанным познанием того, чем и как можно создать наилучшие условия для наиболее здорового и наиболее прогрессотворнейшего развития людей, что вовлекает их на это и отвлекает их от не такового, что ведет их к этому. А для этого необходимо познать то в человеке, благодаря чему в нем воспроизводится и сохраняется живость, здоровье и хорошее настроение и прогрессивно развивается интеллект, культура, нравственность и пр. А для познания всего этого необходимо познать все то, из чего и как образуется и развивается все сущее и человеческий организм главным образом в онтогенезе (а не только в филогенезе, как на это наводит односторонний историзм), из чего, почему и как биовещество вовлекается в вихрь, разрастающийся в организм, способный при соответствующих условиях познавать окружающий мир и себя и самостоятельно организовывать, поддерживать и развивать свою живость и все прочее последующее. А для исчерпывающего и истинного познания этого необходимо такое же познание молекул, и атомов. Но такое познание последних возможно лишь в результате такого же познания всего того, из чего они состоят, как устроены и работают. А все это можно так познать лишь окончательно и абсолютно истинно познав те всеобщие начала бытия и наименьшие элементы сущего, из которых все это образуется и в которые все разлагается, что может быть познано умом сначала только одного человека, который достаточно напряженно, долго, проищательно, гибко, глубоко, критически, творчески и неоднократно проверствовал в себе объяснительное знание всех наук и сличал и согласовывал его с отображающимися в нем реалиями. Филогенез же не может осуществляться без онтогенеза тех индивидов, на множестве и взаимосмене которых он реализуется! Ведь филогенез поотму, тем и настолько и осуществляется, если и насколько что-то достигнутое индивидом в результате онтогенеза передается другим индивидам, распространяется среди них и унаследуется ими. И познать филогенез невозможно без познания

онтогенеза, как и наоборот. А обусловленное не может существовать без обуславливающего и невозможно познать одно без другого.

А некоторые учат так: Началом предмета философии есть начало истории мышления. Развитие категорий следует выводить из языка и истории, из изначально зародившихся предкатегорий, и вести рассмотрение их развития на материале языка и «духовной сферы общественного бытия — вот путь или метод философии диалектического материализма».

Критика. В таком случае получается какое-то квазигегельянство, берущее для исследования только действительную историю развития понятий и идей, подменяющее вопрос изучения предмета познания вопросом изучения истории познания этого предмета познания, да вопросом о том, что такое философия и чем она должна заниматься, и приходящее к особым выводам о роли философии и логики мышления, которые в «Прологах...» раскрываются, разоблачаются, громятся, тогда как людям нужна система позитивного научного объяснительного знания, исчерпывающе глубоко, истинно и в прочих отношениях наилучшим образом отображающая познающуюся ими реальную действительность!

II

Итак «марксистскую философию, — пишет А. В. Потемкин, — можно предварительно определить как науку о законах человеческого мышления, постигающего мир и помогающего ставить его силы на службу человеку... Ничего другого под предметом марксистской философии разуместь нельзя, не впадая в вопиющее противоречие с фундаментальным положением о том, что диалектический материализм не нуждается в философии, стоящей над прочими науками» (там же, стр. 121). Философия должна иметь своим объектом только «царство чистой мысли», только «мышление и его законы». Обосновать это он пытается не исследованием сущности, возможностей, потребностей и роли познания для прогресса, а опираясь кое-где на выбранные и вырванные из контекста суждения авторитетов. «Для всякого марксиста это определение философии (логики, диалектики) как науки о мышлении общественного человека (отражающем объективный мир) и его законах (тождественных законам объективного природного и социального мира) имеет такое же принципиальное значение, как и фундаментальное положение о ненужности философии, которая стояла бы

над прочими науками... Но такой подход неизбежно переводит всю проблематику логики в русло вопроса об отношении мышления к бытию, если, конечно, не застревать в идущем от Канта противопоставлении мира мыслей и мира вещей в себе, как якобы самостоятельно существующих и нечаянно находимых рефлектирующим рассудком, для которого они кажутся равно изначальными в своей противоположности» (там же, стр. 121-122).

Здесь, как видите, все: и сведение философии только к царству чистой мысли и к вопросу об отношении мышления к бытию; и сведение индивидуального человека к обществу, подмена образования одного уровня сложности — организм человеческого индивида — образованием совершенно другого уровня сложности: обществом, слагающимся из множества индивидов, (перенос центрального субъекта от индивида на человеческое общество, берущееся обезличено и как история развития в нем понятий и идей и только; субъективное Я заменяется субъективным Мы); и отождествление законов мышления с объективным миром; и утверждение о ненужности застревать на вопросах о противопоставлении мира мыслей и мира вещей в себе (наведение читателя на идею отождествления, неразличения мира мыслей и мира вещей, мыслями отображающихся, отвлечение его от различения мыслей и отображающихся в них реальных).

В другом месте этой же книги об этом пишется еще открытее: «Ни в коем случае не следует дело представлять так, что Ф. Энгельс здесь признает существование двух миров: мира мыслей и мира предметов...» (там же, стр. 127). То есть материализм, для которого существенно характерно различие идей и ими отображающихся реальных, сводится к тому, что мысль, мыслящаяся идея и предмет, отображающийся в идее, — все это одно и то же. Обосновывается это еще и тем, следующим из монистического начала и монистической логической формы, что: т. к. кроме движущейся материи в мире нет ничего иного, то иначе и быть не может как только так, что материя сама себя собою же мыслит; отсюда и тождество мышления, мысли и объективной реальности. Необъяснимость отображаемости объективного мира в субъективном мире мыслей в монистической СНОЗ используется для обоснования тождества мыслей и вещей.

Как видите, то различают мышление, мысль, мыслящееся и в мыслях отображающееся, то говорят затем, в соответствии с

монистической логикой, что все это одно и то же. Но невозможно же вывести и объяснить развитие немнящего в мыслящее и процессы познания, если отказываться от признания изначальной наличности всех тех противоположностей и различностей, которые это вызывают и к этому ведут в результате, если брать за начало выведения объяснений всего этого одну изначально неразличную в себе материю! А если изначально берется не одно, а состоящее из взаимно различающихся нечто, то между ними неизбежно будет нечто как рубеж перехода одного нечто в иное. Признание развития реального мира неотвратно ведет к признанию и различия между образованиями мыслящими и еще не достигшими в своем развитии способности к мышлению, что вынуждает признать и то, что мыслящие образования отображают и должны отображать не только мышление, но и мышлению противостоящие немнящие образования реального мира, находящиеся не в мыслящем образовании и даже на больших расстояниях от него; из чего следует, что мышление, мышлением мыслящиеся смыслы и в этих смыслах отображающееся — это не одно и то же.

Учат, например, так. Высший вопрос всей философии можно сформулировать и в такой конкретной форме: он есть вопрос об отношении идеально-преобразовательной деятельности к материально-практической деятельности. Марксистско-ленинская философия есть тождество диалектики, логики и теории познания, и в этом тождестве она есть наука о противоречивом развивающемся сознании общественного человека, отражающем в своих всеобщих формах не менее противоречивые природу и общественное бытие; она есть наука о всеобщих законах, формах, методах, социальных институтах, посредством которых предметно воплощается идеальное и при помощи которых различные общественные классы в различные эпохи осознавали свои материальные интересы и боролись за их осуществление. А так как до сих пор общество движется в классовых противоречиях, то марксистская философия по существу своему есть методологическая основа и одновременно средство политической и идеологической классовой борьбы, которую организованный пролетариат ведет против буржуазии.

Разоблачение и критика. А если говорить без обиняков и если учесть при этом и все те следствия, к которым ведет такое ограничение предмета и роли философии, то получается, что основной

вопрос ее сводится к выяснению вопроса о точке зрения на социальную действительность и о позиции конкретного человека к материально-практической деятельности, — к выяснению вопроса о том, под какую категорию из двух противоположных может быть подведен этот человек: Или этот человек оптимист и активный борец за истинный прогресс, за созидательную работу, за борьбу с социальными пороками и недостатками, борец за сохранение всего достигнутого хорошего и за дальнейшее развитие и совершенствование существующего строя, или этот человек скептик и реакционер, принимающий или может принять активное участие в разрушительной и вредотворной работе с тем, чтоб одной рукой множить недостатки, а другой рукой указывать на них и мутить головы другим, вербуя себе сподвижников. Вот, мол, чем должно заканчиваться исследование основного вопроса философии, которое хотя и может (и часто даже должно) начинаться исследованием того, как вопрос об отношении мышления и бытия решался в истории познания и борьбы классов, но заканчиваться должно решением вопроса о том, к какому же лагерю принадлежит этот конкретный человек по своему идейно-политическому содержанию, по мировоззрению и идеологической ориентации, по позиции в политической и идеологической борьбе. И вопрос о пригодности к привлечению его в один из противоборствующих лагерей может (а чаще и должен) решаться не прямым вопросом в лоб: ты материалист или ты идеалист? что по-твоему, материальное или идеальное, первично? ты за дальнейшее развитие и совершенствование существующей социальной действительности или против? Эти вопросы должны решаться осторожно и постепенно, с учетом обстоятельств и времени и в некоторых условиях конспиративно, ибо человек бывает уклончив, скрытый и притворный и по одному строю понятий и категорий в его суждениях действительную идеологическую ориентацию определять рискованно. Для этого нужны дела и проверка в различных условиях. Все это и должен выявлять философ в ходе преподавания философии или исследования «своего предмета». Ясно, что эту работу может приводить и не только философ: выявлять, теснить, выживать и преследовать тех, кто борется против недостатков в общественной жизни и за всяческие совершенствования того строя, который есть, т. к. оппозиционным силам нужна борьба не против недостатков существующего строя, а против власть возглавляющей и осуществляющей группировки. И поэтому им нужно не бороться против недостатков, а

всячески порождать, размножать их и вести борьбу с властвующей группировкой за захват власти своей группировкой.

В качестве примера тому, как на деле работает эта «хвилософия», можно указать и на лжеученого Горбатенко и его компанию (См. «Литературная газета», № 23, 5 июня, и № 24, 12 июня 1974 г., статья Н. Вадимирова и И. Афанасьева: «Ученые и лжеученые»), и на «ведомство» Мельника: «Принцип прост. — пишет В. Смирнов в «Литературной газете» № 35 от 26 августа 1981 г. в статье «Круговая порука» о группировке среди медиков, — В ведомстве Мельника оцениваются не труд, а угодничество, приближенность к начальству, участие в круговой поруке, причем оцениваются не только словами, а представлением к наградам и почетным званиям, персональными пенсиями, должностями и аттестацией». В статье «Предвзятость» (газ. «Правда», 26 ноября 1981 г.) пишется о том, как в Калининградском городском комитете народного контроля кем-то проводится преследование полковника запаса именно за старательную, честную и успешную работу его в качестве руководителя автохозяйства, а затем дома быта. «Почему горком и обком партии также заняли позицию сторонних наблюдателей?» — спрашивает автор этой статьи спец. кор. Г. Паламарчук. Не потому ли, намекну я, что там кое-кто руководствуется здесь разоблачающей «хвилософией»? В статье «Волски-та» («Правда», 28 ноября 1981 г.) сообщается о том, что именно те, кто должен строго следить за соблюдением законов, — работники прокуратуры, — осуществляли волокиту с целью предотвратить разоблачение и наказание виновников приписок и иных злоупотреблений должностных лиц ремонтно-строительного управления облместпрома.

III

Учат и так:

Материализм в зависимости от места и времени может иметь различные классовые корни, выступая в одних условиях как прогрессивное направление, в других — как реакционное. Один и тот же общественный класс на одной и той же ступени развития в различных странах и в различных исторических условиях выбирает для себя различное философское обличение, причем обязательно, чтобы в материализм облекались всегда прогрессивные

силы; а движения, облекавшиеся в идеалистическую философию иногда были и прогрессивными и добивались успехов.

Разоблачение и критика. Это следует понимать так, что успеха в борьбе за власть и привилегии добивались или добиваются и сейчас и те, кто первичным считал или считает идеальное и ведет этому соответствующую и идеологически значимую жизнедеятельность, и те, кто первичным считал или считает материальное и ведет этому соответствующую и идеологически значимую жизнедеятельность. Оппозиционеры могут взаимопознаваться, размножаться, группироваться и организовываться и при помощи материалистического решения основного вопроса философии и этому соответствующего поведения, если во власти стоят идеалисты, и при помощи идеалистического решения основного вопроса философии и соответствующего этому поведения, после того, как верх взяли материалисты. Так, мол, шла и продолжает идти классовая борьба за власть, в результате чего, де, и осуществляется общественное развитие. Где во власти господствуют материалисты, там накапливает силы и поднимается оппозиция, облекаясь в идеалистическую идеологию, распознавая себя и отличая себя от не себя сначала при помощи идеалистических суждений, а потом и дел. А где во власти господствуют идеалисты, оппозиция там группируется, облекая себя в материалистический строй категорий. Бытие человека определяет его сознание; все дело не в поисках какого-то истинного и окончательного решения вопроса о сути и об отношении бытия и мышления или материального и идеального по существу (это, дескать, никому не нужно), а в той конкретной ситуации положения человека в социальной структуре общества, в которой оказывается человек, которая обуславливает собой его выбор одного из возможных решений основного вопроса философии и мировоззрения и выбором чего человек начинает определяться или как апологет или как вероятный или потенциальный оппозиционер. Этот выбор может быть обусловлен: осознанным выбором преимуществ философии и практики одной из партий, карьеристскими соображениями, последствием слепого приспособления, обманом, устрашением, приманкой и всякими другими условиями и уловками. Поэтому учителя такой философии и говорят, что предмет и основной вопрос философии от начала и до конца историчны: они все время в становлении, как и само общество. Основной вопрос философии не имеет, де, окончательного решения; он все время решаясь проблемизируется. И нет и быть не мо-

жет никакого окончательного и истинного решения его. Он вечно живой и новый, никогда окончательно не разрешимый потому, де, что сегодня я могу решить его материалистически, а завтра, если почему-либо захочу перейти в другой идеологический лагерь, я могу решать его идеалистически или — так, как решают его в этом другом лагере. И так может делать каждый и во все времена. Так что рассуждения на счет решения основного вопроса философии (и других вопросов) есть лишь средство, прием для распознавания собеседников в целях последующего отклонения их либо подбора их в соответствующей идеологический лагерь. И обоснования алогизма и логики «А есть и не есть» развивают и защищают, т. к. они хорошо согласуются с такой «хвилософией» и используются для настройки людей на соответствующее поведение: поступай так, как тебе выгоднее; критерием истины является ж практика?! Так в чем же дело? Совесть, истина, правда, справедливость, интересы общества или других людей, прогресс — все это только слова и слабости людей! Практическая выгода для тебя тебе превыше всего! А коли так, то тебе будет выгодней же, ес ли ты будешь и официальную ставку получать за занимаемую должность и, плюс к этому, те прибавки и выгоды, которые обеспечим тебе мы? А в противном случае мы организуем всевозможные сграницения и притеснения. Ведь разница по сути дела лишь в том, что тебе выгоднее, а объяснительные системы материализма и идеализма хотя и противоположные, но почти равноубедительные: те из идеального выводят материальное, а те из материального выводят идеальное. Вот к чему приводит такая философия и логика! И «диалектику» развивают, приспособлявая для этого.

§ 2

I

«Диалектика в том и состоит, что нельзя определить материю как таковую, ее можно определить лишь через ее противоположность и только тем путем, что одна из противоположностей фиксируется как исходная, а другая — как возникающая из нее».¹⁾

Т. к. в мотистическом идеализме за изначальное и фундаментальное берут только идеальное и все пытаются объяснить «диалектическим» выведением всего только из этого изначально одно-

1). Э. В. Ильенков. «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», М., Политиздат. 1980 г., стр. 33.

го идеального, а материальное получают лишь как такой результат саморазвития идеального, осуществляющегося по гегелевской диалектике саморефлексирувания и в соответствии с монистической логической формой, который (результат) хотя и выдается за противоположность идеального, но по существу своему есть одно и то же с ним и является лишь формой проявления, существования этого же идеального по отношению к самому себе;

а в монистическом материализме за изначальное и фундаментальное берут только материальное и все пытаются объяснить «диалектическим» выводением только из этого изначально одного материального, а идеальное получают лишь как такой результат саморазвития материального, осуществляющийся якобы по гегелевской же диалектике саморефлексирувания и в соответствии с монистической логической формой, который (результат) хотя и выдается за противоположность материального, но по существу своему есть одно и то же с ним и является лишь формой проявления, существования этого же материального по отношению к самому себе;

то в общественном знании и в идеологии эти взаимно противоположенные положения, почти равновесные по своей объяснительной функции, применяют или можно применять для объяснений и обоснований здесь разоблачающегося.

Вот как разъясняет и определяет смысл идеального Э. В. Ильенков в «Философской энциклопедии»: «Идеальное — субъективный образ объективной реальности, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства»¹⁾. Как видите, получается, что идеальное — это не материальное, а лишь форма деятельности человека, продукт и форма общественно-исторического духовного производства. «Это форма вещи, — разъясняет Э. В. Ильенков в своей работе «Проблемы идеального», — но существующая вне этой вещи и именно в деятельности человека как форма этой деятельности»²⁾.

Как видите, Ильенков наводит читателя на то, чтоб он принял идеальное в том смысле, что это только форма, способ деятельнос-

1). См. «Философская энциклопедия». М., 1962 г., т. 2, стр. 219.

2). См. ж. «Вопросы философии», № 7, 1979 г., стр. 148.

ти человека в общественно-историческом производстве. Идеальное существует только как форма, способ активной деятельности общественного человека, вполне предметного, материального существа, направленной на внешний мир. В природе самой по себе, в том числе в природе человека, как биологического существа, идеального нет, де, что соответствует материалистически монистической логической форме. Идеальное есть форма, или способ, или схема деятельности человека, активная общественно-определенная форма жизнедеятельности человека, рождающаяся не в голове, а с помощью головы, в реальной предметной деятельности человека как действительного агента общественного производства.

«Идеальное» — это схема реальной предметной деятельности человека, согласующаяся с формой вне головы, вне мозга. Да, это именно только схема, а не сама деятельность в ее плоти и крови... — схема деятельности, «направленная на изменение образа вещи, а не самой вещи, в этом образе предметно представленной. А это единственно и отличает чисто идеальную деятельность от деятельности непосредственно материальной».¹⁾

Разоблачение и критика.

Значит идеального самого по своей сущности нет ни в природе, ни в человеке? Идеальное есть лишь форма, характеристика или схема особого способа или направления деятельности человека? А может ли так понимаемое идеальное быть противоположностью материального? Ведь оно в таком случае есть не что иное как особое свойство или характер какой-то деятельности?! Но тогда это уже не противоположность, а свойство «вполне предметного материального существа». Если же так понимаемое идеальное все же является противоположностью материального, то эта противоположность может проявиться лишь в качестве формы, способа, характера, направления деятельности человека на общественном производстве. А какие там, в общественно-историческом производстве, могут быть противоположные формы деятельности человека, если не содействие и противодействие прогрессу!? если не форма деятельности, созидаящая, развивающая и совершенствующая общественный строй, и форма деятельности, разрушающая, всяковозможно ухудшающая и компрометирующая его? если не форма деятельности по принципу: чем лучше, тем лучше, и форма деятельности по принципу: чем хуже, тем лучше?

1). Э. В. Ильенков. «Природа идеального», ж. «Вопросы философии» № 6, 1979 г., стр. 136.

«...Процесс, в ходе которого материальная жизнедеятельность общественного человека начинает производить уже не только материальный, а и идеальный продукт, начинает осуществлять акт идеализации действительности (процесс превращения материального в идеальное), а затем, возникнув, «идеальное» становится важнейшим компонентом материальной жизнедеятельности общественного человека, и начинает совершаться уже противоположный процесс — материализации (опредмечивания, овеществления, «воплощения») идеального. Эти два реально противоположных друг другу процесса в конце концов замыкаются на более или менее четко выраженные циклы, и конец одного процесса становится началом другого, противоположного, что и приводит в конце концов к движению по спиралеобразной фигуре со всеми вытекающими отсюда диалектическими последствиями».¹⁾

Значит если власть в обществе удерживает группировка, в качестве официального мировоззрения взявшая монистический идеализм, то апологетическая форма деятельности этой группировки и ее сторонников будет идеалистической, а оппозиционная форма деятельности ее противников будет материалистической, что и имеет место в реальной исторической действительности. А если власть в обществе удерживает группировка, в качестве официального мировоззрения взявшая монистический материализм, то апологетическая форма деятельности этой группировки и ее сторонников будет материалистической, а оппозиционная форма деятельности ее противников будет идеалистической, что и имело и имеет место в общественно-исторической жизни на самом деле. Одной из идеологически взаимовраждебных группировок, а именно, властвующей, фиксируется исходная противоположность. А другая из них, а именно, оппозиционная, возникает из исходной как вторичная, как производящаяся исходной и ведущая свою работу, свое «движение», с целью свержения властвующей группировки и захвата власти этой оппозиционной группировкой, для этого работающей и по принципу: чем хуже, тем лучше, и прочим образом в противоположном направлении по отношению к работе властвующей группировки. Потому они и являются взаимопротивоположностями.

1). Э. В. Ильенков. «Природа идеального». Ж. «Вопросы философии», № 6, 1979 г., стр. 133.

На странице 153 указанной работы Ильенков разъясняет, что поскольку жизнедеятельность человека, в развитых ее стадиях, имеет всегда целесообразный, т. е. социально-волевой, характер, то «идеальность» и предстает как форма сознания и воли — как закон, управляющий сознанием и волей человека, как объективно-принудительная схема сознательно-волевой деятельности. И далее, на 155 стр., читаем: «...только в рамках совместно осуществляемой жизнедеятельности... требуется и воля как умение насильственно подчинять свои собственные влечения и побуждения некоторому закону, некоторому требованию, диктуемому вовсе не индивидуальной органикой собственного тела, а организацией «коллективного тела» коллектива, сложившегося вокруг некоторого общего дела (это применяют для обоснования необходимости особой дисциплины внутри оппозиционной группировки, вооруженной такой философией).

«Здесь-то и только здесь, и возникает, собственно, идеальный план жизнедеятельности, неведомый животному», схема которого отличается от деятельности непосредственно материалистической.

«Человек обретает «идеальный» план жизнедеятельности только и исключительно в ходе приобщения к исторически развившимся формам общественной жизнедеятельности, только вместе с социальным планом существования, только вместе с культурой. «Идеальность» и есть не что иное, как аспект культуры, как ее измерение, определенность, свойство». (там же, стр. 156). «В голове же, понимаемой натуралистически (то есть так, как ее именно и рассматривает врач, анатом, биолог, физиолог высшей нервной деятельности, биохимик и др.), никакого «идеального» нет, не было и никогда не будет. Что там есть — так это единственно материальные «механизмы», своей сложнейшей динамикой обеспечивающие деятельность человека вообще, и в том числе деятельность в идеальном плане, в согласии с «идеальным планом» (там же, стр. 157). И все, как видите, согласуется с монистической логической формой монистического материализма и с гегелевской диалектикой и с формулой алогизма: «А есть и не есть».

В результате такого толкования идеального создается возможность при любом общественном строе и внутри любых политических партий «диалектически» развивать идеальное как форму замаскированного противодействия официалу. А всякое социальное

движение нуждается в обличении объяснительной системой категорий, отличающейся от официальной и позволяющей выявлять, распознавать, возвращать и организовывать оппозицию. Да и вообще-то, с позиций здесь разоблачающегося учения, в монистическом идеализме или в монистическом материализме, которые в своем развитии пришли к такому полному и прямому взаимовыпротивоположению и к равновесности самого общего в них, развивать больше и нечего, кроме развивания диалектики революционного мышления и практического революционного действия оппозиции с целью всякоговозможного ухудшения общественных дел, возвращения недовольных, компрометации властей, улавливания в свои ряды недовольных и захвата власти оппозицией. Познанием же должно заниматься естествознание; а философии только и остается толкать социальную действительность от одного перелома к другому, заниматься перманентной (непрерывной) революцией.

II

Учат, что научные определения идеального получаются на пути материалистического анализа общественного производства материальной и духовной жизни общества, и ни в коем случае не анатомии и физиологии мозга как органа тела индивида. Внешнее вполне предметное проявление материального человека, будучи выражено в общезначимых формах, начиная с форм языка, его словарного запаса и синтаксического строя и кончая логическими категориями, превращается в идеальное. Иначе говоря, предмет оказывается идеализированным лишь там, где создана способность превращать особые строи или схемы слов и дело.

Критика. Значит одних слов для распознавания ориентации человека в политико-идеологической борьбе еще не достаточно? Начинать опознавание своих людей нужно, конечно, со слов, но завершать это опознавание надо проверкой на деле? А раз есть такая философия, достаточно широко и влиятельно проникшая в литературу и в общественные организации через своих проповедников, то находятся и такие деятели, которых, судя по их делам, следует относить к пригодным для развивания «идеального». Например, такие лжепросветители, обманывающие молодые умы, давая им возможность получить диплом без получения необходимого и достаточного для этого знания, о которых, например, идет речь в статье газ. «Правда» за 25 марта 1975 г. «Взяточник осуж-

ден». А там, где таким удастся сгруппироваться и овладеть достаточно влиятельными должностями, то они приобретают свойство «непотопляемости». А так как есть возможность доказать отсутствие большой разницы в преимуществах монистического материализма и монистического идеализма, то это и дует в паруса того учения, от проповедников которого получают дополнительную выгоду себе.

Учение: Какой-либо тип суждения становится категорией, условием объективности суждения потому, что в нем как мотив, как повод для суждения выражена какая-либо общественно-значимая всеобщая потребность и связанный с нею материальный интерес. Именно он заставляет человека относиться к внешнему миру как к предмету, судить о нем с какой-либо стороны. Материальная потребность понуждает к выделению в предмете того, что соответствует ей, может удовлетворить ее. Поэтому категории и есть ступеньки выделения человека из природы. Чтоб разобраться в людях и найти среди них пригодных для вовлечения в форму или схему человеческой общественно-исторической деятельности трансцендентального «идеального духа», отличающейся от деятельности непосредственно материальной формы или схемы, следует «разобраться в тех чудесах, которые демонстрируют людям товар, товарная форма продукта, особенно в ее ослепительно денежной форме, в форме пресловутых «реальных талеров», «реальных рублей» или «реальных долларов» — вещей, которые при самом минимальном теоретическом понимании их сразу же оказываются вовсе не «реальными», а насквозь «идеальными». К их разряду столь же недвусмысленно относятся и слова, единицы языка и многие другие «вещи»»¹⁾.

Уяснение и критика. Значит для улавливания в группировку оппозиционеров очень важно, кроме изучения слов и дела, изучение и учет того, как человек реагирует на деньги и товары потребления, изучение и учет и тех интересов, которые характерны для конкретного человека, опираясь на которые можно поймать его и управлять им и знание которых позволяет избегать неудач? Возбуждение, поддержание и учет интересов, введение в заблуждение и удержание в неведении и есть эффективный метод управления? На эти слабости людей опиралась и опирается философия

1). Э. В. Ильенков. «Природа идеального», ж., «Вопросы философии» № 7, 1979 г., стр. 150.

реакции: «Ложь, чтобы люди в нее поверили, должна быть большой, а не маленькой» (Гитлер); «нужно выдвигать примитивные лозунги, зато твердить их постоянно, методично» (Мао); привлечение на свою сторону путем подкупа, материальных посулов и вознаграждений; вытравливание и подавление пытливого мышления и правдоискания у народа, которому отводится роль грубой мускульной силы; а цели движения к власти и властвования держатся в глубокой тайне от народа (Мао: «Много книг прочтешь — императором не станешь», «Чем больше книг читает человек, тем глупее он становится»); искажение всеобщей истины при помощи и под прикрытием национализации ее; шантаж, подкуп, запугивание, террор, жестокость; игра в борьбу за прогресс, за цивилизацию, за абстрактные гуманизм и свободу, а на деле — очищение всех и вся от более глубокого, полного и истинного познания и насаждение ложного (Вспомните статью Сяо Чу-мао, Ма Ле-шэн: «Опасное сходство» в «Литературной газете» за 7 августа 1974 г.; вспомните новейшие примеры из теории и практики современного и прошлого фашизма и хамелсонов). Сущность реакции в том и состоит, что если структура управленческих и производственно-распределительных отношений в общественной системе настроена на более справедливое и честное распределение материальных и духовных благ (по принципу: от каждого по способности и каждому по его труду, и по принципу: на каждую управленческо-распределительную должность — наиболее умного, способного, честного и справедливого), то это будет означать уменьшение возможностей для нечестного, несправедливого и паразитического обеспечения более благополучных и престижных условий и ценностей, из-за чего реакция и организуется и поднимается на борьбу.

III

Изложение поучения. Выявляющаяся в исследовании истории развития познания диалектика решения основного вопроса философии опирается на принцип тождества и вписывается в гегелевскую логику, суть которой состоит в том, что исходная идея (понятие, положение) превращается в противоположность себя, в идею внесебя и созерцает противоположность самое себя; затем она вновь возвращается в себя самое и блаженствует, пожиная плоды самопознания. Поучение такого самопревращения одной и той же сущности в свою противоположность и такой логики, когда одно и то же может быть и не быть одновременно в одном и том же смысле и в одном и том же месте и отношении, является, де, сутью материа-

листической диалектики. И нужно разоблачать Мао Цзе-дуна, приписывающего себе эти идеи, которые включены в это поучение как рациональное зерно гегелевской диалектики. Эта суть логики позволяет мыслить идею «сугубо диалектически»: ее можно мыслить как то, «чего нет и вместе с тем—есть; Это то, что не существует в виде внешней чувственно воспринимаемой вещи, и вместе с тем существует как деятельная способность человека».¹⁾ Но гегелевская диалектика насквозь идеалистична, т. к. в ней речь идет только о понятиях. Результаты материалистического переосмысления ее приводят к выводу, что то, что делает гегелевская логика с понятиями, это же делалось и необходимо делать людям и среди людей на деле,—ведь в диалектике понятий Гегель гениально угадал диалектику вещей.

Расшифровка, уяснение и критика.

Значит не только решения основного вопроса философии в своем историческом развитии превращались из одной противоположности в другую, но и сама группа лиц, схема деятельности которых согласуется с планом идеального духа, может и должна вести себя «диалектически»: она и есть, и вместе с тем и нет ее, т. к. и постольку, поскольку они на словах ведут себя как рьяные борцы и защитники властимущих, а на деле стараются всячески вредить им. Учение о диалектике нужно не столько для обеспечения научно-познавательного прогресса, а главное в целях зашифровки и маскировки процессов выявления, опознавания и обучения своих, в целях взаимообщения скрытыми смыслами по вопросам реализации «в самых что ни на есть реальных делах, изменяющих наличный облик окружающего мира». Положение «об объективности противоречия, как тождества противоположностей, как точке схождения крайностей, в которой эти противоположности друг в друга переходят».²⁾ можно расшифровать (перевести с языка отвлеченно-обобщенного философствования на язык конкретных дел), например, так: составляющие оппозиционную группу лица разделяются на две фиктивные противоположности, которые изображают между собой борьбу, играют в борьбу, друг в друга переходят и каждый в отдельности может превращаться в свою противоположность; фактически же они одно и то же; одна и та же группировка, объединившаяся при помощи здесь расшифровывающейся и критику-

1). Э. В. Ильенков, «Идеальное»: См. «Философская энциклопедия», М., 1962 г., т. 2, стр. 222.

2). Э. В. Ильенков, «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», М., Политиздат, 1980 г., стр. 51.

ющейся философии как орудия теоретического труда и как оружия идеологической борьбы. А Мао-Цзе-дун посягнул на приоритет в изобретении такой диалектики, которая наукообразно оправдывает раздвоение не только личности, но и наличности сгруппировавшихся личностей.

Диалектика есть, де, то разделение, то соединение, то борьба, то примирение противоположностей, в том числе и фиктивных, розыгрышных противоположностей, экстримистских, ультралевых и ультраправых. И все это в зависимости от социально-политической обстановки текущего времени и ради смены и захвата власти, несмотря на отсутствие научно состоятельных, безошибочных программ по перестройке, по изменению общественного строя на более прогрессотворный лад, или: несмотря на отсутствие личностей, способных повести общественные дела лучше, чем ведут их личности правящей группировки. Вся эта философия одевается в терминологию марксистско-ленинской философии с повышенным использованием соответствующих идей гегелевской философии. И вот уже десятилетиями (особенно активно в застойные годы) заполняет философскую литературу и внедряется в умы учащейся молодежи массовые пагубные последствия чего нынче наблюдаются всеми, т. е. и не осведомленными с тайнами здесь разоблачающейся «хвилосовской школы».

В результате сведения самого общего и главного в критикующихся поучениях получается вот такая хвилософия: Сведение предмета философии к одному основному вопросу о взаимоотношении отображающего (мышления и идей) и отображаемого; извлечение и выяснение диалектики этого взаимоотношения из изучения только истории развития идей; в качестве ядра этой диалектики берется идея изменчивости всего в соответствии с гегелевской логикой саморефлексирования исходного себестождественного в свою противоположность и обратно и с логическим положением, что любое А (понятие или идея) можно мыслить и как есть и как не есть, и как есть и не есть одновременно, и как равно и не равно себе самому (тождественно и не тождественно), и как переходящее в такое иное, которое не есть иным, а есть то же самое; сведение всей реальной действительности к себестождественной монистической сущности, одной в своем изначале и в последующем, т. к. последующее и есть то же самое, из чего начинается развивающееся (идеальное и только, либо материальное и только); а принцип материалистичности

сводится или к выведению объяснений вопросов из общества и его истории, к подмене познания предмета познанием истории развития идей об этом предмете, или к объяснению всего выведением из более сложной системы; из чего выводится и необходимость безоговорочного подчинения целостной системе ее слагающих элементов, выводится обоснование того, что не система обеспечивает нужды элементов, а элементы обеспечивают нужды системы, не государство для народа, а народ для государства.

Начавшееся осознание тождественной противоположности монистических систем традиционных материализма и идеализма, их ограниченностей и основывающегося на этом выводе, что философские системы играют лишь роль средства размежевания, опознавания и борьбы, а не средства научного истинного познания и прогнозирования. Некоторые мыслители приходят и других приводят к выводу, что т. к. идеализм, обеспечивший собой развитие капитализма, был сменен материализмом, обеспечившим собой образование и развитие социализма, то для обеспечения дальнейшего развития общества, через замену правящей группировки, необходимо, чтобы материализм был превращен в неоиdealизм, поскольку возможности для дальнейшего развития материализма в новую немонистическую СНОЗ не видят или не хотят. Ведь где и когда общественности удавалось преобладающе решать основной вопрос философии противоположным образом по отношению к тому решению его, которое дается официальными властями, — решать не только на словах, но и, главное, на деле, — и насколько необходимость этого противоположного решения глубоко проникала в сознание народных масс и широко охватывала их, там, тогда и настолько менялась власть и структура действующих общественных отношений. Следовательно, противоположные решения основного вопроса философии есть не результат научно-познавательных исследований и открытий, а идеологическое средство только для социальных революций и переворотов. Раньше перевороты и революции осуществлялись подобным же образом, но облекались в различные оболочки религиозных, инорелигиозных и антирелигиозных учений. Развитие идеологической борьбы привело к тому, что в настоящее время все различия всех идеологических учений вылились в два основные взаимовыпротивоположные мировоззренческие учения, обуславливающиеся двумя возможными решениями основного вопроса философии в рамках монистической логической формы и

обслуживающие две мировые социальные системы, соревнующиеся между собою в борьбе за умы людей. И эта борьба была, есть и будет вечной, учат проповедники здесь критикующейся философии в унисон с Мао Цзе-дуном. И в этих совершенно новых исторических условиях, проповедают они, анахронизмом, мол, выглядят претензии некоторых дополнять достижения естествознания и общественно-политических наук некоей «натурфилософской» всеобщей теорией бытия, философской онтологией, развивать некую радикально новую СНОЗ.

Никакая позитивная наука, дающая более истинное, более глубокое, более полное, более исчерпывающее и в прочих отношениях более прогрессивно развитое и совершенное знание для этих хвилософов не нужна. Им нужно учение о методах изменения существующего строя, независимо от того, есть ли, известна ли возможность сделать его лучшим, ибо суть самого прогресса они видят в продвижении себя к власти в результате борьбы за изменение существующего строя на любой иной. Меняя существующее на иное и все; кривая истории сама выводит туда, куда ей нужно. Никаким научнообоснованным предвидением и предсказанием философия не может и не должна, де, заниматься. Ее дело—решать (на словах, и главное, на деле) основной и вечный вопрос о том, что первично (во всех науках, научных организациях и во всех производственных и общественных организациях), и тем самым двигать развитие действительности, а вперед или назад—это не дело философии, а дело самой действительности. И если уж в современном мире нельзя обойтись без положительной науки, так пусть ею занимаются естествоиспытатели и те ученые, которые не хотят заниматься философией, т. е. не философы.

А успех философа в делании им своей научной работы, в опубликовании ее, в защите диссертации, в присвоении ему ученых и преподавательских званий, в продвижении по должностям и пр. должен, де, обуславливаться сподвижничеством его с этой «хвилософской школой» и мерой и характером вклада его в ее «социально-диалектическое политическое движение».

Но ведь хорошо известно, что без относящейся к философии теории познания естествознание далеко не уйдет, т.к. оно не сможет преодолеть гносеологический тупик, в который оно зашло вследствие эмпиризма, вследствие движения от чувствующегося к нечув-

ствующемуся, вследствие истощения эвристического потенциала той гносеологии и логико-понятийной системы, которыми естествознание ныне руководствуется. А некоторые философы вместо того, чтобы более углубленно исследовать и творчески разрабатывать вопросы общей теории и логики познания, ведут себя как собака на сене: и сами не занимаются, и другим не дают этим заниматься, твердя, что философия может и должна заниматься решением только одного своего вопроса в здесь раскрывающемся смысле. В то время, как уроки и истоки решения тех гносеологических проблем, с которыми по общему признанию естествоиспытателей в настоящее время они столкнулись, таятся в философском аспекте познания, некоторые ученые критикуют, высмеивают, охаивают и запрещают предпринимать попытки создания новой всеобъемлющей СНОЗ, строящейся на фундаменте окончательного и истинного знания всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего реальности и получающейся выводением из этого фундамента модельного объяснительного знания о любом предмете. Кому это выгодно? Для чего это делается? Для ускорения или для удержания развития познания? Делается, видимо, это в надежде на то, что все-таки хоть какая-нибудь область неизвестного да останется.

Не говорит ли это о том, что это философия ультралевых и ультраправых, объединившихся потому, что они одно и то же, и объединяющихся срудием теоретического труда в борьбе за принцип «тождества...», монистичности и пр.? Не диалектика ли это бесперспективного и бесконечного борения, хвостистски, слепо путающегося в неизбежных хаосах и противоречиях бытия? Не философия ли разрушения это? Изменять действительность? А чем же руководствоваться при этом? Практикой слепой? Разве суть содержания теории наиболее прогрессотворнейшего для большинства людей общественного строя должна быть сведена только к наукообразному обоснованию необходимости изменения ныне существующего на иное, без того знания, которым необходимо руководствоваться не только в ходе революционной борьбы за власть,

но и в том, что же замышляется делать после захвата или взятия власти? Наверное и по этому вопросу нужно вести борьбу за приоритет? А претендентов здесь много! И анархисты, и Р. Гароди обосновывает призывы отказаться от единой научной теории общественного развития, от учения о партиях и прочего, и в Китае и в Кампучии маоисты книги жгли, и в Чили, и... Сколько их лжеучителей, поносящих путь истины и проповедующих мрак лжи и неведения? А сколько претендентов на приоритет в подобных открытиях было в прошлом? И в «Новом завете...» сказано: «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси, и отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. 2. И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении. И из любопытства будут уловлять вас лживыми словами: суд им давно готов, и погибель их не дремлет» (Новый завет. Второе послание святого апостола Петра, гл. 2, строки 1, 2, 3).

IV

Проповедники разоблачающейся и критикующей здесь хвилософии избегают систематического изложения ее из-за того, что в противном случае гносеологическая несостоятельность и идеологическая реакционность социальных последствий ее будут видны или легко могут быть показаны. Поэтому они воюют против системников и свою хвилософию развивают мелкими и разбросанными темами и фрагментами внутри и под прикрытием идейного содержания диалектического материализма, удерживая последний в монистической логической форме и в состоянии тождественной противоположности монистическому идеализму; каждый, этой хвилософской школой уже уловленный, ученый или сонскатель разрабатывает «теоретическим оружием» какой-нибудь отдельный вопросик (кто раздувает социальную сущность сознания, кто воюет с онтологами, кто развивает и отстаивает ильенковскую концепцию идеального и диалектики, кто еще что-нибудь, иногда под прикрытием критики каких-нибудь философов). Ведение научно-исследовательской работы, написание публикаций—это делается для видимости, да для разработки оружия идеологической борьбы; а главное состоит в том, что они ведут активную работу по практическому преобразованию социальной действительности при помощи здесь (в

этой главе «Прологов...», и не только в этой) разоблачающейся и критикующейся хвилософии. «Гайна беззакония уже в действии...». Вспомните, сколько двурушников было изобличено за последние годы (1972—90 гг.) на страницах наших газет! Вот, например:

«С некоторых пор, почувствовав силу в мускулах, объявил Владимир Александрович беспощадную войну своему непосредственному начальству... стремление во что бы то ни стало «скинуть» этих руководителей превратилось в самоцель. Он поставил вопрос ребром: либо мы их, либо они нас. С этого времени отношение к «Союзкраске» сделалось еще одним пробным камнем для директорской оценки того или иного сотрудника... Не только квартира, зарплата или автомашина использовались в качестве стимулов для поощрения тех, кто более верно и преданно служил директору. Как подарок создавались и «выдавались» преданным людям целые научные подразделения—сектора, группы... всю непосредственную неприятную работу по этой части (расправа за критику—вставка моя) он переложил на своих подручных, которые «формировали общественное мнение», а также строили всяческие иные козни против строппивых... Сам же Владимир Александрович в это время либо разыгрывал роль человека информированного, либо даже представлял в обличье благодетеля и защитника гонимых... Именно таким образом были сломлены некоторые из тех, кто подписал письмо министру Л. Костандову о безобразиях, творимых в институте... Не только время, силы институтского коллектива, но даже конкретные разработки и темы приносились в жертву междоусобной борьбе». («Литературная газета», № 28, 9 июля 1980 г., стр. 12, статья «Звонок самому себе»). Авторы этой статьи С. Вологжанин, О. Мороз, А. Сафонов спрашивают: «каким образом такие директора появляются»? Да потому, что есть такая хвилософская школа! И для борьбы с этим недостаточно изобличать отдельных двурушников и разрушать отдельные гнезда их, а нужен идейный и организационный разгром всех тех учений и организаций, которые готовят, воспроизводят и воспроизводят такие кадры, организуют их, подкармливают, всячески поощряют, возгоняют наверх, направляют их работу и пр., делая это не ради развития и совершенствования существующего строя к более благопрогрессотворному состоянию, а лишь ради замены властвующих людьми из своей оппозиционной группировки.

В противоположность тем, которые проповедуют, что основной вопрос философии лишен научного смысла (позитивисты и кто там еще?), некоторые современные философы ударяются в другую крайность и сводят весь предмет и функцию философии только к так называемому основному вопросу философии, к решению только одного вопроса о том, что первично из двух, монистическими системами заидеологизированных, противоположностей (материальное и идеальное), не вникая глубоко в исследование вопроса о том, возможно ли раздельное существование этих противоположностей или одной из них до и без другой, т. к. как только начинается всестороннее выяснение сути, глубин и подробностей содержания этих противоположностей, так этим уже и заканчивается та функция философии, которую ей отводят — служить лишь средством, паролем, отметкой для различения, опознавания и размежевания апологетов и оппозиционеров. Утверждают ведь, что основной вопрос философии есть вечный и неразрешимый вопрос; он разрешается, де, лишь для отдельного субъекта переходом его в тот или другой лагерь; но в форме позитивного исчерпывающе глубокого и истинного познания он, якобы, неразрешимый. И получается изнанка позитивизма, отворачивающаяся от познания сущности и закономерностей развития всего сущего (неживого, живого и социального) и провоцирующая раскол и социальную борьбу ради самой борьбы (что является или анархизмом, или фашизмом, или изнаночным рецидивом двухпартийной системы, реализующейся в рамках фиктивной, игровой борьбы двух партий с равновесными программами или одинаково беспрограммными).

Для решения вопроса о том, к какому идеологическому лагерю присоединиться, недостаточно знать лишь различие названий (что это идеалисты, а это материалисты, или что это белые, а это красные); это решение не должно сводиться к слепому выбору одного из противоборствующих идеологических лагерей, а должно основываться на позитивном истиннейшем, максимально возможном, исчерпывающе глубоком и всесторонне полном по возможности окончательном познании всего того, что необходимо для такого же познания того, что такое человек и что такое общество и каковы безошибочные возможности и последствия их дальнейшего развития, в том числе и сознательно планирующегося и ускоряющегося, что такое прогресс и к чему он ведет че-

ловека и общество, может ли быть и каким должны быть, наиболее прогрессотворнейший общественный строй и каковы последствия его для человека, и что такое регресс и к чему он ведет человека и общество. Все это и достигается в результате дальнейшего прогрессивного развития научного познания через переформирование нынешней монистической СНОЗ и радикально новую немонистическую СНОЗ, такое исполнение чего, на которое оказался способен я и которое можно и нужно бы улучшить, и излагается в «Прологах...» и в «Логах...».

В «Прологах...» разоблачающаяся и разрушающаяся философская школа, проводя свою работу, стремится использовать недостатки в работе руководящих органов правящей партии, группировки и правительства, застой, безинициативность, ошибки, утопизм, несовершенства производственно-управленческих структур и пр. Но если этих недостатков нет, или если их мало, или если они незначительны, то стремятся их увеличивать и размножать. А для этого настойчиво и повсеместно внедряют своих людей в органы власти, в различные звенья государственного и правительственного аппарата (в том числе и в юридические органы, и в милицию, и в органы государственной безопасности, и всюду, куда только удастся и хватает своих людей) и на соответствующем этапе этого движения решения любых вопросов прогрессотворные инициативы и прочим образом вредят, т. е., «диалектикой революционного мышления и революционного действия» улавливают и побуждают, принуждают, вовлекают и наводят уловленных на работу по схеме идеального духа, по принципу: чем хуже — тем лучше; т. к. этим вызывается недовольство людей, ибо последствия вредоносных действий двурушников вменяют в вину правящей группировке; и создаются условия для роста оппозиции и продвижения ее к смене или к захвату власти, и подготавливается кризис экономический и политический. Охотники не работать или работать похуже, а вознаграждения получать или получать побольше и получше и жить не по средствам честных трудовых заработков находятся и размножаются. И дело «идеального духа» может довольно успешно развиваться спиралеобразно или возрастающая как снежный ком: выявление и выбор в низах оппозиционно настроенных возрастает, вооружение и обучение их здесь разоблачающейся хвилософией (для многих очень выгодной, подходящей и с охотой приемлющейся) расширяется, внедрение уловленных в

руководство, возгон их наверх по управленческо-должностной лестнице развивается. Раковая опухоль внутри социального организма развивается.

Выбирают для этого посредственность и вооружают не глубокими и обширными знаниями, а лишь «диалектикой революционного мышления и революционного преобразования общества». И эти же посредственные делают себе карьеру, образуют центры, группы и завоевывают позиции, ломая все на пути своем, ибо и нравственная позиция их такая и хвилософия им заложена такая (поверхностнопосредственное образование, эгоистично-обывательская психология и нравы, культ физической силы, нахальства и бесстыдства, алогизм мышления, критерием истинности мыслей есть успех в добывании денег, которыми, де, достигается все остальное). И это и нужно же реакционерам-двурушникам для взращивания своих кадров (людей, послушно действующих, не задумываясь над тем и не осознавая того, во имя чего они действуют), для активации, размножения и организации своих рядов и сил, разрушающих социум и дискредитирующих власть держащих, накапливающих силы и искусственно готовящих социальную почву для разрушения и перестройки того, что есть, в... неизвестно что.

Опорой и часто решающей силой главарей таких оппозиционных группировок являются фашиствующие элементы из молодежи. Разнузданные, оголтелые, жестокие, мечтающие о легкой, лихой, бесшабашной жизни, готовые все смести на своем пути, крушить и рушить, не задумываясь, не разбираясь.

А ведь исторические события совершаются причинами и силами, сначала не замечающимися, но затем так ускоренно накапливающимися и разрастающимися, что предотвратить их иногда бывает уже и поздно.

Если благопрогресс всего человечества больше имеет шансов и предубусловленностей к необратимости, то отдельные государства и общественные системы меньше. Мы знаем, как много было процветавших государств, затем приходивших в упадок, а все человечество все же благопрогрессирует.

Гегелевская философия нравится кое-кому не столько потому, что она дает отчетливые гносеологически безупречные, исчерпывающие и истинные объяснения (в этом отношении она, как го-

ворил и В. И. Ленин, архитемная); а нравится она кое-кому и прославляется потому, что может использоваться активными функционерами соответствующих политико-идеологических группировок для разведки, для намекательного наведения и обучения людей, которых они вовлекают в свои ряды. Например: «Понятие, — по Гегелю, — есть единство бытия и сущности. Сущность — первое отрицание бытия, которое вследствие этого стало видимостью: понятие — второе отрицание, или отрицание этого отрицания; следовательно, понятие есть восстановленное бытие, но восстановленное как его бесконечное опосредствование и отрицательность внутри самого себя...».¹⁾ Как используется, например, это? Рефлексируй из себя отрицание своей сущности — как видимость, т.е. противоположность того существенного и общественно-значимого, чем ты на самом деле есть в-себе-и-для-себя-бытие, что и будет видимостью и понятием тебя для других. «Оно дает себя знать в своем ином, но имеет в нем лишь видимость, и видимость каждого в ином или процесс их взаимного определения имеет при их самостоятельности форму внешнего действия».²⁾ «...природа есть вовне-себя-бытие понятия...».³⁾ А потом, дома или где-то вне общественно-значимой функции, ты превращаешь эту видимость тебя, являющуюся понятием тебя для других и противоположностью твоей сущности, в ее противоположность, т.е. в твою сущность, которая истинно присуща и существенна тебе. Понятнее и проще это можно выразить так: на работе ты ведешь себя как ярый коммунист, а дома или где-то как ярый антикоммунист. Ну и т.д. Таким вот абстрактным философствованием, для маскировки выдаваемым за разъяснения гегелевской философии, но имеющим и подспудный смысл, можно пользоваться для расщепления, распознавания и вовлечения в эту «школу» других и обучать уловленных.

§ 3.

I

О том же, но в форме возможного, слишком откровенного поучения первоорганизатору оппозиционной группы.

Ты направляешься работать в учреждение, в котором наших еще нет и поэтому придется тебе все начинать сначала.

1). Гегель. «Наука логики», т. 3, М., 1972 г., стр. 30.

2). Гегель, там же, стр. 37.

3). Гегель, там же, стр. 43.

Гегелевская диалектика есть угаданная им закономерность развития всего сущего, а следовательно, в том числе и развития процессов оппозиционной и политикоэкстремистской деятельности. Развитие всего начинается из одного простого изначально неразличного в себе и неопределенного пустого. «То, с чего начинают, само начало, должно поэтому брать как нечто неподдающееся анализу, должно брать в его простой, ненаполненной непосредственности, следовательно, как бытие, как то, что совершенно пусто». ¹⁾ «Это простое, не имеющее в общем никакого дальнейшего значения, это пустое есть, стало быть, безусловно начало философии». ²⁾ Следовательно, и дело «революционного преобразования мира» ты должен начинать из самого себя, изначально неразлично единого, одного, себе тождественного и для других неизвестного, неопределенного, пустого.

Затем ты, как себе тождественная суть и для других еще пустая самость, в соответствии с гегелевской диалектикой и с логикой «А есть и не есть», саморефлексируешь из себя противоположность своей сути, т. е. притворишься и покажешься в словах или и в делах не тем, чем есть на самом деле твоя социально значимая суть, притворишься апологетом официальных властей. Ведь, по Гегелю, «в том, что есть внутри себя некоторое первое и некоторое иное, уже содержится свершившееся продвижение». Гегель, там же, стр. 132.

А человек приобщается к могуществу абсолютного разума и поднимает свой разум на более высокую ступень развития тогда, когда он сознательно подвергает свои мнения диалектическому отрицанию, противопоставляя тезису антитезис и объединяя эти противоположности в синтезе.

Итак, в ходе общения и взаимодействия с другими рефлексируй из себя свою противоположность, выставляй ее в противопоставлении с другой противоположностью и исследуй реагирование на нее тех, с кем ты вступаешь в разговор и взаимодействие. Для другого, для твоего собеседника, идеологически разведывательный разговор с которым ты ведешь (для исследования его на пригодность его к вовлечению в твою группировку), ты сначала покажи не свою внутреннюю сущность, а ее противоположность, но так, как будто она существенно имманентная тебе, несмотря на то, что она на самом деле безразлична тебе, истинно

1). Гегель. Наука логики. М., 1970 г., т. 1, стр. 132:

2). Гегель, там же, стр. 136.

глубоко не свойственная тебе. Т. е. в ходе беседы с другим, берущимся тобою как объект исследования на предмет пригодности для вовлечения в будущую тобою организующуюся группу оппозиционеров, поставь его в ситуацию выбора одного мнения из двух противоположных (твое мнение с апологетическим оттенком и другое мнение с оппозиционным оттенком) и этим ты предварительно разузнаешь своего собеседника или сотрудника. Если встретишь апологетическое мнение, если тебе ответят согласием на тобою для разведки высказанное мнение (но так, что оно вроде бы твое, а на самом деле оно тебе не свойственно), то отведи ему тем же и ... — незаметно отклонись от него или отклони его под каким-либо иным предлогом. А если твой собеседник выразит оппозиционное мнение, выразит возражение твоему мнению, высказанное тобою для разведки (но так, чтоб оно вроде бы твое, а на самом деле оно тебе не свойственно), то ты сначала ответь на это осторожным, легким и не отталкивающим возражением и продолжай с ним заинтересованный разговор с целью дальнейшего исследования идеологически значимых нравственных и политических взглядов этого человека. Потом проделаешь такое же с другими и таким образом выяви несколько оппозиционно настроенных лиц, после чего переходи к следующему этапу работы.

Сам продолжай играть роль апологета, но опосредованно, через других, желательно через других оппозиционеров, понемножку начинай поощрять оппозиционеров: этого похвали за то, что он умный, хотя ты в чем-то и не согласен (вроде бы) с ним; другого отметь за активность или за юмор; третьего за откровенность или за начитанность и пр. При всем этом выясни, к чему каждый из них пристрастен (деньги, секс, алкоголь, вещизм, квартирный вопрос, машина и пр.) и затем действуй осторожно и индивидуально с этой группой оппозиционно настроенных и тщательно выявляй среди них наиболее ярых и непритворных оппозиционеров, поощряя больше всего именно их. Средства для этого все хороши; старайся использовать для этого все тебе подвластные распределения: деньги, премии, отгулы, поправки, облегчения, и пр. и пр., т. е. за счет государства делай так, чтоб им жилось лучше, а всю неприятную и невыгодную работу вали на им противоположных. Если мы увидим, что ты ведешь эту работу старательно и не без успеха, то и мы поможем тебе, и непотопляемость обеспечим и пр. А потом, когда, с нашей помощью и с по-

мощью тобою созданной оппозиционной группы выдвинешься на высшую должность, еще больше поощряй их всем, чем сможешь, и изучай и учи их. Вот и получится, что в результате расщепления для-себя-сущего на положение и отрицание себя и самовыств-вления так получающихся противоположностей себя другим одно превращается во многое, тебе тождественное. Истоки этой диалектики можно найти в учении Гегеля о превращении одного во многое.¹⁾

«Диалектика является действительно философской наукой только в том случае, если она открывает всеобщие законы развития путем конкретного исследования реальной предметной области, добывая свой собственный «научный хлеб» на своем собственном поле в поте лица, а не взымая царственную десятину, как это делала покойная «наука наук». Только через знание единичного она поднимается к знанию общего, от знания многого к знанию единства». ²⁾ «Верно, что назначение логической науки состоит не в том, что она научает мыслить. Тому, кто не приобрел этой способности вместе с образованием и воспитанием, не поможет даже самый распрекрасный учебник по философии и логике». ³⁾

Следовательно, тех, кто не мыслит так, как тебе нужно, кто сразу же проявил себя как принципиальный поборник правды, истинного познания, справедливости, порядка, трудовой дисциплины, того строя и той власти, которые есть, не учи, а побольше нагружай работой, да поменьше поощряй, всячески притесняй. А самых рьяных и нетерпеливых из них вытесняй и выживай. Но кое-кого и из них можно и нужно улавливать; особенно если мало тех, кто самостоятельно приобрел оппозиционное настроение и мышление. С этой целью обрабатывай и их индивидуально: ставь в ситуацию бесперспективности повышения по службе, если видишь, что это его страсть; чаще проверяй да придирайся и пр., и пр.; но при всем этом намекай им и делай так, чтоб тобою уже вовлеченные разъясняли и показывали таким, за какое поведение преуспевают другие.

1). Гегель. «Наука логики», т. 1, М., 1970 г., стр. 231 и далее.

2). А. В. Потемкин. «О специфике философского знания». ИРУ, 1973 г., стр. 159—160.

3). А. В. Потемкин. Там же, стр. 163.

«Но еще более верно и то, что эффективное ведение идеологической и политической борьбы от имени рабочего класса невозможно без овладения самыми последними достижениями диалектики, логики и теории познания, понятых в их тождестве...».¹⁾ Поэтому читай публикации сторонников нашей философской школы, выясняя скрытый в них смысл (например, журнал «Вопросы философии» № 10, 1976 г., стр. 82—88, и № 11 за этот же год, стр. 38—39, и многие другие). Руководствуйся диалектикой, и после того, как тебе удастся выбрать и сплотить группу; и главным в ней: учением о противоречиях всего существующего, о борьбе противоположностей как источнике развития и учением о материальном и идеальном — в том смысле всего этого, в каком эти вопросы развиваются и одобряются нашей философской школой, — учением материального и идеального в системе монистического материализма; защищай материалистический монизм и показывай его противоположность и равновесные объяснительные возможности его по сравнению с монистическим идеализмом.

Ты и твоя группа с особой формой и схемой деятельности будет идеальное в материальной среде, несмотря на то, что ты продолжаешь рефлексировать из себя свою противоположность, фиктивную по отношению к внутренней сущности твоей, т. е. что ты играешь роль апологета официала, а на самом деле ты есть одно и то же с наиболее оппозиционно настроенными в формирующейся тобою группе. Но развитие этой себе тождественной группы от низшего к высшему должно осуществляться в результате того, что ты научишь их диалектике (хотя бы поверхностной) и творчески ее применять, — научишь каждого из них рефлексировать из себя свою противоположность (там, где надо, притворяться апологетами официала с сохранением своей скрытой глубинной оппозиционности), опираясь на которую ты сможешь их выдвигать на влиятельные места работы и должности и использовать их выдвижения и поддержку для того, чтобы и самому подниматься выше. Кроме того, научи их и помоги осуществить процесс расщепления всей этой группы, себетождественной и неразличной в себе в аспекте оппозиционности, на фиктивные, игровые противоположности, между которыми необходимо разыгрывать показательные словесные несогласия и споры. «Эта его внешность есть соотношение одного определенного количества с другим определенным количеством, каждое из которых значимо лишь в этом своем соотношении со своим иным; и это соотношение составляет определенность определенного количества, данного как такое един-

1). А. В. Потемкин, там же, стр. 163.

ство. Определенное количество имеет в нем не безразличное, а качественное определение, в этой своей внешности возвратилось в себя, есть в ней то, что оно есть». ¹⁾

Таким образом находящееся в среде материального идеальное (как схема реальной предметной деятельности) производит из себя фиктивное материальное, по сути остающееся тем же идеальным, которое стремится проникнуть в подлинно материальное, слиться и отождествиться с ним и завоевать в нем влиятельные позиции с целью дальнейшего развития оппозиции (идеального) и революционно-практического преобразования социальной действительности. Единство противоположностей является фундаментальным началом для высшего образования. Так формируются сложные, высокоорганизованные, устойчивые образования, способные активно действовать и как целое, и отдельными своими группами и индивидами, — групповые образования (в целях зашифровки их можно называть легионами, командами корабля, молекулами и пр. — в зависимости от профессиональной среды), способные изменять свою внешнюю идеологически маскировочную окраску, сохранять себя в ходе взаимопревращений своих противоположностей, очищаться от непригодных.

Применение расщеплений на фиктивные противоположности, обратимых взаимопревращений и взаимопереходов между ними, раздвоение одного и того же и объединение раздвоенного, затем кодирование, зашифровывания процессов взаимообщения при помощи научной терминологии, образование каналов связи между достаточно сложными образованиями, по которым может протекать специфическая волна возбуждения, передаваться информация, команды. Импровизацией фиктивноигровых противоположностей в составе одной и той же оппозиционной группы можно проверять уже увлеченных в свои ряды и распознавать и исследовать еще не увлеченных, т. е. создаются дилемные ситуации (обсуждение, голосование, действия), вынуждающие производить выбор одного из нескольких мнений, предложений, решений, голосований и действий по спорному вопросу и в результате человек раскрывает свою идеологически значимую нравственную или политическую ориентацию. Глубинную сущность конкретного человека или коллектива можно выяснить посредством испытания его реакций на псевдоборьбу псевдопротивоположностей, обра-

1). Гегель. Наука логики. М., 1970 г., т. 1, стр. 321.

зованных из наших людей, внедренных в этот коллектив. Затем применяй умело тактику или методологию посул и притеснений, спомоществования и выживания, содействия преуспеваю и неудачам, критикой своими же якобы правыми и якобы левыми и всем прочим, что ты придумашь сам, веди дело по отбору нужных кадров и очищайся от неугодных. Разжигай и используй национализм и традиции национальных меньшинств защищать своих и тянуть и проталкивать их вверх, используя и при этом тактику разделения группы людей одной и той же национальности на фиктивные, игровые или и справедливые противоположности (аполлеты и оппозиционеры) и взаимоборьбы, взаимопереливания их.

У Гегеля понятие для своего развития совершает рефлексию от понятия «в себе» до «в-несебе-и-для-несебя-бытие», т. е. до видности себя и самопознания в ней себя самого, и возврат в «для-себя-бытие». Сущность гегелевской диалектики понятий: положение, расщепление и синтез, возврат к себе самому. «Отталкивание — это прежде всего саморасщепление «одного» на «многие», отрицательное отношение которых бессильно, так как они предполагают друг друга как сущие; оно лишь долженствование идеальности; реализуется же идеальность в притяжении. Отталкивание переходит в притяжение, многие «одни» — в единое «одно». То и другое, отталкивание и притяжение, с самого начала различаются, первое как реальность «одних», второе — как их положенная идеальность». ¹⁾ И далее читай Гегеля, «Наука логики», т. 1, стр. 242—247, по этому вопросу. И вообще Гегеля изучай да изучай, избирательно и творчески, конечно. Я помогу тебе понять его в этом месте, т. к. и В. И. Ленин писал, что у Гегеля «переход количества в качество в абстрактно-теоретическом изложении до того темен, что ничего не поймешь». ²⁾; единое одно качество тобою отобранных личностей превращай в свою противоположность, т. е. в многие «одни», каждое из которых через проявление себя противоположным к другому и даже к себе самому и через отталкивание другого от себя выявляет в нем тождественное себе и через последнее притягивает к себе его, сливаясь с ним или снимая себя в нем через идеальность этого себе тождественного в единство, чем и увеличивается объем и количество идеального как формы революционного мышления и революционного действия.

1). Гегель. Наука логики. М., 1970 г., т. 1, стр. 242—247.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 107.

Так что изучай эту диалектику и творчески руководствуйся ею. Когда твоя группа достаточно разрастется и научится, то раздели ее на две игровые подгруппы (на две руки) — подгруппу крайне правых и подгруппу крайне левых или на подгруппу апологетов и подгруппу оппозиционеров. И тогда сможешь действовать и так: одни тайно осуществляют какое-нибудь вредительство (например, сначала гноят картошку на складе, а потом вывозят ее в магазины, вместо того, чтоб вывезти ее туда еще в хорошем состоянии), а другие используют это для возбуждения недовольства и для вовлечения в свои ряды наиболее оппозиционных и обвиняющих в этом не конкретных виновников, а существующий строй. А своих апологетов настрой на игровую показательную борьбу с недовольными, чтоб затем опереться на эту их борьбу и продвинуть себя и их выше. Учи их при соответствующих обстоятельствах выражаться двусмысленно, эзоповым языком, понимать скрытый смысл; наше учение, цели нашего движения и характер и условия работы по достижению этих целей требуют этого, а наша философская школа использует и разрабатывает для этого соответствующие категории, логику, идеи, тактическую диалектику и пр. Изучай и умело используй все это; особенно диалектику разделения одного и того же единого на противоположности, искусно организуй между ними перманентную борьбу, временные примирения, взаимообмен информацией, материальными ценностями и кадрами — ради достижения одной и той же цели. Помни, что примирение противоречий между игровыми (несправедливыми) противоположностями в твоей группе не ведет ее к развитию; так что старайся все время возбуждать игровую борьбу между ними, но так, чтоб неуловленные не разоблачили эти спектакли.

Руководствуйся и диалектикой категорий качества и количества, разрабатывающейся в рамках нашей школы: «познание получает возможность объединять и классифицировать свои предметы, формировать из них не данные в непосредственном восприятии единства и вносить в эти единства внутренние порядки, создавая тем самым достаточно организованные моделирующие структуры, выражающие определенный уровень развития знания». ¹⁾ Источник самого главного и первичного опричинивания всего и управления всем выноси в своих объяснениях из головы

1). А. Е. Левин. «Диалектика качественных и количественных отношений». Ж. «Вопросы философии», № 10, 1976 г., стр. 88.

человека в гиперболизированный, обезличенный, социологизированный и историкофицированный двигатель абсолютного социального сверхсубъекта (мыслителя, мира идей, диалектической сверхголовой), по аналогии с гегелевской абсолютной идеей или как у Э. В. Ильенкова: мир идей, который «не имеет ничего общего с проблемой устройства человеческого тела, тем более — устройства одного из органов этого тела, устройства мозга». ¹⁾ Расстворив индивидуального человека в самодетерминирующемся всеохватывающем целом социуме. Этим же можно обосновать невозможность одному индивиду успешно думать и бороться за правду и прогресс истинного познания; можно внушить индивиду неверие в силы его разума и этим (вместе с прочим) погасить его активность, привести его к слепой подчиняемости пока обезличенной, неизвестной диалектической сверхголове, внушить непротивление любому мнению, если оно выдается за исходящее из социума; этим же подготавливаются условия для установления железной дисциплины в наших рядах и для введения диктатуры в обществе после захвата нами власти.

«Говоря о взаимопревращении материального и идеального, следует исходить из первого аспекта их тождества. Ни о каком взаимопревращении противоположностей речи быть не может, если игнорировать их совпадение, взаимопроникновение и взаимоисключение. Более того, поскольку первый аспект тождества в диалектическом материализме является необходимым условием, предпосылкой второго, то без его анализа невозможно рассмотрение второго аспекта, невозможно дальнейшее восхождение». ²⁾ А вследствие принятия ильенковского смысла идеального и получается возможность для наукообразного обоснования всего выраженного в этом поучения, в том числе и того, что «действительная история общественного развития есть история превращения материального в идеальное, идеального в материальное. ...Критерием, целью, источником, решающим условием этого взаимопревращения является объективная практика, потребности ее развития». ³⁾ «Практика людей и есть процесс взаимопревращения материального и идеального». ⁴⁾ «Правильно понятое развитие пред-

1). Э. В. Ильенков. «Проблема идеального». Ж. «Вопросы философии», № 6, 1979 г., стр. 130.

2). А. М. Минасян. «Диалектический материализм». Изд. Саратовского ун-та. 1976 г., стр. 5.

3). Там же, стр. 24.

4). Минасян. Там же, стр. 20.

метной деятельности субъекта — это и есть тайна логики. Выраженное во всеобщей форме, оно и есть то, что мы называем диалектической логикой». ¹⁾ **Конец поучения.**

II

Слишком откровенный характер вышеизложенного поучения превращает его, как видите, в его противоположность — в разоблачение, что сделано мною с целью полного обнажения возможностей и пагубных политико-идеологических и общественно-практических последствий использования комплекса идей этого поучения (и в предшествующих текстах «Прологов...» излагавшихся в критическом отношении), гносеологические основания, терминологию и «диалектику» для которых дает монистическая логическая форма господствующей старой СНОЗ, в рамках которой из этого комплекса идей получается настолько логически стройная «хвилософия», что без разоблачения и идейного разгрома и позитивно-прогрессивного преодоления она оказывается способной выполнять функцию политико-идеологического выбора или переориентации людей, взращивания, селекции, вовлечения и организации их на оппозиционно-разрушительную деятельность, благоприятные условия для чего создаются или объективными обстоятельствами и ситуацией международного положения, или ошибочной политикой власть осуществляющих партийных и государственных органов, или вредительством оппозиционных сил, внедряющихся, маскирующихся и проникающих также и в органы власти, сростаясь с ними и сращивая их через себя с идеологическим противником властвующей группировки, и вредящих потом всяковозможно и еще больше (работая по принципу: чем хуже — тем лучше), или всем этим вместе.

Ведь если в мире изначально, повсюду и потом все состоит только из одной материальной субстанции, что признают и отстаивают сторонники разоблачающихся и разбивающихся здесь учений, то идеальное, как форму деятельности и как противоположное материальному, можно понимать лишь как деятельность материального, противоположно направленную по отношению к форме деятельности другого материального. Но тогда так понимающееся идеальное не есть противо-

1). А. С. Арсеньев. «Историзм и логика в марксистской теории». В сб.: «Историческая наука и некоторые проблемы современности», М., 1969 г., стр. 331.

положность материального, а есть формой деятельности одного материального, противоположной по отношению к форме деятельности другого материального. А такие взаимопротивоположные и общественно-политически значимые формы могут быть лишь регрессотворная, разрушительная деятельность по отношению к созидательной благопрогрессотворной деятельности или наоборот. Вот и есть возможность использовать (вот и используется) монистический материализм для наукообразного обоснования «политической диалектики» двурушнической (вредотворной для народа и для прогресса) деятельности соответствующих политико-идеологических группировок ради продвижения их к власти и овладения ею. Усно, что для этого нужна и подходит диалектика разделения одного и того же на фиктивные противоположности, розыгрыши борьбы их между собой, и такая диалектика или алогизм, что «А» есть и нет его в одном и том же, в одном и том же смысле, в одно и то же время и в одном и том же месте. Многими, конечно, эти диалектика и поучения об идеальном и прочем приемлются слепо, за науку «умения жить» в бытующем в народе обывательском или проницательском смысле этих слов. Тогда как на самом деле диалектику и логику нужно сделать наукой об вглубь до дна исчерпывающем, вселенски наивысшем и истиннейшем и по возможности окончательном познании истоков и возможностей развития всего сущего, целесообразностей, необходимостей, целей, путей и средств сохранения или и преобразования в благопрогрессотворном направлении мира, природы и последствий этого с целью сохранения, оздоровления и дальнейшего благопрогрессирования людей, их общественных систем и человечества.

В целях упреждения возможного упрека мне в том, что я выступаю, де, против существенной для марксизма-ленинизма диалектики противоположностей, отмечу, что одно дело пайти и истинно познать имманентные и существенные противоположности в предмете познания и элементарно-структурный и причинно-следственный механизм их строения и взаимодействия, познать истинные смыслы и роль всего этого в существовании и развитии этого предмета. И совсем другое дело—искусственно рефлексировать, выдумывать и создавать противоположности фиктивные, несправдливные, игровые! Ради чего? Ради создания хаоса, разлады и ликвидации всего, на чем основано существование народа? Борьба с любой властью, кроме своей? А каковы последствия? каковы планы? программы? Есть ли возможности для создания лучшего? Лучшего для кого и в каком смысле? Каковы пути и средства? и пр., и пр. И

вновь напрашивается вывод, что прежде, чем разрушать, нужно безошибочно и исчерпывающе глубоко, полно и далеко вперед познать человека, человечество, суть, возможности, пути и средства для их сохранения и прогресса. Гегелю, конечно, следует отдать должное за идеи: о вере в познавательные способности разума; о развитии как восхождении по последовательным ступенькам; о противоречивом характере развития; о противоположностях; об отрицании наличного устаревшего и о сохранении положительного, все еще пригодного и прогрессотворного из преемствующегося; и пр. Но все это нужно уточнить и переформировать в немонистическую логическую форму, чтоб смыслы противоположностей и диалектики их взаимоотношений были не фиктивными, а истинные и все и такие, сколько и какие они есть в предмете познания на самом деле.

Кое-кто может подумать или и сказать и такое: А что, если оппозиционная группировка, развивающая и использующая здесь громящуюся фарисейскую хвилософию, имеет какие-то лучшие позитивно-созидательные и более благопрогрессотворные программные научно состоятельные идеи и разработки и сможет, взявши власть, быстрее и лучше повести людей и данную общественную систему лучшими путями и средствами и способами и к лучшим, к более благопрогрессотворным целям и результатам? Дело в том, что если у какой-то политико-идеологической группировки есть лучшие, более благопрогрессотворные программные разработки, научно состоятельные, не утопические, не эгоистические, которые на самом деле можно успешно внедрить в жизнь, осуществить, то их не нужно скрывать и прятать от народа, а нужно всячески публиковать и пропагандировать, раскрывать и доказывать их состоятельность, достижимость и преимущества перед иными, убеждать и агитировать людей. Ведь неразумно прятать новый лучший светильник в условиях, когда использующийся старый светильник не в состоянии достаточно отчетливо и ясно освещать затемнившуюся дорогу дальнейшего продвижения к наиболее прогрессотворнейшему состоянию общественной системы. Правда, для этого необходимо такое устройство государства и общества, которое давало бы и сообуславливало бы осуществление этого. И поэтому такие освободительные завоевания как: отмена политико-идеологической цензуры, свобода слова и мнений, партийный и идеологический плюрализм, достигнутые в результате перестройки, я одобряю, хотя

эффективной благопрогрессотворной демократии еще и мало. А остальное на сей счет—в моих «Социологах...».

Философия не должна быть лишь средством для селекции и отбора служащих верховодам данной политико идеологической группировки и лишь источником идей для борьбы таких группировок за власть и только—борьбы разрушительной и вредной, в том числе и по методу: чем хуже для дел в обществе, а следовательно и для властвующих, тем лучше для рвущихся к власти. Ведь такая борьба и методы политиканствования засоряют и запутывают умознание людей, вредят и задерживают прогресс и часто отбрасывают в сторону или и назад от наиболее прогрессотворнейшего направления и состояния, которые надо искать и вырабатывать тщательнейшими и безошибочнейшими научными исследованиями, для чего и нужна новая СНОЗ, позволяющая овладевшим ею вглубь до дна исчерпывающе, вселенски наивысше и истинно познавать то, что генерирует, направляет и предобуславливает развитие всего сущего.

III

Свой скептицизм и осторожность насчет научных познаний и предсказаний Карл Раймунд Поппер обосновывает ненадежностью индуктивных умозаключений: от частных, единичных случаев к общему (универсальному) выводу, от отдельных фактов к обобщениям. Ибо нет, де, никакой надежности в том, что не может быть, не можно встретить факт (предмет или явление), относящийся к этому классу (роду или виду) их, но не обладающий данным признаком, приписываемым, примысливаемым ему на основании индуктивного умозаключения,—на основании того, что другие предметы или явления этого класса (рода или вида), уже проверенные, подтвердили обладание этим признаком. При этом полагают, что устанавливаемые наукой законы природы с логической точки зрения есть универсальные утверждения типа «Если А, то В», которые невозможно проверить проверкой всех случаев (предметов, явлений и т. п.), раз их число неопределено, неограничено или бесконечно. А в традиционной логике известно, что если в высказывании «Если А, то В» консеквент ложный, то и антецедент ложный; но в случае истинности консеквента о значении истинности антецедента с логической необходимостью ничего утверждать нельзя. Следовательно никакое универсальное утверждение, индуктивным умозак-

лучением полученное и имеющее логическую форму «Если А, то В», нельзя принимать как окончательно установленное, истинное и неопровержимое. Его можно опровергнуть фальсификацией, т.е. нахождением хотя бы одного «А», из которого не следует «В». И тогда будет неверно, что «Если А, то В», которое поэтому следует считать ставшим ненаучным.

Поэтому К. Поппер утверждает, что если следствия из теории оказываются приемлемыми, или верифицированными, то теория может считаться в настоящее время выдерживающей проверку и у нас нет оснований отказываться от нее. Но если вынесенное решение отрицательное или, иначе говоря, если следствия оказались фальсифицированными, то фальсификация их фальсифицирует и саму теорию, из которой они были логически выведены¹⁾.

Поэтому К. Поппер считает и советует, что в развитии научного знания необходимо руководствоваться критическим реализмом: нужно идти осторожно, по шажку, ошупывая опытом и верифицируя каждый шаг вперед, подвергая его сомнению и всесторонним проверкам и тщательно выискивая всякие возможности его фальсифицировать, а после фальсификации уточнять формулировку, условия и направление этого же или нового шага, научного утверждения. И так идти по шажку, категорически не предсказывая и не преднацеливая далеко наперед, чтоб избегать крупных и вредных ошибок и заблуждений, каждый шаг вперед ошупывая опытом, верификацией и поисками фальсификации. «Мы не знаем—мы можем только предполагать».²⁾—таков логико-методологический девиз К. Поппера: Он считает, что можно принимать любое такое научное утверждение, которое подтверждается верификацией и которое не фальсифицировано, но при этом необходимо учитывать, что оно лишь временное и не неопровержимое, а лишь пока не опровергнутое, что оно может быть опровергнуто в результате более тщательной проверки.

Да, для открытия, для абсолютно истинного и исчерпывающего познания тех всеобщих и глубинно донных начал бытия и наименьших элементов сущего, из которых все начинается, составляется и развивается и в которые все в конце концов разлагается, метод индуктивных умозаключений, как основной метод не годится. Ведь этими умозаключениями не достигают эвристики, а лишь переносят уже как-то

1). См. К. Поппер. Логика и рост научного знания: Избр. работы. М., «Прогресс», 1983 г., стр. 53—54.

2). Там же, стр. 226.

полученное знание на другие экземпляры предметов или явлений этого же класса (рода или вида). И метод индукции не годится как основной для новой СНОЗ с ее смыслологическим элементарно-структурным и причинно-следственным выводением эмерджентных последствий из абсолютно истинно познанных начал и из них причинно-следственно получающихся смысловых элементарно-структурных образований в результате выяснения итоговых последствий взаимодействий, взаимообменов и взаимоперемещений элементов в структуре системы и этой системы в окружающей и пропитывающей ее среде.

Соглашаясь с К. Поппером насчет ограниченности и ненадежности метода индуктивных умозаключений и насчет того, что в научном познании продвигаться вперед необходимо осторожно, подвигая сомнению и проверяя и пытаясь опровергнуть каждый шаг, я считаю необходимым, во-первых, высказаться против ошибочных обоснований невозможности, де, надежно безошибочных предсказаний в довольно отдаленном будущем развивающейся цивилизации человечества; т.к. этим сообуславливается и совлекается или и подталкивается человечество на пассивность, на непредпринятие своевременного поиска и нахождения, обеспечения и осуществления спасительного и наиболее прогрессотворнейшего варианта, образа, формы и целей дальнейшей жизнедеятельности людей, их сообществ и человечества вообще из всех возможных вариантов этого, тем более в условиях надвигающегося и обостряющегося общеглобального кризиса жизни и выживания человечества на Земле, в условиях актуализирующейся дилеммы: или перспектива продолжения прогресса человеческой цивилизации, или перспектива опрокидывания его и вползания в ускоряющийся, усиливающийся, расширяющийся и всесторонничающийся регрес и вымирание или регрессотворное перерождение гомо сапиенса. Заботиться нужно не о том, чтобы квазинаучными рассуждениями отваживать передовых мыслителей человечества от заглядываний в будущее, от предвидений и предсказаний будущих последствий и от выбора, подготовки, обеспечения и осуществления наиболее прогрессотворнейшего мероприятия или варианта будущего из возможных и назревающих, но могущих быть предотвращенными или осуществленными, обосновывая и оправдывая эти отваживания и тем, что многие прошлые предсказания интеллектуальных лидеров не сбывались, а некоторые даже заводили человеческие сообщества в худшие, в застойные, или и в регрессотворные варианты. А заботиться нужно о том и работать нужно над тем, чтоб предвидения,

предсказания и рекомендации выбора, обеспечения и осуществления наиболее прогрессивнейшего варианта были бы в наивысшей степени безошибочными, своевременными, и чтоб осуществление его было наилучшим образом подготовлено, обеспечено и проведено.

Во-вторых, считаю необходимым предостеречь от сужения и догматизации приемов, форм и методов развития научного познания и от чрезмерного скепсиса насчет возможности абсолютно истинного и окончательного познания кое-чего в познающей нас реальной действительности. И хорошо, что К. Поппер не закрывает для этого дверь каким-либо методологическим обоснованием или запретом, а указывает на опыт и интуицию как на приемы развития знания, результаты чего также советует верифицировать, фальсифицировать, уточнять и обновлять. Однако плохо то, что вместо того, чтобы находить наиболее истинные смысловые элементы и выяснять их и их взаимоотношения и находить из них выводимость логически и фактически истинных последствий и выводить новые смысловые концепты и модели, философы, под напором традиций и унаследованных направления, методологии и стиля мышления и исследований, вовлекаются в исследование различно логически построенных языковых структур, форм высказываний, сползая в результате этого со смысловой сферы в исследование формализованных и формализующихся символ-структур, выясняют различные виды языковых высказываний и возможности их формализации и формализованного оперирования с отвлечением от смыслов и пр., тогда как отображение познающихся нами реалий осуществляется не символ-структурами, а смысловым содержанием мыслей и их выражающих символ-структур. Решение проблемы истинности, прогрессивного развития научного познания и достижения исчерпывающего, окончательного и истинного познания начал реальной действительности необходимо вывести из блужданий в сфере языковых логически формализованных символ-структур и ввести в сферу смыслологии, что и осуществляется в «Прологах...» и в «Логиках...»:

Снабженный и ведомый страстью достижения исчерпывающего и истиннейшего познания всего, меня интересовавшего, и идя трудным, продолжительным, извилистым, рискованным и опасным, порой мучительным и драматическим критическим, поисковым и творческим путем, идя вслед за наиболее прогрессивнейшей для людей Истиной, в которую я верил, которую сильнее всего любил и

которую превыше всего ставил среди интересов и целей своей жизни, я больше всего работал методом мысленной разгадки такой загадки: сколько и какими должны быть начала, чтоб из них получилось и получалось все то и такое, что и какое есть из видимого и невидимого нами? И наитруднейшая и наиважнейшая проблема истинного и исчерпывающего познания всеобщих глубинно-донных начал бытия и элементарно-структурных и причинно-следственных механизмов самогенезиса из них всего сущего реальности и нас самих в ней,—та проблема, к решению которой стремились и призывали, над решением которой трудились, решения которой искали, хотели и ожидали мощнейшие и талантливейшие мыслители всех времен и стран человечества на нашей планете,—мною успешно решена. Результаты, а отчасти и ход разгадки и разработки этой загадки и проблемы и излагаются в общем виде, в меньшей части и на предварительном уровне текстом «Прологи..:», но больше, подробнее и исчерпывающе глубоко текстом «Логи..:»:

К ВОПРОСАМ НЕОТЕОЛОГИИ И НЕОРЕЛИГИИ.

О монистическом идеализме и о монистическом материализме сказано достаточно. А вот насчет Бога, насчет теологического догматизма и насчет неотологии кое-что добавлю здесь, а остальное — в «Неотеологии...». Ибо без решения и этих вопросов в деле новой СНОЗ, зачинающем новую эпоху в глобальной истории человечества, не обойтись. Как быть с этими вопросами? Ведь вряд ли кто будет оспаривать факт довольно благопрогрессотворного влияния соответствующих религиозных богоучений, верований и организаций в истории человеческой цивилизации — как в прошлом, так и ныне. Но известно же, что под прикрытием не только светско-философских но и религиозных учений и верований организовывались (и все еще организуются) группировки и организации, творившие (и творящие) зло, обман, разрушения и регресс.

Что же такое Бог? Есть ли Он или нет Его? Нужны ли людям вера в Бога и праведная руководствуемость религиозной идеологией или нет? Давайте не будем лицемерами, политико-идеологическими хамелеонами, флюгерами, меркантильными приспособленцами и лжецами, а будем откровенными и честными друг перед другом, перед своей совестью, перед правдой, истинной и перед Богом и стойкими, неподкупными и бесстрашными перед сатанинскими хитростями, кознями, вовлечениям и угрозами.

— Из чего изначально начиналось и начинается, состояло и состоит, почему получается, как, куда, почему и к чему и зачем развивается то, что окружает меня и что я вижу, чувствую и создаю и что я есть? — спрашиваю я у консервативного проповедника богословских догматов.

— В «Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа»¹⁾, в «Святом Благовествовании от Иоана», гл. 1, написано «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Все произошло через Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло. 4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков».

— Вот и Вы отвечаете логически несостоятельной, запутанной и бессмысленной догмой! Так Слово было в начале или Бог? Или и Слово и Бог? И если Слово и Бог, то Слово было раньше либо

¹⁾ Издание Британского и Иностранного Библейского Общества, Вена, 1911 г., стр. 170.

Бог? Если в Начале было Слово, то кем или чем оно было произнесено или произведено? И с каким смыслом? Ведь без смысла слово ни к чему! Или имеется в виду множество слов? Если последнее, то чьих и с каким смыслом, какое смысловое содержание или название чего они выражали, обозначали? К тому же, разве Слово одно (или множество их) могло быть изначально без того, кто, где и посредством чего оно (они) произнесено и распространялось? Значит пространство, атомы, молекулы, воздух, электромагнитные и звуковые колебания, лучи света и прочее уже были? Тогда началом было не Слово!

— Ведь написано, что «И Слово было у Бога», — говорит догматик.

— Значит это Слово было произнесено Богом? Значит в Начале всему и вся был Бог, а не Слово? А потом уж были его Слово или слова и дела творения? Так из чего, чем и как творил Он все? Вы, видимо, согласитесь, что из вышеприведенной цитаты из «Нового Завета» следует, что в начале был Бог, т.к. там написано, что «...Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога». Так Бог был реалией какой-то или речь идет о слове Бог, т.е. о понятии «Бог» у кого-то? Ведь понятие «Бог» было у людей еще до явления Иисуса Христа народу! Или святой Иоанн, говоря, что в начале было Слово, имел в виду то, что вначале были слова Иисуса Христа, которыми он излагал ученикам своим свои этические, мировоззренческие и прочие поучения и предсказания? Ведь в «Новом Завете» об Иисусе Христе пишется, что он был не Бог, а сын матери своей Марии и Отца своего Духа Святого?! Если Бог был Словом, понятием, или множество слов и словосочетаний, выражающих учение, исходящее от того, что есть Дух Святой, то тогда что есть Дух Святой? И сказка снова начинается сначала. Если Бог был Словом, понятием, то у кого? У людей? которые, в таком случае, уже были до этого? И с каким смыслом было или должно быть это понятие? И если Бог — это Слово, которое своим смыслом должно истинно отображать соответствующую реальию, на самом деле имеющуюся во Вселенной или в нашем Мире; и если Он был в начале всего и вся и . «3. Все произошло через Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло», то в чем, в каком окружении Он был и чем Он был? Что же? Он из самого себя мистического и без различностей в себе и без иного вокруг себя и первое Слово произнес, и сотворил все? т.е. и пространство, и фотоны, и лучи света, и атомы, и молекулы, и живое, и все все?

Как Гегелевская Абсолютная Идея, сама из себя рефлексирующая свои инакости и противоположности? Какие путаницы и неясности! Подумайте же, здраво, люди добрые! Зачем же засорять умы себе и людям? Да еще и в наше время, когда надвигаются на человечество глобальные кризисы, катастрофы, катаклизмы?!

Разве можно построить гносеологически состоятельную, истинную и логически стройную СНОЗ, фундаментлирующуюся на начале, выше процитированном из «Нового Завета»? Потому здраво и истинностворно мыслящие люди, познавшие хотя бы элементарную логику и основные неопровержимые результаты современного научного познания, доверяющие своему разуму, честные перед своей совестью, перед людьми и перед истиной, стремящиеся познать все интересующее их так истинно и исчерпывающе, как это возможно вообще, и не вовлекаются в такую архаично-догматическую религиозную идеологию, а бодрствуют и ждут, да ищут истин более высокого порядка, как это и Иисус Христос завещал: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. 6. Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: это Я; и многих прельстят» (см. Ев. от Марка, гл. 13). И далее Он предсказывал: «надлежит быть войнам, но это еще не конец. Восстанет народ на народ, ... и будут землетрясения... и смятения. Это начало болезней... 20. И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы ни какая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни...». Но и после всего этого «Вы же берегитесь... Истинно говорю вам: не преидет род сей, как все сие будет. ...О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец...33. Смотрите, бодрствуйте... Чтобы пришедши внезапно, не нашел вас спящими. 37. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте». — Ев. от Марка, гл. 13.

К сказанному Иисусом Христом добавлю: не только бодрствуйте, но и не пассивничайте, не надейтесь только на молитвенные просьбы, а изучайте новую СНОЗ и руководствуйтесь светом истиннейших и благопрогрессотворнейших знаний, идей и решений, достигающихся посредством этой новой СНОЗ. И судите о ней по ее содержанию, а обо мне по делам моим, и не упускайте возможности помочь мне в основном общечеловеческом и вечнославном деле — в деле донесения новой СНОЗ человечеству и в делах дальнейшего ее развития и всяковозможного совершенствования и внедрения в жизнь. Прямее, короче и легче сделайте стези мои, чтоб ускорить продвижение новой СНОЗ в человеческое умосознание.

И зачем же самого Бога искажать, порочить и дискредитировать? Ведь далее о нем Иоанн говорит, что «4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков»! Значит Бог — это то, в чем была жизнь человеков?! При этом та жизнь, которая «была свет человеков»! «Бог есть свет, и нет в нем ни какой тьмы» (там же, стр. 305). Т. е. Богом следует считать то, что освещало и освещает людям благотворные пути и формы жизнедеятельности, а не то, что запутывает и затемняет умы людей. И Бог не любит неправды, как это пишется в других местах «Нового Завета»! Прimitивная, догматическая и сказочно-мифологичная религиозная идеология пригодна лишь для детей и необразованных людей, если практические ее выводы, повеления и последствия их исполнения не регрессотворные и не препятствуют исчерпывающему и истинному познанию реальной действительности и Бога. Но нужны неотеология и неорелигия, опирающиеся на истинные результаты научного познания, согласующиеся с ними и стимулирующие, содействующие дальнейшему прогрессу научного познания.

Во что и чему должны люди верить и служить? В какого Бога и как должны люди верить и служить, чтоб этим они не вовлекались в обман, в ошибки и заблуждения, чтоб это не было очередной брехалочкой-завлекалочкой, чтоб им и всему человечеству это не вредило, а наоборот, чтоб это содействовало их оздоровлению и благопрогрессу? Как быть с этими вопросами и желаниями? Да не иначе, как разрешить их найстиннейше и найблагопрогрессотворнейше!

Итак, вопрос: есть ли Бог или нет Его? Невозможно же решить, есть ли Бог, не зная смысла этого понятия. Для того, чтобы истинно решить этот вопрос, необходимо знать тот смысл, который связывают, который мыслят со словом (с термином) Бог, а потом установить, есть ли (не в смысле, не в мыслях, а в реальной действительности, во Вселенной) та реалья, которая отображается этим смыслом этого понятия; после чего установить, доказать наличие и степень соответствия между этой реальией и этим смыслом, из наличия и достаточно высокой степени чего и будет следовать, что Бог логически и фактически истинно есть, т. е. что есть Истинный Бог и он истинно есть. После этого, — чтобы решить этот вопрос благопрогрессотворно, — необходимо исследовать и доказать, влияет ли, как влияет и какая вера в такого Истинного Бога влияет на людей? к чему она ведет их: к оздоровлению ли и благопрогрессу или нет? Если влияет и ве-

дет к этому, то то смысловое содержание, которое влияет и ведет людей к оздоровлению, к спасению и к благопрогрессу, и есть (или и пусть будет) содержанием понятия Бог. Его и следует искать, познавать, изучать, развивать и им следует руководствоваться.

Какой же основной смысл понятия Бог? Не буду вдаваться в дальнейший критический анализ этого вопроса в теологической литературе разных религиозных течений и концессий, ибо уверен, что результат будет тот же: запутанность, бессмысленность, нерешенность этого вопроса или неистинность его решения. Определений и доказательств логически и фактически истинного смысла этого понятия в нынешней литературе нет.

Любая предшествующая религия строилась на догматической основе теологии, из которой потом «выводили» (без раскрытий и доказательств истинности и логических, элементарно-структурных и причинно-следственных выведений, получаемостей) поучения того, как должны жить и вести себя люди, и оформляется, образуется, строится, религиозная организация, обладающая средствами поддержания идейной дисциплины и влияющая на особенности дальнейшего развития культуры и цивилизации в принявших их обществах и государствах. И если эти основания и процесс потом догматизируются и закрепляются дисциплинарно, то при недоразвитости или ненайблагопрогрессотворнейшем состоянии идеологии, которую внедряют при этом в практику жизни, все это ведет если не к регрессу, то в лучшем случае к «окаменению» форм жизнедеятельности индивидов и общественных систем, к застою, к прекращению благопрогресса. Так зачем же сохранять неизменными такие задогматизированные, от древности затвердевшие, сказочно приукрашенные и преувеличенные основания теологии? тем более, что они противоречат естественно-закономерным предрасположенностям и стремлениям нашего разума понять и познать интересующие нас вопросы так исчерпывающе, подробно и истинно, как это возможно вообще. Если религия требует беззаветной любви к Богу и подчинения поучениям, исходящим как бы от Бога, то ясно же, что перед тем, как поверить в Бога и довериться этому, надо же познать истинный смысл понятия Бог, к чему, чем и как он ведет людей, есть ли та реальность на самом деле и истинно ли она отображается этим понятием и этой идеологией. Так что же, какая же реальность на самом деле дала мне (или нам) мои (наши) тело (тела), душу (души), разум мой

(наш) и жизнь мою (нашу), предобуславливает, преднаправляет и ведет людей к благопрогрессу? вознаграждает и карает?

Чтоб избежать ошибки в определении и выяснении смысла понятия Бог, давайте составим функциональное, атрибутивное определение его. Т. е. давайте возьмем в смысл этого понятия только то, что приписывалось людьми и теологами и богословами в течении всей религиознозначимой истории человечества и продолжает приписываться и ныне тому, что называли и называют словом Бог, но конкретный и истинный смысл чего неизвестен, не определяют и не доказывают. Конкретное и подробное или исчерпывающее смысловое содержание сущности и состава элементов, элементарно-структурное и причинно-следственное устройство и работа того, что осуществляет приписывающееся Богу, и как, из чего и чем оно это делает, давайте и мы пока не будем раскрывать, определять и доказывать (как поступают применяя метод «черного ящика»). Что же приписывали и продолжают приписывать тому, что называют у нас Богом? Это какая-то реальность, являющаяся наивысшей или конечной и недоприкасаемой первопричиной всему тому, что было, есть и будет во Вселенной.

— это первотворящая и основная первопричина и первоуправитель всего сущего, — это реальность, генерирующая собой образование, существование, сохранение и развитие всего сущего, — это то, что обуславливает, предопределяет направление и результат развития и управляет развитием всего сущего и что осуществляет вознаграждение всего сущего за благопрогрессотворное и карает за регрессотворное поведение и развитие его. Разве не это является тем, что приписывали и приписывают Богу, что считается его основными и существенными могуществами, функциями, атрибутами. Вот этим смыслом и давайте наполним мы понятие «Бог».

Так есть ли такой Бог? Истинен ли этот смысл? Да! Есть такое в реальной действительности! Значит этот смысл истинен! т. к. на самом деле в реальной действительности есть какая-то первоначальная и первоопределяющая сущность, реальность, есть та фундаментальная реальность, которая осуществляет все вышевыраженное. Такой Бог есть, потому, что есть то, что сотворило и космос, и вещества в нем, и небо и Землю, и тела и планеты, и звезды и галактики и метagalaktiki и пр. Такой Бог есть — потому, что есть то, что сотворило растительные и животные организмы. Такой Бог есть — потому, что есть то, что сотворило людей и человечество, и что предопределяет, преднаправляет и пред-

обуславливает их существование, сохранение, оздоровление и развитие.

К сожалению нынешние и предшествующие богословы, теологи и религиозные проповедники не познают, не знают, не раскрывают и не доказывают истинности смысла той реалии, которую называют Богом, а пользуются лишь фантастически мистическими сказками насчет этого, не наделяя это понятие истинным смыслом, совпадающим с истинными результатами научного познания тех реалий, которыми осуществляется то, что приписывается Богу. Да еще и других стараются отговорить от стремления познать все в Мире, чем и навлекают на себя грех и перед Богом и перед человечеством. И вот вопрос или проблема для нас в том, познаваемо ли и познавать ли нам то, что, как и из чего все начинается, состоит и творится или случается, или не надо, или невозможно все это познавать и познать. Можно ли познать и дозволительно ли познавать вглубь до дна исчерпывающе и истинно, вселенски найвысше (т. е. так, как это возможно вообще) то, чем и как осуществляется то, что религиозники называют Богом, а ученые — началами бытия и сущего? Или невозможно так это познать? Или недозволительно? А если недозволительно, то почему и кем, ради чего?

Какими же должны быть смысл понятия Бог и религиозные учения, чтоб быть и истинными, и благопрогрессотворными? Они же должны не затемнять, не запутывать, а освещать разум людей и очищать его от ошибок, от незнаний, от обманов и заблуждений. Поэтому и надо очищать фундаментальную идеологию религии, теологии от бессмысленных понятий, от ошибочных неправдивых и регрессотворных идей; и надо развивать и обновлять ее содержание, делать его правдивым, неопровержимо истинным, научно доказуемым и доказанным, и благопрогрессотворным, согласующимся или совпадающим и совмещающимся с результатами научного познания.

Так вот, если мы познаем вглубь до дна исчерпывающе и истинно ту реалию (тот элементарно-структурный и причинно-следственный механизм, который на самом деле составляет и пронизывает наши тела и души и вообще все), которой и осуществляется все то, что приписывают Богу, то это истинное знание, это новое истинное смысловое содержание неотеология и должна включить в содержание понятия Бог и в свою фундаментальную идеологию. В новой СНОЗ раскрывается и неопровержимо доказывается логически и фактически абсолютно истинное смысловое

содержание этого глубинного, всеобщего фундаментального логоса Вселенной, истинно отображающих те начала бытия и наименьшие элементы сущего, из которых на самом деле все начинается, состоит, образуется, развивается, которыми все преднаправляется и обуславливается в своем развитии и существовании и в которые все разлагается. Следовательно тот, кто будет изучать новую СНОЗ и достигать верного и достаточно полного понимания ее оснований, основ и методологии, и овладеет ею, и будет использовать ее в своем познавательном-объяснительном познании, предвидении и поведении, и будет этими познаниями руководствоваться, того и будет в соответствующей мере Бог сохранять, оздоравливать и сотворять ему благо, счастье и благопрогресс. И пусть одни называют это Богом, а другие — началами бытия и сущего или еще как-то, лишь бы смысл был при этих названиях один и тот же и истинным и благопрогрессотворным. И пусть наука и религия, институты, академии и церкви работают сообща, ради спасения, оздоровления и благопрогрессирования человеческих индивидов и всего человечества. Не разумно же враждовать или и бороться религии и науке или разным религиозным течениям и концессиям из-за того, что одну и ту же реальию называют и символически представляют по разному, тогда как истинный смысл ее один и тот же. Ведь глупцом же посчитают того, кто будет враждовать или и к войне призывать например, с немцами из-за того, что одну и ту же реальную вещь мы называем, например, столом, а немцы — дер тиш.

Учение о Боге и вся религиозная идеология и практика богослужения не должны не только препятствовать дальнейшему развитию, прогрессу научного познания, но не должна даже противоречить своим идейным содержанием и практикой благопрогрессотворным результатам научного познания и дальнейшему прогрессивному развитию научного познания аж в состояние такого исчерпывающего и истинного познания реальной действительности, людей и всего в ней, какое возможно вообще. Неонаука (новая СНОЗ) и неорегилия должны не мешать друг другу в познании, а взаимодополняться, взаимообновляться и взаимообогащаться наистиннейшими и наиболее прогрессотворнейшими идеями и делами.

*

*

*

Итак, из всего совершенно ясно, убедительно и неопровержимо следует, что система научного объяснительного знания, землянами до сих пор исторически развивавшаяся, использовавшаяся, унаследованная и все еще использующаяся как единственноизвестная и единообщая по содержанию естественно-научного фундамента и основ, хотя и расколота в своем философско-мировоззренческом и политико-идеологическом содержании на различные и на взаимоположенные варианты, продолжает изучаться и оструктурировать умознание людей. Но из-за эклектичности, запутанностей, неясностей, ошибок и заблуждений, недоразвитостей, не-туда-развитостей и из-за прочих недостатков и пороков фундаментальной смыслологической закваски она исчерпала свой объяснительный, эвристический и прогностический потенциал, устарела, тормозит и ограничивает возможности дальнейшего развития человеческого разума, мыслительских познавательно-объяснительных способностей, не отображает того глубинно-донного и микромирного, поляризационно-магнетически-эфирного фундамента реальной действительности, который не видится, не ощущается, не воспринимается чувственно, но который генерирует, предопределяет, предобуславливает и направляет собой образование, существование, поведение и развитие, а также разрушение и гибель всего сущего. Она не дает возможности, непригодна для достижения разумом земли такого вглубь до дна исчерпывающего, вселенски наивысшего, окончательного и истинного познания реальной действительности, какое возможно вообще (т. е. и ныне, и во веки веков, и людьми-землянами, и любыми инопланетянами) и которого нам необходимо достичь (тем более в период надвигающихся на человечество глобальных катаклизмов), которого мы хотим и можем достичь, возможность для чего и дает новая СНОЗ.

Более того, вследствие раскола философско-мировоззренческого, гносеологического и политико-идеологического содержания старой СНОЗ на разные и особенно на два взаимоположенные политически заидеологизированные и заорганизованные варианты (монистический диалектический материализм, монистический диалектический идеализм с общей для них монистической логической формой, софистической, неистинной и не выдерживающей гносеологической и политико-идеологической критики). Эта старая СНОЗ и ее философско-мировоззренческие «шапки» обуславливают и обслуживают выше раскрытое политическое диалектичанье: искусственные расколы общественных организаций и государств на фиктивно взаимоположенные эгоистические, политико-идеологические экстремистские группировки, ра-

зорительные розыгрышные и справедливые словесные, идейные, физические, вооруженно-насильственные и военно-кровопролитные конфликты, борьба внутри общественных организаций и государств между этими группировками больше с целью компрометации друг друга и борьбы за власть, чем за благопрогресс общественных организаций, государств и людей. Поэтому монистический материализм и монистический идеализм и пропитанная ими старая СНОЗ, двухглавая от разделенности на них в своем философско-мировоззренческом и гносеологическом содержании, и переформируются в новую СНОЗ, поиск, раскрытие и развитие оснований и основ которой на предварительном уровне излагается текстом «Прологи новой СНОЗ», заканчивающийся здесь этой шестой частью «Прологов...», а на уровне до дна вглубь исчерпывающем она излагается текстом «Логи новой СНОЗ», состоящем также из нескольких частей, издание которых будет осуществляться отдельными книжками по мере сбора автором необходимых и достаточных для этого денег.

Познать и оценить новую СНОЗ, овладеть и пользоваться ею можно лишь изучивши весь текст «Прологи...» и хотя бы несколько частей текста «Логи...» и верно понявши и освоивши то их основное смыслологическое содержание, которое и составляет собой, из которого и получают основания и основы новой СНОЗ. А т.к. Вы, глубокоуважаемый читатель, пока могли читать текст «Прологи...» по его частям и с большими временными перерывами—вследствие того, что они издавались и продавались в течение пяти лет,—и т.к. «Прологами...» излагается процесс поиска, полемики и развития оснований и основ новой СНОЗ на предварительном уровне, не до дна вглубь и не исчерпывающе, то от этого Ваше умосознание мыслило в большей мере смыслологикой старой СНОЗ и кое-что в «Прологах...» Вы не поняли или не верно поняли: Поэтому мой совет Вам и моя просьба к Вам: пока Вы дождетесь издания и приобретения хотя бы первой части текста «Логи...» (весь текст «Логи...» в рукописной форме имеется), потрудитесь над тем, чтоб еще раз прочесть все шесть частей «Прологов...»: Этим Вы достигнете более верного и полного понимания и закрепления в памяти основного содержания их и подготовите свое умосознание к очень трудной, глубокомысленной работе по изучению «Логов...», разовьете свой ум, натренируете его и сделаете его более глубокомысленным и пронизательным, подготовите его к погружению на такой до дна вглубь исчерпывающий уровень и такого истинного познания того в реальной действительности, на чем она фундаментируется и что

в ней генерирует, предопределяет, преднаправляет. и предобуславливает образование, существование и развитие всего сущего, какое возможно вообще. Прочтите еще раз все шесть частей «Прологов...», чтоб после этого с разгона врубиться в смыслологическое содержание «Логов...». Это трудно, конечно. Но имейте в виду, что ум развивается и совершенствуется именно и больше всего от такого читательского и мыслительского труда, в результате которого непонятное, неизвестное и неистинное превращается в понятное, в известное и истинное. А для изучения и овладения новой СНОЗ нужно вырабатывать в своем умознании новую смыслологику и учиться ею пользоваться, мыслить при познавательно-объяснительном мышлении и в рассуждениях для смыслового взаимопонимания и взаимообщения с другими людьми. Значит нужны новые слова или старые слова нужно по новому осмысливать, связывать с новыми или обновленными частично смыслами. И если Вы верно поймете и изучите основное смыслологическое содержание «Прологов...» и «Логов...», то убедитесь и признаете, если Вы честный человек, что я не обманываю Вас и не ошибаюсь в том, что новая СНОЗ получилась и что она получилась такой, какой характеризуется в предисловиях первой и второй частей «Прологов...» и излагается в полемике с доказательствами и в развитии из старой СНОЗ этими текстами. И Вы сможете достичь того, что будете знать, будете иметь истинные умозрительные модель-представления о всем том, из чего что есть и что и как все может получиться или получается и развивается на тех уровнях сложности реальной действительности (донно-глубинно-микромирное, пространственно-поляризационно-эфирное и пр.) которые чувственно не замечаются, не воспринимаются и не знают, из-за чего смыслологикой старой СНОЗ и не удастся познать и объяснить ни атомы, ни то, почему и как они объединяются в молекулы, ни то, как появляются биовещества и почему и как они при соответствующих структурах оживляются и развиваются аж до образования различных организмов и того в них, что мы называем сознанием. А новая СНОЗ позволяет все это и многое прочее вглубь до дна исчерпывающее и истинно познать,—познать и то, что необходимо, чтобы жить в соответствии с предписаниями природы и Бога и этим оздоравливать и продлевать жизнь.

Заказы на приобретение всех или каких-то частей текста «Прологов...», или потом и текста «Логов...» высылайте по адресам: 344025, г. Ростов-на-Дону, 37 линия, д. 42, кв. 4, Неволько Григорий Иванович или: 251010, Украина, Черниговская область, г. Бахмач, почтамт, абонементный ящик 32, Неволько Григорий Иванович.

И соответствующие, заказанные Вами книги «Прологов...» и «Логов...» будут высылаться Вам почтой по указанному Вами адресу с наложенным платежом—по мере опубликования и наличия их у автора. Стоимость каждой книжки? Пока не больше стоимости полкилограмма сливочного масла.

Приступая к прочтению «Логов...»,
«Ты же теперь напряги свой слух и свой ум прозорливый
Освободи от забот, достоверному внемля ученью,
Чтобы дары, приносимые мной с беспристрастным усердием,
Прежде чем их оценить, с презрением прочь не отрынул.
Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Все из которых творит, умножает, питает природа
И на которые все после гибели вновь разлагает».

(Лукреций. «О природе вещей».

Изд. АН СССР. 1946 г., Т. 1, стр. 9).

Конец шестой части и всего текста «Прологи...». Продолжение следует. Оно будет излагаться текстом «Логи новой системы научного объяснительного знания», состоящего из нескольких частей, из книго-сериала.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ

3 стр.

ГЛАВА 1

- § 1. Продолжение выяснений процессов, результатов и путей дальнейшего прогресса познания 4 стр.
- § 2. Об усугублении гносеологического кризиса нынешней старой СНОЗ исчерпанием возможностей использования экспериментальных средств для познания глубинного 27 стр.
- § 3. Ассоциативные и причинно-следственные связи, объективизация знания и логики познания и о пр. 36 стр.
- § 4. Еще к вопросу об активности субъекта в процессе познания 50 стр.
- § 5. Данные чувственных восприятий, мышление, познание нечувствовавшегося и чувствам недоступного глубинного и пр. 58 стр.
- § 6. Логика познания и знание о развитии предмета познания и его среды, выпротивоположение и пр. 70 стр.

ГЛАВА 2

Различные обоснования познаваемости объективного, неоощущающегося, всеобщих исходных начал бытия и сущего и пр.

- § 1. Еще о познаваемости исходных всеобщих начал бытия и простейших наименьших элементов сущего 81 стр.
- § 2. 110 стр.
- § 3. О характерном для материалистического мировоззрения 129 стр.

ГЛАВА 3

Еще полемические рассуждения.

- § 1. Чем должна заниматься философия? 145 стр.
- § 2. 158 стр.
- § 3. О том же в форме возможного слишком открытого поучения первоорганизатору оппозиционной группы 176 стр.
- § 4. К вопросам неотеологии и неорелигии 193 стр.
- Конец шестой части «Прологов...» 204 стр.

Сдано в набор 20.07.95. Подписано в печать 26.08.95: Формат 60x84 1/16: Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Услов. печ: листов 13. Тираж 2500. Изд. № 33. Зак. 2217. Цена договорная. Заказное.

Областное управление по печати. 250000. Чернигов, проспект Октябрьской революции, 62.

Бурынская районная типография. 245710. Бурынь, Д. Бедного, 4: